
РЕННИКОВЪ
НЕЗВАНН
ВАРЯГ

НЕЗВАННЫЕ ВАРЯГИ

А. РЕННИКОВЪ.

НЕЗВАННЫЕ ВАРЯГИ

ПАРИЖЪ
1 9 2 9

Недавнее появленіе на Западѣ нашего варяжскаго племени Русь до сихъ поръ приводитъ въ смущеніе представителей европейской науки.

Одни считаютъ варяговъ потомками скиѳовъ, другіе — татарами, третьи — финнами.

Ничуть не обижаясь на всѣ эти гипотезы, поскольку онѣ не мѣшаютъ намъ находить заработокъ, мы, тѣмъ не менѣе, должны безпристрастно признать слѣдующій историческій фактъ:

Никакого призванія варяговъ не было.

Варяги сами пришли.

Успокоившись послѣ взаимныхъ междуусобицъ и войнъ, Западъ черезъ своихъ пословъ спѣшно сообщилъ варяжскимъ князьямъ, стоявшимъ на царьградскомъ рейдѣ:

— Господа! Порядокъ у насъ, какъ будто, наладился, но земля мала, не обильна и дороговизна ужасная. Не приходите, пожалуйста!

На что варяги твердо отвѣтили:

— Придемъ, все-таки.

И, въ результатѣ, пришли. Полковникъ Олегъ Рюричкинъ сѣлъ въ Нью-Іоркѣ, генералъ Игорь Синеусовъ — въ Бѣлградѣ, присяжный повѣренный Владиміръ Труворовскій — въ Парижѣ.

Дружина Рюричкина получила въ удѣлы Чикаго, Филадельфію, Бостонъ, Рочестеръ, Санъ-Франциско. Дружина Синеусова — Нишъ, Новый Садъ, Загребъ, Дубровникъ, Сараево, Цетинье. Дружина Труворовскаго — Ліонъ, Виши, Ниццу, Тулузу, Бельфоръ, Крезо, Монтаржи.

А остальные пришедшіе распредѣлились кто-гдѣ. Разбросались, смотря по меридіану.

— И, вотъ, куда, въ концѣ концовъ, пошла есть русская земля! — съ горечью восклицаетъ по этому случаю лѣтописецъ.

РАЗСКАЗЫ

ВОКРУГЪ СВѢТА

1.

Засѣданіе Лондонскаго географическаго общества подходило къ концу. Резюмировавъ пренія, предсѣдатель обратился къ сидѣвшему въ первомъ ряду Филеасу Фоггу съ торжественнымъ вопросомъ:

— Мистеръ Фоггъ! Итакъ, рѣшаетесь ли вы, послѣ всѣхъ поставленныхъ вамъ условій, на путешествіе вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней безъ новѣйшихъ способовъ передвиженія?

— Да, сэръ, — невозмутимо отвѣтилъ Филеасъ Фоггъ, не вынимая сигары изо рта.

— Вы обязуетесь не говорить за все время путешествія ни на какомъ языкѣ, кромѣ англійскаго?

— Да, сэръ.

— Вы согласны на маршрутъ, выработанный въ настоящемъ засѣданіи и включающій въ себя: Санъ - Сальвадоръ, Мексику, Калифорнію, Сандвичевы Острова, Японію, Китай, Индостанъ, Аравію, Тунисъ, Гибралтаръ, Лондонъ?

— Да, сэръ.

— Въ такомъ случаѣ, мистеръ Фоггъ, срокъ на премію въ 500 тысячъ фунтовъ начинается съ завтрашняго утра въ 10 час. 30 мин. по Гринвичу. Объявляю засѣданіе закрытымъ.

2.

Мистеръ Фоггъ сидѣлъ на кормѣ огромнаго океанскаго парохода въ длинномъ лонгшезѣ, положивъ для удобства одну ногу на пароходный компасъ, и читалъ газету. Черезъ 5 часовъ 25 минутъ послѣ отхода онъ замѣтилъ, что около него вертится какой-то незнакомецъ и старается заговорить.

— Послушайте, джентльмэнъ, — проговорилъ, наконецъ, Фоггъ, прочитавъ газету до конца и убѣдившись въ послѣдней строчкѣ, что редакторъ газеты не перемѣнился. — Я вижу, какъ будто, что моя личность представляетъ для васъ исключительный интересъ?

— Вы угадали, сэръ, — отвѣтилъ незнакомецъ на плохомъ англійскомъ языкѣ. — Я хотѣлъ вамъ предложить свои услуги, сэръ. Я все могу, сэръ.

Филеасъ Фоггъ, который ничему не удивлялся уже 23 года, не удивлялся съ тѣхъ поръ, когда его бросила жена, бѣжавшая съ однимъ полярнымъ путешественникомъ, былъ нѣсколько изумленъ предложеніемъ иностранца. Онъ докурилъ сигару, внимательно слѣдя за ея пепломъ, и сказалъ, наконецъ:

— Я не знаю, что вы можете, милостивый государь. Но, надѣюсь, вы не сапожникъ и не авіаторъ въ одно и то же время?

— На этотъ разъ вы не угадали, сэръ, — спокойно возразилъ незнакомецъ. — Я именно и сапожникъ и авіаторъ одновременно. Если же вамъ, сэръ, нуженъ, кромѣ того, машинистъ на пароходѣ, поваръ, шофферъ, плотникъ, прачка, скрипачъ, артиллеристъ, оффиціантъ, переписчикъ на машинкѣ, чертежникъ, землемѣръ, печникъ и дровосѣкъ, — то я тоже къ вашимъ услугамъ.

— Не исключая фотографа? — спросилъ озадаченный Фоггъ.

— Разумѣется, не исключая, сэръ, — быстро согласился незнакомецъ. — Фотографія сама собой подразумѣвается. О ней не стоитъ упоминать такъ же, какъ и о гравировкѣ по мѣди, которую я знаю въ совершенствѣ.

— Такъ, — задумался, нахмурившись, Филеасъ Фоггъ. — Это превосходно. Подобные спеціалисты, не спорю, особенно полезны въ кругосвѣтномъ путешествіи. Но... кто васъ можетъ рекомендовать?

— Прежде всего, — я самъ. Ну, а кромѣ того, всѣ правительства всѣхъ странъ, сэръ, — отвѣтилъ незнакомецъ, забираясь рукой въ карманъ и доставая оттуда пачку бумагъ. — Вотъ, извольте взглянуть: здѣсь, на этомъ документѣ, 35 визъ. На другомъ, будьте добры убѣдиться, 48. Итого 83. Далѣе: короткое путешествіе съ 14 визами. Это прогулка въ одну дачную мѣстность, въ окрестности. Затѣмъ: легитимація, сертификатъ, картъ д'идантитэ, дозвола на животъ...

— Достаточно. Разрѣшите узнать вашу національность и имя?

— Что касается національности, сэръ, то она ясно выводится изъ предъявленныхъ вамъ документовъ: въ нихъ опредѣленно значится, что я подданный великой Горской республики. А имя мое, сэръ, Иванъ-Петровъ-Заде-Ага. Это довольно длинное имя, правда; я самъ иногда бываю имъ недоволенъ. Но никто не мѣшаетъ вамъ, сэръ, для простоты обозначенія называть меня кратко: Паспарту.

— Я беру васъ! — твердо произнесъ Филеасъ Фоггъ, подумавъ 3 минуты 18 секундъ. — Съ двѣнадцати часовъ вы находитесь у меня на службѣ, мистеръ Паспарту.

3.

Въ Санъ-Сальвадоръ пароходъ прибылъ днемъ. Сойдя на пристань, Филеасъ Фоггъ обратился къ носильщику съ

просьбой отнести вещи въ автомобиль лучшаго отеля. Но носильщикъ не понималъ.

— Эти парни лопочутъ не то по-португальски, не то поиспански, — разсердился Паспарту. — Погодите, сэръ. Я сейчасъ отыщу настоящаго туземца.

Онъ взобрался на стоявшій у пристани ящикъ, сложилъ ладони въ трубку и зычно крикнулъ на непонятномъ Филеасу Фоггу нарѣчіи:

— Господа! Э-эй! Кто изъ васъ тутъ земляки? Иванъ Ивановичъ, Михаилъ Степановичъ, Сидоровъ, Карповъ, отвѣчай!

— Я, Федоровъ! — послышался радостный голосъ одного изъ грузчиковъ. — Здравствуйте, землякъ. Вотъ пріятная встрѣча!

Иванъ - Петровъ - Заде - Ага облобызался на глазахъ у удивленнаго Филеаса Фогга съ Федоровымъ, разспросилъ его обо всемъ и увѣренно повезъ своего патрона въ отель, указывая достопримѣчательности мѣстности и ту вершину, которую впервые увидѣлъ съ моря Христофоръ Колумбъ.

— На какомъ языкѣ вы объяснялись съ вчерашними рабочими? — спросилъ Филеасъ Фоггъ на слѣдующій день Паспарту, когда тотъ, замѣнивъ больного гостинничнаго шоффера, везъ своего патрона въ окрестности города.

— На туземномъ, сэръ, — отвѣчалъ Паспарту. — Здѣсь живетъ одно старое уцѣлѣвшее племя, и я на досугѣ изучилъ его языкъ. Не угодно ли, между прочимъ, вамъ, сэръ, заѣхать въ гости къ одному изъ этихъ туземцевъ?

— Я очень радъ, что взялъ васъ на службу, Паспарту, — величественно произнесъ Филеасъ Фоггъ. — Везите меня къ туземцамъ. Вы незамѣнимы, Паспарту.

— Не то еще будетъ, сэръ, — скромно потупивъ глаза, отвѣтилъ Иванъ-Петровъ-Заде-Ага.

4.

Колонисты встрѣтили земляка радостными разспросами. «Откуда? Какъ? Почему?» Паспарту усадилъ Филеаса Фогга у стола и сталъ разсказывать о томъ, сколько ему за послѣдніе годы пришлось испытать мытарствъ.

— И теперь, видите, служу у этого рыжаго болвана, — закончилъ онъ свое повѣствованіе, показывая пальцемъ на Фогга, который въ отвѣтъ торжественно кивнулъ головой. — Съ жиру взбѣсился отъ своихъ стерлинговъ, поѣхалъ осматривать земной шаръ.

— Дуракъ, — грустно согласился сѣдой полковникъ, хозяинъ избушки. — Я понимаю еще интересъ къ разнымъ частямъ свѣта, когда нужно устраиваться. Но имѣя деньги и отечество... Оселъ!

— Вы слышите, сэръ? — спросилъ Паспарту Филеаса Фогга. — Туземцы васъ привѣтствуютъ.

— Передайте имъ мою благодарность, Паспарту, — прочувственно отвѣтилъ Филеасъ Фоггъ. — Я очень тронутъ.

И онъ снисходительно сталъ осматривать внутренность хижины. Ему понравились вышивки крестиками, которыя дѣлаютъ своими руками туземки Санъ-Сальвадора. Онъ внимательно разглядывалъ издѣлія изъ мѣстнаго дерева въ видѣ мундштуковъ, корзиночекъ, табакерокъ. Онъ купилъ даже на память одну коробочку съ узорами, выжженными по дереву очень искусно и со вкусомъ. Уѣзжая въ городъ, онъ благодарилъ туземцевъ и спросилъ Паспарту, указывая на стоявшій въ углу вылѣпленный изъ мѣстной глины бюстъ Пушкина:

— Это что такое?

— Ихъ Богъ, — спокойно отвѣтилъ Паспарту. — Если вы имъ оставите десять фунтовъ, сэръ, они цѣлый годъ бу-

дутъ покупать благовонныя травы въ видѣ папиросъ и курить передъ богомъ фиміамъ въ вашу честь.

5.

Мексику и Калифорнію путешественники миновали благополучно. Въ Калифорніи, впрочемъ, на желѣзной дорогѣ произошла однажды задержка, такъ какъ черезъ поврежденный водою мостъ машинистъ не хотѣлъ вести поѣздъ.

— Паспарту, мы опоздаемъ, — грустно сказалъ Филеасъ Фоггъ, заглядывая въ карманный календарь. — Что намъ дѣлать, Паспарту?

— Не безпокойтесь, сэръ, — отвѣтилъ Петровъ - Заде - Ага. — Я на этой станціи познакомился съ однимъ индѣйцемъ по имени Голопупенко. У него есть нѣсколько вѣрныхъ товарищей... Если вы хорошенько заплатите, они высадятъ машиниста, и сами перевезутъ насъ на ту сторону.

Филеасъ Фоггъ согласился. Деньги были уплачены, время было выиграно.

По Тихому океану почти до самыхъ Сандвичевыхъ Острововъ плыли благополучно. Только за день до прибытія къ островамъ захватилъ сильнѣйшій штормъ, и повара такъ укачало, что никто не рѣшался попробовать приготовленнаго имъ въ состояніи болѣзни супа.

Филеасъ Фоггъ былъ въ уныніи.

— Дорогой мой, — сказалъ онъ Паспарту, — если я не съѣмъ сегодня супа, я потеряю 152 калоріи. Нельзя ли предотвратить это несчастіе?

Паспарту думалъ недолго. Пошелъ на кухню, уложилъ повара на кровать, самъ приготовилъ борщъ. Борщъ вышелъ на славу, и даже капитанъ судна приходилъ къ Филеасу Фоггу и спрашивалъ:

— Гдѣ вы достали такого золотого человѣка, сэръ? Онъ — англичанинъ?

— Почти, — уклончиво отвѣтилъ Филеасъ Фоггъ. — Я отыскалъ его на предгорьяхъ одной изъ англійскихъ колоній.

6.

Въ Гонолулу мистеръ Фоггъ былъ пораженъ не на шутку. Когда пароходъ ошвартовался, Паспарту, стоявшій у борта, вдругъ вскрикнулъ и яростно замахалъ платкомъ.

— Петя, ты? Не можетъ быть!

— Ваня! Какими судьбами?

— Изъ Калифорніи вокругъ свѣта ѣду! А ты какъ здѣсь? Съ какихъ поръ?..

— Изъ Феодосіи — прямо. Ну, и сюрпризъ! Какъ жена удивится! Ты одинъ? Слѣзай скорѣе, сходни поставили!

— Паспарту, — сказалъ Филеасъ Фоггъ, трогая за плечо Ивана-Петрова-Заде-Агу. — Съ кѣмъ вы бесѣдуете?

— Съ туземцемъ, сэръ, — отвѣтилъ радостно Паспарту. — Мы съ нимъ большіе пріятели. Быть можетъ хотите, сэръ, опять посмотрѣть, какъ живутъ мѣстные жители?

— Я согласенъ, — задумчиво отвѣтилъ Филеасъ Фоггъ, съ завистью глядя на Петрова-Заде-Агу. — Но скажите, пожалуйста, Паспарту: вы не совершали раньше двадцати или тридцати поѣздокъ вокругъ свѣта?

— Девятый годъ непрерывно ѣзжу, сэръ, — скромно отвѣтилъ Паспарту. — У насъ тоже, вѣдь, какъ и у васъ, есть географическое общество... Только число дѣйствительныхъ членовъ въ немъ черезчуръ велико: два милліона человѣкъ, не считая родственниковъ.

Филеасъ Фоггъ вздохнулъ. Онъ не понималъ до сихъ поръ, кто же такой, наконецъ, этотъ загадочный Паспарту. Но сознаться въ незнаніи того, гдѣ находится Горская рес-

публика, Филеасъ Фоггъ не могъ. Для этого онъ былъ слишкомъ извѣстный географъ.

7.

Съ Паспарту Филеасъ Фоггъ ѣхалъ, къ сожалѣнію, только до Китая. Въ Шанхаѣ въ одно прекрасное утро, получивъ жалованіе за мѣсяцъ въ размѣрѣ 300 фунтовъ, Паспарту, вдругъ, исчезъ, оставивъ Филеасу Фоггу записку, въ которой говорилъ, что покидаетъ патрона, обѣщаетъ зайти къ нему въ Лондонѣ на квартиру и объяснить тамъ подробно причину ухода. Филеасъ Фоггъ впалъ въ уныніе. Онъ такъ привыкъ къ Паспарту, къ его обширнымъ знакомствамъ на земномъ шарѣ, къ его умѣнію объясняться со всѣми туземцами, разспросить — по какой улицѣ идти, за какой уголъ завернуть, — что вначалѣ на почтеннаго географа напала хандра. Однако, до конца срока оставалось всего 47 дней.

Кое-какъ поборовъ уныніе, Филеасъ Фоггъ проѣхалъ въ Бомбей, оттуда на слонахъ и верблюдахъ въ Мекку, добрался до Портъ-Саида, перекочевалъ въ Тунисъ и черезъ Гибралтаръ вернулся въ Лондонъ ровно черезъ 80 дней, считая и одинъ пропущенный день изъ-за вращенія земли вокругъ собственной оси.

Било 10 часовъ 30 минутъ по Гринвичу, когда въ залъ засѣданія Лондонскаго географическаго общества открылась дверь, и на порогѣ появился Филеасъ Фоггъ...

8.

Въ тотъ же день мистеръ Фоггъ случайно встрѣтилъ Паспарту на Даунингъ стритъ.

— Паспарту, вы?

— Я, сэръ.

- Каким образом? Давно ?
- Уже около месяца, сэр. Открыл здесь лавку, обзавелся квартирой. Женился, сэр. Все благодаря вашему жалованью. Большое спасибо.
- Паспарту !- побледнел Филеас Фогт, схватывая Петрова- Заде-Агу за руку.
-Как же так? На месяц раньше меня? Почему вы бежали от меня. Паспарту?
- Сэр,-искренне произнес Паспарту, пожимая руку джентльмэна-не сердитесь. Но скажу вам правду: уж очень вяло плелись мы с вами по земному шару. Члены нашего географического общества, сэр, не привыкли к такой медлительности !

ГИМНАЗИСТ ИВАНЕНКО.

Большая перемена окончилась. В ожидании преподавателей ученики спешно просматривают текст урока, сверяя с подстрочником. Прежде, когда-то, в России, такие подстрочники можно было достать в каждом книжном магазине за пять копеек. Но теперь в беженское время, никто печатных подстрочников не издает, приходится платить бешеные деньги гимназисту седьмого класса Синицыну за экземпляр, оттиснутый на гектографе.

- В то время, как солдаты, построив каре, стали защищаться...- торопливо бормочет ,склонившись над партой, Иваненко, - на крик быстро сбежались около шести тысяч Моринов. Цезарь послал , между тем, на помощь своим всю конницу из лагеря..."

- Иван Александрович, вечером дома будете ?
- Да... А что/...
Иваненко поднимает бледное, обросшее густой бородой лицо, растеренно смотрит.
- Хотим с женой к вам нагрянуть. Елена Сергеевна приглашала... Сегодня суббота ведь.
- Ах, да! Конечно...
.... будем очень рады....
После урока сговоримся... А то вчера я... не успел....
- Ну, ну ! Зубрите... ладно...

Гимназия, в которую поступил осенью этого года Иваненко, одно из вех учебных заведений, которые открыты для детей русских беженцев гостеприимными сербами. Правда, не для всех желающих хваьает места. Но и то, слава Богу. Кроме того, при приеме нет излишнего формализма. Правительственный член комиссии, сербский профессор, когда Иваненво подавал прошение, о желании поступить в 7-ой класс, сначала было встребожился. Но затем вспомнил о России, со страданием посмотрел на всклокоченную бороду будущего ученика, вздохнул:
- А вы знаете, м-сье, что у нас правило: старше девятнадцати лет в 7-ой класс
- нельзя?
- Знаю, профессор,
- Так как же?
- Мне как раз девятнадцать. В июле полнилось.

В данном Иваненко разрешении подвергнуться испытаниям для поступления в 7-ой класс, профессор, в конце концов не

раскаялся. Хотя на экзамене по физике Иваненко старался уклоняться от теоретических вопросов, главным образом, налегая на полет ядер в воздухе, на равенство действия противодействию во время атаки и на кинетическую теорию распространения удушливых газов, а на экзамене по русской литературе все время сворачивал с Даниила Заточника на Блока и Бальмонта, зато результат испытания по географии совершенно растрогал профессора. На вопрос экзаменатора, что испытуемый может сказать про Централную Африку и реку Конго, Иваненко любезно ответил:

-Оо, очень много... Если у вас есть часок свободного времени, могу вам рассказать, как мы в позапрошлом году работали на притоке Конго, Касае, на бриллиантовых приисках. С племенами Бакуба, Лулуа, между прочим, хорошо познакомился. а от Басонго по Санкуру тоже плавал... До Лузамбо.

Преподаватель Петр Евгеньевич бодрой походкой вошел, сел за кафедру, записал, кого нет в классе.

- Иваненко, пожалуйте.

Держа в руке четвертую книгу Цезаря , Иван Александрович молча пробрался с" камчатки"вперед, покорно стал возле кафедры, открыл 27-ю главу.

- какого места урок?

- , Петр Евгеньевич

- Хорошо. О чем говорилось раньше, знаете?

ете?
- Да... Триста воинов с транспортов Цезаря, отбитых непогодой от остальной возвращавшейся из Британии эскадры, высадились ... в области Моринов, ну, и вот Морины напали.
- Так. Читайте текст.
Иван Александрович медленно , спотыкаясь на длинных словах, не всегда произнося " " как " " дошел наконец до отчеркнутого в книге места: "

- вытирая со лба выступавшие мелкие капли, облегченно закончил он. И затем начал переводить.
- Отлично, отлично...- с довольным видом откинулся на спинку стула преподаватель.- Теперь скажите, Иваненко,: что особенного вы заметили во всем прочитанном?
- ,Петр Евгеньевич
- Где?
-
- Да, верно. И тоже
Но я спрашиваю не про грамматические особенности, а про смысл. Что говорят про эту главу 27-ую комментаторы Цезаря? Помните?
- Не знаю, Петр Евгеньевич.
- Я ж прошлый раз разскзывал, кажется.
- Меня не было на прошлом уроке.
- Ага. Очень жаль. Но так вот, имейте в виду: в истории военного искусства сражение с Моринами- классический случай. Подумайте сами: пехота, численностью в триста человек , отражает натиск непри-

рительского шеститысячно го отряда, в котором действуют, гл. образом, кавалерийские части. Гений Цезаря, как видите, вдохновляет его войска и тогда, когда он не присутствует лично. Момзен в своей "Римской истории" указывает, например, что Цезарь в умении держаться против более сильного врага превосходит даже Наполеона. А Наполеон- не шутi Впрочем, вы легко можете сообразить: 300 римских солдат с одной стороны, и 6000 Моринов с другой. Один против двадцати. Повторите, что я сказал, Иваненко.

- Что повторить, Петр Евгеньевич?

-О подвиге вообще. И мнение Момзена в частности.

-Простите, но я ... не повторю.

-Что такое?

- Не согласен... с комментариями.

Петр Евгеньевич встал. Негодующе поправил пенснэ.

-Иваненко, прошу повторить! тонким голосом выкрикнул он.-Не забывайте, что вас против правила приняли! С бородой !

-Хорошо-покраснел, угрожающе захлопнув книгу Иван Александрович.-Я повтррю, но при условии, если вы выслушаете про высадку наших дроздовцев у Хорл. Или, если хотите, другой случай: как горсточка марковцев, корниловцев и алексеевцев в пешем строю раскатала кавалерийский корпус Жлобы. Вы сами отлично знаете, как мало нас было. А корпус Жлобы, хотя и большевицкий, почище Моринов, все-таки !

Звонок прозвонил к перемене один раз. Прозвонил второй раз- к уроку. А перед доской на которой были помечены немецкий колонии Северной Таврии и проведены из разных

ктов длинные белые линии и стрелы, стояла вострржeнная гудящая толпа семиклассников во главе с Петром Евгеньевичем. И вдохновенный бас Иваненки гремел на весь класс и ближайшую часть коридора:
-Ну, и метались они, канальи, с севера на юг и с юга на север до тех пор, пока были почти полностью уничтожены. Только штаб вместе со Жлобой, к сожалению, успел ускользнуть. Но мне с моим батальоном нельзя было идти в погоню. Не хотел обнажить наш фланг.

ВИЗИТЕРЫ.

Трудно в наше время ездить с пасхальными визитами к добрым знакомым.

Вот, например, живущая возле Парижа, в Аржантейе, Вера Ильинишна. Давно, кажется, просила навестить ее в один из праздгничных дней. Выбрал я для этого визита первый день Пасхи, отправился на гар Сен-Лазар, полчаса ждал на вокзале, ехал полчаса напоезде, шел около часа пешком, пока добрался до виллы. И в результате, как ни стучал-гробовое молчание.

Иду назад к воротам, произношу про себя кое-какие нехорошие слова. И вдруг в сад входит русский. Массивный, жизнерадостный. С удивлением смотрит на меня и останавливает.

- Вы от Веры Ильинишны, простите?
- Да, к сожалению, дома нет.
- Нет дома? не может быть!

Я стучал, окликал. Не отвечает.

-Бросьте, бросьте. Это ее всегдашние штучки. Идем! Если за дело взяться умеючи, обязательно добьемся.

Мы двинулись по дорожкам запущенного сада. Незнакомец шагал уверенно, бодро, несомневаясь в правоте своих предположений. Я немного отставал. С одной стороны, было неловко, но с другой-чрезвычайно обидно возвращаться безрезультатно в Париж.

- Да-с, удивительный ловкач беженец теперь пошел- с легким негодованием заговорил мой спутник.-Казалось бы , богатые эмигранты, как Вера Ильинишна, должны особенно широко принимать визитеров. А между тем, куда ни толкнешься ,всегда дома нет. Вот беженцы, которые победнее , те всегда гораздо доступнее. Правда, их тоже на Пасху обыкновенно, дома нет, но зато хоть записочку повесят, внимание проявят. А самые гостеприимные хозяева, скажу я вам, это главным образом те, у которых совсем ничего нет. Так как таким беженцам терять все равно нечего и разориться немыслимо , то всякий визитер принимается и тепло, и сердечно. Троекратные искренние поцелуи начинаются, кусочек бабы откуда-то извлекается, вслед за бабой бутылочка водки, селедка. Хозяйка наливает рюмку, потчует, радушно расспрашивает, бываете ли в театрах, не очень ли страдаете от повышения тарифа такси, не собираетесь ли на бал цветов в "Опера". И только при уходе, разве, бывает опасно. Пойдет хозяин провожать в коридор, еще раз на прощанье похристосуется, облобызается, а потом вдруг, как бы спохватившись, спросит у самых дверей: "Не найдется ли у вас, дорогой, ста франков до завтра?"

Мы подошли к домику. Нерешительно я присел сбоку на ступеньку лестницы, укрывшись за ветки куста сирени. А незнакомец быстро поднялся к двери, загрохотал.

- Вера Ильинишна! Это я! Николай Андреевич. Христос Воскресе!

Молчание.

- Вера Ильинишна! Неужели не узнаете голоса? Это я!

Молчание.

- Ой, нехорошо, Вера Ильинишна! Честное слово нехорошо. Из Парижа, как говорят французы, целых два часа перли, а вы не отвечаете. Ну, атанде, пройду с черного хода.

Он оставил меня не лестнице, обошел домик, заглянул в птичник, в кое- какие другие пристройки и грозно крикнул на индюка, при виде раннего гостя распустившего тревожно свой хвост, забулькал, точно рассерженный глухонемой.

- Твердая женщина, одобрительно кивнул Николай Андреевич в сторону дома, вернувшись ко мне. И хозяйственная какая-поглядите: сколько птицы! Люблю такие характеры. Только со мной номер не пройдет. Дудки. В прошлом году, помню, в 11 утра приехал, тоже долго молчала. Но в половине второго не выдержала, наконец пригласила. Вы курите? Посидим, давайте покалякаем.

Он вытащил папиросу, шумно захлопнул деревянную крышку портсигара, сел рядом.

- Дадим ей возможность обдумать положение, благосклонно добавил он, косясь на дверь.
- Вы откуда? из Парижа тоже?
- Да.
- На заутрене у Дарю были?
- Был.
- И я. Величественное зрелище, неправда ли?

Обидно только , поздно пришел. Даже на улицу пробраться не удалось. Чуть ли не у парка Монсо стоял. Ажан даже подошел, спросил, что я тут делаю со свечой зажженной. Рассердил меня здорово. А в четверг на 12 евангелиях были? После окончания службы решил я попробовать зажженную свечу до дома через весь Париж пронести. До Терн отлично дошел, погода хорошая, тихая была, боялся только что метро задует. Сквозняки в метро, сам знаете, какие, не лучше новороссийского норд-оста. Представьте все пересадки: на Этуали, на Распай- не задуло. Публика только немного удивлялась. Вышел на Одеоне, оставался только один квартал, как на зло встретил русского знакомого. Нашел время, дурак, об организации общего противобольшевистского фронта говорить. Разгорячились - он руками размахивает. И по свече вдруг рукавом хвать! Загастл, каналья. Представьте, как обидно? Ни ветер, ни метро, ни ажан, никто не повредил... А пришел свой и задул разговорами об объединении.

Николай Андреевич вздохнул, обернулся, прислушиваясь.

- А что у Веры Ильинишны на Пасху бывает самым заманчивым-это окорока. В прошлом году был не окорок-а сказка. Толстенький, налитой с темной корочкой, с бумажными фестончиками. Корочку приподнимешь, проведешь острым ножом, а он, голубчик, сам так и отслаивается. И при этом чертовски пахнет. Некоторые по бедности покупают не окорока, а ветчину, но разве она может заменить окорок? Хотя будто и качество тоже, и химический состав, но психология не та. Только теперь, к сожалению, дело не так

просто , как когда-то в России. Тогда от окороков, помню, иной раз не было никакого спасения. В глазах так и рябило от свиных ног и фестонов. А теперь придешь на первый день, сидишь, пытливым взглядом окидываешь комнату, и кроме колбасы-ничего. Пусто. А запах, между прочим, слышен. Определенный. Откуда то, но тянет. особенности остро чувствуется, если давно не курил, на свежие ноздри
Николай Андреевич горько усмехнулся, бросил на лестницу окурок, оглянулся и поднялся наверх
- Вера Ильинишна ! крикнул он, забарабанив пальцами по двери.- Ну, как? откроете что-ли?
Молчание.
- Это меня начинает сердить, Вера Ильинишна. Честное слово. Кого угодно, а меня, сами знаете, провести не так просто. Ведь ключик то у вас в замочной скважине изнутри торчит. Думаете, не вижу? Вынули бы, по кр. мере. Ну, ладно, ладно. Не впускаете- подождем. Торопиться некуда.
Он дпловито спустился, присел, закурил вторую папиросу.
- А что касается куличей и баб- опять заговорил он, примирившись с возможностью затяжной осады,-то нужно отдать справедливость и должность беженцам: почти все восстановили этот прекрасный обычай, даже и совсем неимущие. И сколько раз ни ел я у различных знакомых куличи из собственного приготовления, всегда- превосходные. Вид только странный: в каждой семье свой. У Веревкиных, например, бабы не круглые, а плоские, вроде пирога, поставленного стоймя. Оказывается, форму приходится класть в духовку боком, между двумя железными листами. А у других наоборот- круглые но стоймя ставить невозможно: получается ко-

лесо. А то встречаются формы в зависи -
мости и от других местных условий. В ви-
де грибов, например, в виде кастрюль с
носиком, кофейников, ваз для цветов.Та-
кой вид, конечно, иной раз удивляет, не
веришь подчас, что из кофейника может по-
лучиться баба.А попробуешь- чудесно.Мо-
лодцы, в общем, наши дамы, ей Богу. Ко
всему приноровятся, в какие условия ни по
попадут. Единственно№ разве, чего не пере-
ношу я в праздничных приготовлениях,это
- уборку квартиры.Ужас ! Возьмите хотя
бы мою собственную жену, Наталью Петровну
Сегодня так и ушел из дому , не прощавшись
и не помирившись. Живем мы, нужно вам ска-
зать, на окраине, за Бенсенскими воротами
там у нас отдельная хибарка с кухней. И
жена с четверга уже принялась за всякие
чистки.Говорю я ей:"Наташенька, брось,
голубчик, опять без задних ног будешь.
Нельзя же в самом деле, и служить, и вы-
шивки делать, и куличи готовить, и полы
мыть. А она все на своем:"буду и буду."
Тоже характер, как у этой самой старухи.
Предупреждал я жену целых три дня, грозил.
Но разве на женщину можно повлиять, если
она принялась за уборку?Все к чорту ле-
тит-занавесы , простыни, одеяла,чехлы.
Посреди комнаты куча мусора, изо всех у
углов пауки к центру согнаны, будто на
смотр.А глаза горят, в руке тряпка, лицо
в этаком вдохновении. И все чистится,все
скребется, что ни попадет под руку:ка-
стрюли,сковородки,дверные ручки,петли...
Ворота и те даже какой то мазью вздумала
чистить.

———

Ну, понятно, подошел праздник, а у нее спина болит, ноги болят, голова тоже болит. И ничто не готово. Удрал я в город пораньше. На заутреню пошел один- оставил ее среди алупкинского хаоса. А возвращаюсь и вижу: сидит на постели, среди обломков горелого теста и горько плачет. Пекарь, мерзавец, все бабы сжег. Подхожу к ней , нежно говорю:

-Брось плакать, Наташенька, Христос Воскресе !

А она как крикнет:

-Убирайся к черту !

Так во мне все и перевернулось. Это мне вместо "Воистину !"

Николай Андреевич вздохнул. Задумался.

- Ну, что же? -после некоторого молчания

тихо спросил я:

- Не пойти ли нам на вокзал, как вы

думаете?

-На вокзал? не солоно хлебавши? Ну,

нет-с Извините!

Он сурово сдвинул брови, вскочил,

вихрем понесся к двери.

- Вера Ильинишна !

спросилъ я. — Не пойти-ли намъ на вокзалъ, какъ вы думаете?

— На вокзалъ? Несолоно хлебавши? Ну, нѣтъ-съ! Извините!

Онъ сурово сдвинулъ брови, вскочилъ, вихремъ поднялся къ двери.

— Вѣра Ильинишна!

Ударъ кулакомъ.

— Съ праздникомъ!

Ударъ кулакомъ.

— Со свѣтлымъ!

Ударъ еще.

Въ отвѣтъ на грохотъ за стѣной послышался легкій безнадежный кашель, ключъ зашуршалъ... И дверь медленно, нерѣшительно стала пріоткрываться.

— Николай Андреевичъ? Какъ я рада! И вы тоже? Пожалуйте!

— Съ визитомъ къ вамъ, Вѣра Ильинишна. Христосъ Воскресе! Наконецъ-то!

ВЪ АМЕРИКУ

Давно это произошло.

Собственно виноватъ во всемъ былъ не я, а мой пріятель третьеклассникъ Мишка. Какъ-то вечеромъ, подъ предлогомъ рѣшенія задачи, пришелъ онъ ко мнѣ, плотно прикрылъ за собою дверь и таинственно произнесъ:

— Сынъ Пустыни! Уже все готово. Сегодня ночью въ двѣнадцать часовъ сборъ въ городскомъ саду на скамейкѣ пантеры.

Я давно со страхомъ ждалъ этого рокового момента. Съ одной стороны, я ясно понималъ, конечно, все преимущество жизни въ американскихъ пампасахъ и преріяхъ. Но скоро предстояли каникулы. Я бы поѣхалъ на дачу, устраивалъ бы фейерверкъ, удилъ бы рыбу...

— Сердце Бизона, — дрожащимъ голосомъ спросилъ я, — а не отложить ли поѣздку еще на нѣкоторое время? Въ преріяхъ пожары начнутся только въ іюлѣ. А теперь апрѣль. Зачѣмъ спѣшить?

— Сынъ Пустыни, ты забываешь, что мы пропустимъ наводненіе Амазонки. Кромѣ того, золотой песокъ идетъ лучше всего въ маѣ и опаздывать къ этому сроку — безуміе. Только вотъ что, Сынъ Пустыни. У насъ къ тебѣ просьба: ты долженъ ограбить своего дядю и вытащить у него изъ стола,

по крайней мѣрѣ, пять рублей. Наше племя можетъ погибнуть въ дорогѣ, если мы не достанемъ денегъ.

— Сердце Бизона! — испуганно воскликнулъ я. — Но это же будетъ воровство!

— Не воровство, а грабежъ, — гордо отвѣтилъ Сердце Бизона. — Если бы ты просто укралъ, — это было бы несмываемымъ пятномъ на всемъ нашемъ племени. Но ограбить... Законъ прерій не запрещаетъ этого. Ты долженъ взломать замокъ, Сынъ Пустыни.

— Но у дяди ящикъ не запирается, Мишенька!

— Причемъ тутъ Мишенька? Ты сначала запри на ключъ, ключъ выбрось и затѣмъ ломай. Дядя сейчасъ въ хижинѣ?

— Н... нѣтъ. Ушелъ.

— Сынъ Пустыни! Глаза всего племени обращены на тебя. Пампасы шелестятъ травой, маня въ свои степи отважныхъ всадниковъ. Кордильеры и Анды смотрятъ вдаль, ожидая безстрашныхъ. А твой дядя... Ну, а твой дядя будетъ только счастливъ, братъ мой. Во-первыхъ, онъ избавится отъ тебя. А во-вторыхъ, ты взамѣнъ пяти рублей пришлешь ему оттуда большой слитокъ золота, который мы откопаемъ въ Калифорніи. Что, согласенъ? Сынъ Пустыни, мужайся!

Насъ задержали на второй желѣзно-дорожной станціи отъ города. Предалъ негодный буфетчикъ, котораго Синяя Нога въ разговорѣ съ нимъ, очевидно, сильно обидѣлъ.

Подавая намъ чай, буфетчикъ спросилъ:

— А какого вы поѣзда ждете, малыши?

На что Синяя Нога загадочно отвѣтилъ:

— Мустанговъ ждемъ.

А Ястребиный Носъ добавилъ высокомѣрно:

— Дѣти прерій въ поѣздахъ не ѣздятъ, сынъ мой. А если иногда приближаются къ нимъ, то только ради добычи.

— Такъ, такъ... — задумчиво посмотрѣлъ на насъ буфетчикъ. — Я понимаю такъ, что вы ѣдете въ Горки? Вѣрно?

— Вѣрно, — согласился Ястребиный Носъ. — Только это не горки, презрѣнный, а Кордильеры. Сердце Бизона, разскажи-ка ему изъ «Дѣтей Капитана Гранта», какія тамъ землетрясенія!

Мы залились громовымъ дьявольскимъ смѣхомъ, причемъ Синяя Нога, развеселившись, всталъ, взялъ буфетчика за руку и таинственно спросилъ:

— Чимборазо, голубчикъ, знаешь?

— Никакъ нѣтъ, — перепугался буфетчикъ.

— Ну, то-то же. Твое счастье. А то былъ бы тебѣ Попокатепетль!

Неизвѣстно на что обидѣлся буфетчикъ: на Чимборазо или Попокатепетля. Но онъ рѣзко повернулся, быстрыми шагами направился къ платформѣ и вернулся съ жандармомъ...

— Будешь бѣгать въ Америку? — спрашивалъ на слѣдующій день дядя Коля, держа мое туловище между своими ногами, выпустивъ мою голову назадъ и шлепая крѣпкой ладонью по ногамъ. — Будешь?

— Отсюда не могу отвѣчать! — кричалъ я, вращая головой сзади дядиной спины. — Пусти, тогда скажу! Ой! Не буду! Дяденька! Не буду!

— А деньги будешь воровать?

— Сыны прерій... Дядя! Больно! Я же не воровалъ... Я грабилъ! Честное слово! Дядя! Я хотѣлъ прислать слитокъ... Изъ Калифорніи... Дяденька!.. Милый!..

Это было давно. А, вотъ, теперь — я и дядя — въ Парижѣ. Онъ живетъ у меня, ему 65 лѣтъ и поведенія онъ, въ общемъ, скромнаго.

Лѣнивъ, пожалуй, немного. Я условно нашелъ ему службу у знакомаго торгово-промышленника: нужно только выучиться печатать на машинкѣ. Машинку тоже досталъ. Все хорошо, кажется.

А приду домой — онъ за весь день и не прикоснулся къ машинкѣ.

— Дядя, занимайся! — говорю.

— Не хочу.

— Дядя, ты же не маленькій, — возмущаюсь я. — Ты долженъ же выйти въ люди! Что у тебя въ рукахъ? Господи, опять проспектъ. Парагвай? Колонизація Южной Америки? Я запрещаю тебѣ читать проспекты!

Однажды прихожу, слышу изъ передней разговоръ. Чей-то старческій голосъ воодушевленно читаетъ текстъ, а въ перерывахъ слышатся восклицанія дяди:

— Ѣдемъ, господа. Обязательно. Степанъ Петровичъ, вѣдь, послѣ разлива Амазонки какой сѣнокосъ долженъ быть! А если на плантаціяхъ работать, по 50 мильрейсовъ въ недѣлю останется. Въ одинъ годъ — капиталъ.

Но Степанъ Петровичъ возражаетъ:

— Въ Калифорніи лучше. Къ золоту можно пристроиться...

На что третій голосъ добавляетъ:

— Золото, не золото, но, вотъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, на легкой работѣ, и то обезпеченъ. И квартира, и ванна, и горячая вода, и обѣдъ со сладкимъ... Бѣжимъ, господа, а? Ей-Богу!

Вчера дядюшку вернули изъ Марселя. Его, къ счастью, случайно перехватилъ другой племянникъ, мой кузенъ, который служитъ у буфетчика на вокзалѣ желѣзной дороги. Дядя явился домой съ чемоданомъ сконфуженный, растерянный и жалобно смотрѣлъ на меня, боясь наказанія.

— Будешь ѣздить въ Америку? — строго спросилъ я, затворяя за нимъ дверь.

— Не буду... Миленькій...

— Ты у меня взялъ на покупку антрацита 100 франковъ, а самъ сбѣжалъ? Какъ это называется?

— Я бы тебѣ прислалъ изъ Калифорніи вмѣсто франковъ доллары... Честное слово.

— Знаю! Будь ты помоложе, я бы тебѣ показалъ. Садись за машинку! И чтобы товарищи не приходили! Слышишь? Начитаются ерунды, а потомъ всякая дрянь въ голову лѣзетъ. Сорванцы!

Сегодня досталъ въ русской библіотекѣ сочиненія Густава Эмара, Фенимора Купера и Майнъ Рида. Пусть дядя вмѣсто колонизаціонныхъ проспектовъ прочтетъ эти книжки внимательно, отъ первой до послѣдней страницы, какъ дѣлали мы, племянники, въ доброе старое время.

Авось испугается пампасовъ, прерій, сильвасовъ. И не побѣжитъ больше.

РУССКІЙ ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ

Послѣ сверженія большевиковъ, когда эмиграція вернется въ Россію, въ Петербургѣ можно будетъ наблюдать любопытныя бытовыя сценки...

Вагонъ трамвая № 3 попрежнему ходитъ отъ Новой Деревни до Балтійскаго Вокзала. Народу много. Душно. Среди стука колесъ и звона оконъ слышны отрывки бесѣдъ, отдѣльныя фразы.

— Охъ, какъ жарко! Будто не Петербургъ, а Лемносъ.

— Что Лемносъ! Нашъ Сиди-Бишръ вспомнишь.

— Мсье! Вы уронили пакетъ. Вотъ.

— Хвала лепо.

— Что? Сербской эвакуаціи? Вотъ пріятно! Позвольте познакомиться: Журавлевъ. Тоже эсхаесецъ.

— Врло задоволенъ... Птичкинъ. Давно въ Петербургѣ?

— Еденаедцать мѣсяцевъ. Вы — бѣлградецъ?

— Нѣтъ. Вранячкой Бани. А вы? Сараевскій? Какъ же, бывалъ въ Сараевѣ. Лепо. Прекрасный городокъ. Лукина, случайно, не знали?

— Господи! Какъ не знать. Пріятели. Вмѣстѣ въ кинематографѣ въ оркестрѣ играли. Онъ на флейтѣ, а я капельдинеромъ.

— Доннеръ веттеръ! — раздается рядомъ съ сербскими пассажирами сердитый голосъ. — Не толкайтесь, майнъ герръ, когда разговариваете. Это вамъ не Тиргартенъ во время альгемайна штрайка.

— Дѣйствительно, субъектъ! Ляля, отодвинься: Сао джипъ, дингай геби чака деджазмачъ.

— Беръ мытафъ, мама, не обращай вниманія. Берсбеви альга ференджъ чыки чыки.

— Сударыня, прошу васъ не ругаться. Я не виноватъ, что тѣсно.

— Никто васъ не трогаетъ, мсье. Я просто разговариваю съ дочерью по-абиссински.

— Мсье! Эйэ ла бонтэ, передайте деньги ресеверу. Мерси бьенъ. Плетиль? Десять сантимовъ? Виноватъ—копѣекъ? А я думалъ пять. Экскюзэ муа.

— Битте шенъ.

— Кому еще билеты? Господа! Прошу билеты! — раздается зычный возгласъ кондуктора.

— До краю, — суетъ деньги старушка.

— А мнѣ до гаръ Монпарнассъ. Пардонъ. До Балтійскаго.

— Нѣтъ, — слышится голосъ одного загорѣлаго пассажира, — тигровъ мнѣ не приходилось бить, но льва одного подстрѣлилъ, это вѣрно. Возлѣ Марокеша, знаете, къ югу. Идемъ какъ-то мы, французы, на нашъ фортъ Кебиль, устали здорово послѣ перестрѣлки съ мароканцами. А тутъ вой... Левъ реветъ. Сержантъ и говоритъ: «волонтеры, впередъ! Кто хочетъ успокоить льва?» Была не была, думаю, цѣлый день съ мароканцами дрался, трудно что-ли еще полъ часа пострѣлять? А для русскаго престижа какъ-никакъ полезно. Вотъ и вызвался... Трое насъ было — русскіе все.

— Убили?

— Уй.

— Мнѣ въ Бразиліи не пришлось дикихъ звѣрей встрѣчать. Все въ городахъ жилъ. Зато змѣй видѣлъ. Здоровенная это штука, сеньоръ, боа констрикторъ. Бревно. Я противъ змѣй тамъ даже приборъ изобрѣлъ, знаете: антисерпантинъ. Патентъ у бразильцевъ взялъ. На подоконникъ, если хотите ночью съ открытымъ окномъ спать, кладется во всю ширину эдакая доска, а сверху окна въ рамѣ ходитъ тяжелый ножъ. Какъ въ гильотинѣ. Змѣѣ достаточно влѣзть на доску и добраться до середины, какъ ножъ, вдругъ, падаетъ — и трахъ. Тутто финито.

— Такъ, батенька, не только змѣю убить можно. И хозяинъ, если забудетъ да выглянетъ ночью въ окно, тоже здорово пострадаетъ.

— Си, синьоръ, можетъ. Только хозяева-то тамъ кто? Португальцы. Пусть сами и берегутся.

Въ вагонъ входитъ вмѣстѣ съ какимъ-то страннымъ мужчиной молоденькая дама. Берется за ремень, подвѣшенный къ потолку, оглядывается.

— Маруся, ты?

— Вѣрочка? Господи!

Со скамьи порывисто поднимается пассажирка. Раздаются радостные поцѣлуи.

— Боже мой! Какъ я рада! Давно? Когда? Откуда?

— Уже двѣ недѣли... Изъ Америки. Вотъ встрѣча! Кстати — мой мужъ. Познакомьтесь, пожалуйста... Ягуаръ, — обращается дама къ господину, — ой фе, хымъ хымъ бурлюло, Маруся Овечкина, юйтъ там-тай-фью.

— Буръ! — элегантно наклоняетъ голову мужъ. — Олъ райтъ.

— Очень пріятно. Къ сожалѣнію только, не разобрала... Ну, Вѣрочка? Разсказывай... Гдѣ была? Я тебя съ 25 года потеряла изъ виду. А, между тѣмъ, мало измѣнилась. Такая же.

— Ахъ, милая! Родная! Развѣ можно успѣть все въ трамваѣ? Заходи ко мнѣ. На Большую Монетную, № 5. Сегодня же. Поговоримъ. Вотъ разскажу! Вотъ поразсказываю! И про Калифорнію, и про Аляску. Помнишь географію? Полуострова? То-то и есть. Послѣдній годъ жила на берегу Онтаріо. Не забыла озеръ? Мичиганъ, Эри, Онтаріо... И нашего преподавателя географіи Николая Петровича? Кстати, живъ онъ? Такъ, вотъ, я на Онтаріо... Тамъ познакомилась съ мужемъ. И хотя онъ индѣецъ и почти совсѣмъ не говоритъ по-англійски, но какой прекрасный человѣкъ. Мы безумно любимъ другъ друга. Ягуаръ, это моя подруга дѣтства, понимаешь? Урлятру гуръ са фифъ ы ы няу мяй.

Вагонъ останавливается на углу Садовой и Невскаго. Огромная очередь у остановки. Какой-то господинъ вскочилъ на площадку.

— Нѣтъ мѣстовъ! Господинъ, прошу сойти!

— Я, вѣдь, помѣстился.

— Господинъ, прошу сойти! Я не пущу вагона.

— Слушайте... Мнѣ спѣшно нужно на вокзалъ. На брзый возъ.

— Прошу сойти!

— Кондукторъ, — вмѣшивается Журавлевъ, услышавшій сербскія слова «брзый возъ». — Если человѣкъ помѣстился, значитъ, мѣсто есть. Молимъ, господине! Отъ какого вароша сте вы?

— А! Нашъ? Я изъ Ниша. Пріятно! Па шта очет за мене кондукторъ? Хвала Богу, има струя, има мѣсто... А онъ лютится, као нелепа животина.

— Господинъ! Прошу васъ сойти!

— Онъ не сойдетъ, кондукторъ. Мы не допустимъ. Птичкинъ, хайда овде! Господине, не мойте да излазити.

— Мессіе, — спрашиваетъ, вдругъ, кто-то изъ середины

вагона. — Э пуркуа мы стоимъ? Ресеверъ! Депеше ву. Что тамъ? Скандалъ? Монъ Дье, я опоздаю на поѣздъ.

— Господа! — суетится Журавлевъ. — Кто здѣсь сербской эвакуаціи? Нашихъ притѣсняютъ! Это нахальство! Французы! О секуръ!

— Эй, майнъ герръ, битте зеръ, слѣзайте, вамъ же сказали... Геенъ зи цумъ тейфель.

— Долой нѣмцевъ! Мадамъ, попросите вашего мужа, индѣйца, помочь... Кондукторъ! Мы протестуемъ. Насъ большинство!

Вагонъ, наконецъ, отходитъ. Сербская эвакуація, въ союзѣ съ французскимъ легіонеромъ изъ Марокко, чехословацкими студентами, двумя абиссинками, однимъ лемносскимъ жителемъ и индѣйцемъ съ Онтаріо, большинствомъ голосовъ побѣждаетъ берлинскаго бѣженца и изобрѣтателя изъ Бразиліи.

Вагонъ, ускоряя ходъ, проходитъ мимо Гостинаго. А въ углу, на площадкѣ, стоитъ какой-то нейтральный константинопольскій старичекъ, вздыхаетъ и, укоризненно покачивая головой, шепчетъ:

— Айя Софія! Айя Софія! Опять партіи... Опять группировки... Алла! Алла!

НА КЛАДБИЩѢ

Кладбищенскій сторожъ Мирко рѣшилъ отпраздновать Сочельникъ.

Приглашенныхъ было всего три человѣка: могильщикъ Милошъ и кучеръ изъ бѣлградскаго бюро похоронныхъ процессій Свѣтозаръ съ женой. Жена Свѣтозара, однако, испугалась разыгравшейся къ вечеру вьюги, не пустила мужа. И весь вечеръ Мирко просидѣлъ у себя въ сторожкѣ вдвоемъ съ Милошемъ, усиленно угощая пріятеля сластями и подливая въ его стаканъ сербской водки — ракіи.

Онъ любилъ этого добраго малаго — Милоша за его мрачный нелюдимый характеръ, а главное за то, что съ нимъ не нужно было много говорить. Такъ же, какъ и Мирко, Милошъ отлично понималъ, что въ этомъ мірѣ все ясно безъ словъ: и жизнь и смерть и, въ особенности, похороны.

— Ишь, воетъ, проклятый, — пренебрежительно сказалъ, наконецъ, Мирко, кивая въ сторону занесеннаго снѣгомъ окна и поднося стаканъ съ ракіей къ губамъ. — Какъ будто, у него кто-то умеръ.

— Ээхъ... — выбранился Милошъ, оскорбивъ въ брани солнце, а попутно съ солнцемъ луну и мелкія звѣзды. — Хотѣлъ бы я его, бездѣльника, поймать и закопать въ землю. Не дулъ бы! Твое здоровье, Мирко.

— Твое. Сколько вчера за купца получилъ?

— Сорокъ.

— Мало, братъ. Очень мало. Въ промерзлой землѣ да со снѣгомъ наверху — сорокъ, а? Разбойники! Стыда у нынѣшнихъ покойниковъ нѣтъ. За какую-нибудь поганую комнату, гдѣ изъ окна дуетъ, и стѣны прогнили, платятъ, небось, сколько хозяинъ спроситъ. А, вотъ, могильщику, за отличное помѣщеніе до конца міра, какихъ-нибудь двадцать динаръ прибавить жалко. Милошъ, что за люди теперь умираютъ, а? Стоятъ они того, чтобы ихъ глубоко закапывать?

Мирко негодующе плюнулъ, всталъ, покачиваясь, пошелъ къ двери.

— Идетъ снѣгъ?

— Пересталъ.

Въ сторожку ворвался вѣтеръ, радостно взвизгнулъ, почувствовавъ тепло, и бросился къ печкѣ, стараясь укрыться въ испуганныхъ угляхъ. Мирко не долго пробылъ на воздухѣ. Вернувшись назадъ, онъ молча налилъ стаканъ, выпилъ содержимое сосредоточенно, съ достоинствомъ, какъ всегда; но Милошъ замѣтилъ въ лицѣ друга что-то новое: не то озабоченность, не то тревогу.

— Что-нибудь случилось, Мирко?

— Ничего...

— Можетъ быть, покойники ходятъ?

Мирко вздрогнулъ, угрюмо опустилъ взглядъ.

— Нѣтъ.

— А я на-дняхъ видѣлъ мертваго войника, — началъ снова Милошъ. — Вожусь я передъ вечеромъ около памятника доктора, знаешь, — котораго Свѣтозаръ въ маѣ такъ удачно въ день моей славы привезъ. Вдова къ праздникамъ ремонтъ рѣшила сдѣлать. А тамъ, вѣдь, конецъ кладбища, поле, далеко все видно. Такъ, вотъ, только что кончилъ я курить, оглядѣлся — кругомъ никого — взялся за молотокъ.

И, вдругъ, вижу — со стороны поля, совсѣмъ близко ко мнѣ — человѣкъ! Не было никого до самаго Джерама — и, вдругъ, идетъ. Въ тридцати шагахъ... Что съ тобой, Мирко? Нездоровится?

— Что-то холодно стало. Выпьемъ еще, Милошъ.

— Спасибо. Такъ, вотъ, стою я, бросилъ работу, смотрю. А онъ увидѣлъ меня, какъ будто, даже испугался сначала, но потомъ надвинулъ на лобъ мѣховую шапку и быстро прошелъ мимо.

— Сказалъ что-нибудь?

— Да. «Лаку ночь».

Мирко снова вздрогнулъ. Положилъ локти на столъ, покачалъ головой и печально, чуть слышно, пробормоталъ:

— Плохо это, Милошъ. Ой, какъ плохо!

— А что?

— Умремъ мы съ тобой, Милошъ, въ этомъ году, вотъ что.

Мирко вздохнулъ, искоса взглянулъ на дверь, продолжалъ:

— Для человѣка нѣтъ хуже, Милошъ, какъ слышать отъ покойника «лаку ночь» или «пріятно спавати». Старый сторожъ Миланъ самъ училъ меня, какъ нужно съ мертвецами обращаться, когда они поднимаются изъ могилъ. Видѣть ихъ одними глазами — не опасно. Это даже приноситъ удачу, въ особенности, если они безъ одежды, въ одномъ только скелетѣ. Но, не дай Богъ, съ мертвецомъ заговорить, или услышать привѣтствіе. Одно средство спастись отъ смерти въ этихъ случаяхъ — бросить вдогонку комокъ мягкой земли, чтобы комокъ разсыпался въ воздухѣ, и три раза произнести: «чекай-почекай, чекай-почекай». А не успѣешь сказать и бросить, — конецъ. Тутъ у насъ, говорятъ, нѣсколько человѣкъ такъ передъ войной пропало: мертвецы въ могилу затащили, а въ какую — никто до сихъ поръ не знаетъ.

Мирко помолчалъ и, вдругъ, таинственно наклонился къ Милошу.

— Милошъ... — прошепталъ онъ, беря друга за руку, — я видѣлъ его. Сейчасъ...

— Кого? Вчерашняго купца?

— Нѣтъ. Твоего войника. Стою возлѣ дороги, оглядываюсь — и, вдругъ, проходитъ. Хотя быстро исчезъ въ темнотѣ, однако, успѣлъ, проклятый, сказать: «Лаку ночь».

Обреченные Мирко и Милошъ съ отчаяніемъ пили до глубокой ночи. Пили жестоко, ничѣмъ не заѣдая, ни о чемъ не говоря другъ съ другомъ. Они отлично понимали, что передъ лицомъ близкой смерти всѣ сожалѣнія излишни, что самый лучшій способъ использовать остатокъ жизни — забыть о концѣ. И только около трехъ часовъ пополуночи Милошъ, едва держась на ногахъ, собрался, наконецъ, идти въ свой баракъ, находившійся на шоссе. Мирко же, не отпускавшій дорогого гостя, опустилъ въ карманъ пальто бутыль вина и рѣшительно заявилъ, что пойдетъ провожать.

Снѣгъ уже пересталъ падать. Порывистый вѣтеръ разогналъ въ небѣ тучи, звѣзды горѣли особенно ярко. И Милоша, при видѣ этого неба, охватила тоска. Звѣзды показались такими прекрасными! Стало такъ жаль покидать землю, и этотъ нарядный снѣгъ, обнявшій кресты, и даже надоѣдливый вѣтеръ, который все-же говоритъ сейчасъ на ухо, что Милошъ пока живъ, и что жизнь — самое лучшее, что есть въ этомъ мірѣ.

Звѣзды смотрятъ оттуда и, какъ будто, заплаканы нѣкоторыя. Хотятъ сбросить съ рѣсницъ набѣжавшія слезы. Но, кто его знаетъ, глаза это или свѣчи на панихидѣ? Можетъ быть, зажглись онѣ потому, что сейчасъ Милошу будутъ пѣть «вѣчную память»?

— Куда, братъ? — раздался голосъ Мирко. — Держи правѣе! Эхъ, ты...

Мирко шелъ сзади, съ трудомъ извлекая сапоги изъ глубокаго снѣга. Слышно было, какъ онъ тяжело дышитъ, стараясь свободно владѣть ногами. Вотъ, уже кресты стали попадаться рѣже и рѣже. Старая часть кладбища пришла въ ветхость; надъ многими могилами совсѣмъ нѣтъ крестовъ. А Мирко, поступившій на службу недавно, зналъ этотъ заброшенный участокъ плохо.

— Милошъ! Не видишь?.. Открытое поле! Иди направо, дьяволъ! Нѣтъ! Не могу. Подожди, Милошъ. Сядемъ здѣсь... Какая жара! Хочешь вина? Садись! Можетъ быть, и не умремъ. Вретъ Миланъ, старый оселъ. Даю слово, вретъ. Ты сѣлъ? Пей... Куда смотришь? Милошъ!

— Псс!..

— Что съ тобою?

— Псс!..

Мирко смолкъ. Насторожился. И почувствовалъ, какъ внутри въ немъ что-то, будто, порвалось. Точно чья-то рука схватила сердце и сжала.

Вблизи, совсѣмъ вблизи, гдѣ-то тутъ, рядомъ, на открытомъ пустомъ мѣстѣ, вдругъ, запѣлъ невидимый хоръ!

Спокойно мерцали въ небѣ звѣзды, спокойна была открывавшаяся впереди снѣжная даль. Даже вѣтеръ стихъ, точно прислушиваясь. А хоръ громко пѣлъ, и печальные звуки то затихали, уходя вглубь земли, то поднимались къ поверхности снѣжнаго савана, говоря о тоскѣ, о страданіяхъ душъ, объ утерянной жизни...

Такъ не могли пѣть простые люди. Но неужели такъ прекрасно поютъ мертвецы?

Какъ мучительно медленно тянулось время! Наверху, точно ступая за невидимымъ катафалкомъ, торжественной

процессіей поднимались съ востока звѣзды. Вѣтеръ совсѣмъ стихъ, но морозъ усилился: кто-то открылъ настежь двери въ ледяное мертвое небо. Хоръ умолкъ. Стало тихо — ни малѣйшаго шороха. Слышно даже, какъ вдали, наверху, отъ боли стонетъ, сорвавшись съ неба, звѣзда.

— Мирко! Что это?

— Милошъ!

Мирко хотѣлъ вскочить, побѣжать. Но Милошъ впился въ руку.

Впереди — шагахъ въ двадцати — что-то скрипнуло. Зашевелился снѣгъ, раздался грохотъ. И изъ земли стала подниматься фигура.

— Это онъ... — зашепталъ Милошъ.

— Войникъ!

Фигура выросла надъ землей во весь ростъ, отряхнула съ себя снѣгъ, ударила одной рукой о другую и страшнымъ прерывающимся голосомъ, точно разучившись на томъ свѣтѣ говорить по-сербски, воскликнула:

— Ла... ку... ночь!

Она сдѣлала всторону два невѣрныхъ шага. Остановилась. И,вдругъ, за нею начала расти вторая фигура. Затѣмъ третья... Четвертая...

— Лаку ночь! — повторили съ жуткимъ смѣхомъ замогильные голоса. — Пріятно спавати! Съ Богомъ!

— Чекай-почекай, чекай-почекай, чекай-почекай... — зашепталъ скороговоркой Мирко. — Бѣжимъ!

— Чекай-почекай, чекай-почекай... Не могу... — стучалъ зубами Милошъ.

Внезапный порывъ вѣтра, вдругъ, качнулъ обоихъ. Точно въ погонѣ другъ за другомъ, по небу побѣжали новыя тучи. Померкли звѣзды, замелькали снѣжинки. Опять загудѣла, засвистала метель, перемѣшавъ небо съ землею, воздвигнувъ въ воздухѣ бѣлую стѣну. А среди стоновъ и плача

бури слышенъ былъ безжалостный смѣхъ поднявшихся изъ гроба фигуръ, которыя окружили Мирко и Милоша, увели ихъ къ тому мѣсту, изъ котораго вышли, и вмѣстѣ съ ними медленно стали проваливаться въ землю.

Подъ утро вьюга прошла. Показались звѣзды, поднялся рогъ луны, возвѣщая близкій разсвѣтъ. А вокругъ простиралась гладкая, ровная пелена снѣга, и только изъ того мѣста, гдѣ исчезли Мирко съ Милошемъ, поднимался къ небу голубой дымъ.

Я написалъ это вовсе не потому, что хотѣлъ напугать дѣтей или развлечь взрослыхъ. Мнѣ хотѣлось просто вспомнить о фактѣ, сдѣлавшемся предметомъ судебнаго разбирательства.

Въ бѣлградскомъ «первостепенномъ судѣ» имѣется дѣло за № 2243 о русскихъ бѣженцахъ Иванѣ Чепурковѣ, Федорѣ Касякинѣ и Дмитріи Лопуненко, обвинявшихся въ оскверненіи могилы умершаго въ 1898 году адвоката Іовановича, въ склепѣ котораго означенные бѣженцы прожили три мѣсяца съ 21 сентября по 25 декабря, и въ каковомъ были, наконецъ, обнаружены кладбищенскимъ сторожемъ. Судъ, разсмотрѣвъ дѣло, обвиняемыхъ оправдалъ, а присутствовавшая публика и сами судьи собрали между собой 983 дин. 30 пара для уплаты за помѣщеніе бѣженцевъ въ городѣ.

Вотъ, и все. А страшнаго ничего не было.

ЧУЖОЙ ЛѢСЪ

Сижу въ Медонскомъ лѣсу. Давно облюбовалъ я это чудесное мѣстечко, среди березъ и кленовъ. Сзади, по склону, живописно вьется тропинка, сдавленная цѣпкой ежевикой. Впереди — заросшая травой площадка съ расходящимися въ разныя стороны дорожками. Зеленой стѣной стоитъ вокругъ скамьи молодая поросль, играя на солнцѣ листвой. И какая-то птица въ глубинѣ лѣса поетъ, настойчиво заучивая первыя пять нотъ изъ партіи Зибеля.

«Разскажите вы», — ясно слышится. А кому — не хочетъ сказать. Только я и такъ понимаю. Конечно, «ей». Объ этомъ говоритъ все: и горячее солнце, и ясное небо, и такой милый, ласкающій вѣтеръ.

Сижу, смотрю на березы и, какъ всегда, въ душѣ — радость и грусть. Такъ много воспоминаній будятъ родныя бѣлыя пятна, окруженныя нѣжностью тонкихъ вѣтвей. И такъ больно чувствуется, что все-таки это не то; что все это чужое вокругъ — и земля, и дороги, и небо, и птицы.

Вотъ, вдали, изъ-за поворота показалась группа французовъ. Цѣлая семья... Дама, двое дѣтей. Дѣвочку мать ведетъ за руку; мальчуганъ, вооруженный деревянной саблей, кидается изъ стороны въ сторону, съ безуміемъ Донъ-Кихота накидывается на стволы старыхъ липъ.

Счастливцы! Они у себя. Дома. Это все — ихъ. На ли-

цѣ у матери установившаяся спокойная радость. У дѣтей увѣренныя движенія будущихъ хозяевъ страны. Опьянены годами, роднымъ солнцемъ, роднымъ воздухомъ.

Дама останавливается на площадкѣ, нерѣшительно смотритъ назадъ.

— Ау! — сложивъ ладони у губъ, громко восклицаетъ она.

— Го-го-го! — отвѣчаетъ откуда-то громовой раскатистый голосъ.

— Ау! Ау!

— Го-го-го!

Эхо отвѣтило «го»... Птица съ партіей Зибеля смолкла. Воздухъ замеръ, погрузившись послѣ рѣзкихъ сотрясеній въ истомную тишь. И, вотъ, изъ кустовъ вынырнула коренастая фигура со шляпой на затылкѣ, съ развалистымъ самодовольствомъ въ походкѣ.

Счастливцы! Какъ непринужденны! Что значитъ — дома. У себя. На родинѣ.

Онъ подходитъ, запыхавшись, сіяетъ мокрымъ лицомъ. Въ одной рукѣ длинный хлѣбъ, будто ружье. Въ другой бутылка, въ которой булькаетъ молоко.

— Сядемъ на скамью, что ли? — спрашиваетъ онъ громко по-русски, подозрительно взглянувъ на меня.

— Тамъ уже кто-то сидитъ.

— А что-жъ такого? Пусть подвинется. Не его, вѣдь, скамейка. Володька! Пойди сюда! Ишь, поганецъ. Ломаетъ кусты. Аня, садись. Ляля! Хочешь молочка? Володька, пойди сюда! Тебѣ говорю?

Они садятся. Аня, Володя, Ляля и онъ. Онъ ближе всѣхъ. Настолько близко, что каждый очередной поворотъ спины грозитъ смахнуть меня со скамьи.

— Мама, а у нашей сосѣдки родился ребеночекъ! — говоритъ Ляля.

— Ну, и отлично. Пей молоко. Ты кого это встрѣтилъ, Сережа? Топорчикова?

— Нѣтъ, не Топорчикова. Ты не знаешь. Полковникъ де-Гурнель. Удивительная штука. Въ послѣдній разъ въ Севастополѣ видѣлись, потомъ потеряли другъ друга изъ вида. И теперь, на тебѣ: неожиданно въ Медонскомъ лѣсу повстрѣчались.

— Де-Гурнель? Русскій?

— Русскій, конечно. Симпатяга. А судьба у человѣка, дѣйствительно, любопытная. Володя! Оставь хлѣбъ въ покоѣ! Не подбрасывай! Предки были французскими эмигрантами, во время революціи бѣжали въ Россію. А теперь, вотъ, потомокъ принужденъ отъ революціи обратно бѣжать. Бѣженцемъ въ своей родной странѣ оказался. Здорово? Володька! Что я тебѣ говорю?

— Мама, а почему у сосѣдки родился ребеночекъ? — не унимается Ляля.

— Такъ надо, дѣточка. Пей.

— А почему надо?

— Консьержка говоритъ, что сосѣдка купила ребенка по случаю на Марше о Пюсъ, — хитро замѣчаетъ Володька. — Только вретъ дура. На Марше о Пюсъ продаются старыя вещи, а ребенокъ совсѣмъ новый... Навѣрно, въ разсрочку купили...

Чтобы не мѣшать семейной идилліи, я встаю, вѣжливо приподнимаю шляпу и ухожу вверхъ, вдоль по тропинкѣ.

— Слава Богу, ушелъ, — слышу облегченный вздохъ сзади. — И откуда такая масса французовъ въ лѣсу? Не продохнешь.

Здѣсь, вдали отъ скамьи, на холмѣ, среди огромныхъ кустовъ, завитыхъ плетьми ежевики, тихо, спокойно. Безшумно продвигаюсь по мягкой травѣ, опускаюсь подъ тѣнь молодого платана.

Никого. Хорошо. Зеленымъ небомъ съ просвѣтами голубыхъ звѣздъ раскинулось дерево. Въ травѣ муравьи... Божья коровка сѣла на башмакъ, съ удивленіемъ смотритъ: пень или грибъ? Сзади, въ заросляхъ, трескъ вѣтвей, шуршаніе листьевъ. Кузнечики, стрекозы, навѣрно. А, можетъ быть, зайцы?

Чудесно. Очаровательно. И какъ жаль, что чужое! Божья коровка — французская. Муравей — французскій. Стрекоза — тоже. Зайцы, кузнечики... Ла фурми э ла сигаль...

Что это въ кустахъ? Русскіе голоса?

— Значитъ, ты не любишь. Я вижу.

— Нѣтъ, люблю.

— Въ такомъ случаѣ, почему не хочешь сказать?

— Неловко.

— Неловко? Мнѣ? И тебѣ не стыдно?

— Ну, хорошо... Такъ и быть. Дѣло, видишь ли, въ томъ... Моя мама... То-есть, я... То-есть, мы обѣ, какъ ты знаешь, живемъ въ одной комнатѣ... Пополамъ. И если я выйду за тебя, и переѣду, ей придется одной платить 300 франковъ. Ты понимаешь, что при заработкѣ въ 600 нельзя за комнату 300...

— Триста? Да. Это, конечно. Но, съ другой стороны, неужели возможно, чтобы счастье разстраивалось? Нужно придумать что-нибудь. Обязательно. Триста, шестьсотъ... А знаешь что? Не выдать ли твою маму за моего папу?

— Не говори глупостей.

— А что? Ей-Богу! Елена Федоровна еще интересна. Папа у меня тоже... Крѣпкій, бодрый. Мы ихъ познакомимъ, поженимъ. И тогда — все отлично. Я съ тобой, она — съ нимъ. Двѣ комнаты, какъ были, такъ и останутся!

— Милый, какъ это было бы хорошо!

— Милая, даю тебѣ слово!

Тишина. Смолкло все. Божья коровка расправила кры-

лья. Не добившись истины — что такое башмакъ, улетѣла. Муравьи продолжали сновать. Гдѣ-то птица снова запѣла «разскажите вы». И въ кустахъ опять трескъ вѣтвей, опять шорохъ, шуршанье листьевъ.

Стрекозы? Бѣлки? Зайцы? Неизвѣстно. Чуждый лѣсъ... Чуждая земля. Французскіе муравьи. Французскія стрекозы... Ла сигаль и ла фурми...

Грустно!

ИЗЪ МІРА НЕЯСНАГО

Насъ собралось въ Сочельникъ всего только трое. Однако, такъ какъ моя бѣженская комната по размѣрамъ очень скромна, то собраніе сразу же вышло люднымъ. На деревянной полкѣ возлѣ кровати уютно стоялъ рукомойникъ съ воткнутой въ него хвойной вѣткой. Это была елка. На небольшомъ столикѣ, со сдвинутыми въ сторону рукописями, лежали тарелки съ компотомъ и рисовой кашей. Это были кутья, взваръ. И, наконецъ, въ углу, гдѣ растопырилось обитое ситцемъ хозяйкино кресло, таинственно дымила желѣзная печь. Это былъ рождественскій каминъ.

— Хорошо! — сидя послѣ ужина на стулѣ и пріятно жмурясь, протянулъ я скрючившіеся пальцы къ огню. — Теперь бы, господа, по чашкѣ кофе, ликера, святочныхъ разсказовъ. Николай Николаевичъ, хотите чаю?

Николай Николаевичъ молча сидѣлъ на почтномъ мѣстѣ въ хозяйскомъ креслѣ и загадочно смотрѣлъ на насъ, когда мы съ Владиміромъ Ивановичемъ приступили къ воспоминаніямъ о всѣхъ таинственныхъ случаяхъ изъ далекаго прошлаго. Правда, моя прежняя жизнь, до воплощенія въ эмигранта, не особенно богата таинственностью. Около десятка небольшихъ совпаденій, три вѣщихъ сна, изъ которыхъ два, къ сожалѣнію, не оправдались, одно привидѣніе, видѣнное мною въ имѣніи у тетки въ Тамбовской губерніи...

И все. Но зато у Владиміра Ивановича и прошлая и нынѣшняя жизнь — не жизнь, а сплошной спиритическій сеансъ.

— Николай Николаевичъ, — замѣтивъ, что послѣ разсказа о восемнадцатомъ привидѣніи Владиміръ Ивановичъ значительно обезсилѣлъ и тяжело сталъ дышать, обратился я къ загадочно молчавшему нашему другу. — А какъ у васъ? Были случаи?

— Нѣтъ!

Онъ сказалъ «нѣтъ». Но сказалъ это съ такой болью въ голосѣ, что мы оба сразу насторожились. Что случилось? Отчего такое странное «нѣтъ»? Не хранитъ ли Николай Николаевичъ въ своей душѣ гнетущую тайну?

Уговаривать пришлось долго и много. Но, къ счастью, наступила полночь. Въ сосѣдней комнатѣ хозяйскіе часы таинственно пробили двѣнадцать...

И Николай Николаевичъ сдался.

— Что касается привидѣній и духовъ, господа, — задумчиво началъ онъ, размѣшивая ложкой сахаръ, — то долженъ сознаться: въ этой области мнѣ всегда не везло, хотя въ душѣ своей я большой мистикъ, а по убѣжденіямъ ярый спиритъ. Могу сказать, что не только цѣлаго призрака, но даже небольшой матеріализованной руки или ноги — и то мнѣ ни разу не удалось гдѣ-либо увидѣть. На спиритическихъ сеансахъ, когда начинаются стуки, первыя слова почему-то всегда обидно направлены противъ меня. «Пусть онъ уберется», или «гоните его въ шею», — вотъ обычныя привѣтствія по моему адресу, на которыя я даже пересталъ, въ концѣ концовъ, обижаться. Изъ всѣхъ духовъ ко мнѣ прилично относился только одинъ Николай Кузанскій, который говорилъ, обыкновенно, деликатно и вѣжливо: «дорогой тезка, покинь сейчасъ же сеансъ». Всѣ же остальные, въ особенности полководцы, непристойно грубы и несдержаны. Александру Македонскому, напримѣръ, я никогда не

забуду его оскорбительныхъ выпадовъ въ присутствіи дамъ. А Наполеонъ... Впрочемъ, сами знаете: De mortuis... Чертъ съ нимъ, съ Наполеономъ! Не въ этомъ дѣло, конечно.

Патентованные медіумы тоже сильно недолюбливали меня. Въ Петербургѣ, напримѣръ, нерѣдко проводилъ я время въ волосолечебницѣ на Невскомъ, гдѣ знаменитый Гузикъ давалъ сеансы со своимъ матеріализованнымъ медвѣженкомъ. И каждый разъ, когда я приходилъ, Гузикъ хмурился, брался за голову:

— Сегодня не выйдетъ.

И, дѣйствительно, не выходило. Какъ ни старалась сидѣвшая возлѣ меня генеральша громко пѣть «Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ», какъ ни пытались подтягивать ей директоръ департамента и членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ — все напрасно. Выскакивавшая изъ-за занавѣски гитара, которой полагалось за десять рублей самой играть на себѣ, при видѣ меня замирала на первомъ аккордѣ, безпомощно валилась на полъ. Дѣтская дудочка, обязанная тоже по мѣрѣ силъ издавать звуки, упрямо молчала, недовольно ворочаясь съ боку на бокъ въ полутемномъ углу. И самъ матеріализованный медвѣженокъ въ случаѣ рѣдкаго своего появленія, старался держаться отъ меня какъ можно подальше и панически отскакивалъ, когда я съ научной цѣлью протягивалъ руку къ его мохнатому уху.

Такъ было все время. И въ провинціи, гдѣ я началъ свою службу по окончаніи университета, и въ Петербургѣ, куда меня перевели незадолго до революціи. Пока, наконецъ, не повезло, вдругъ...

Николай Николаевичъ слабо улыбнулся. По хмурому лицу скользнуло нѣчто вродѣ чувства удовлетворенія.

— Наклевывалась, дѣйствительно, странная, жуткая исторія. Пріѣхалъ я въ Петербургъ послѣ перевода и сразу же рѣшилъ обзавестись своимъ хозяйствомъ. Хотя я и холо-

стякъ, но тогда были у меня вѣрные друзья: старый лакей Егоръ и любимецъ мой — сеттеръ Джекъ.

Квартиру я нашелъ по объявленію въ газетѣ: ее передавала до окончанія срока контракта какая-то дама. Эта женщина сразу произвела на меня странное впечатлѣніе: лицо блѣдное, изнуренное, глаза впалые, съ лихорадочнымъ блескомъ. И движенія — нервныя... Во время передачи квартиры, просматривая контрактъ, я изъ простой учтивости, чтобы что-нибудь сказать, спросилъ:

— А вы совсѣмъ уѣзжаете изъ Петербурга, сударыня?

— Да... — смутившись, опустила она глаза. — Совсѣмъ.

— И не жаль?

— О,нѣтъ! Ничуть.

Кто была она, я не зналъ. Передача квартиры происходила поспѣшно, швейцара я не догадался спросить, а Егоръ былъ человѣкомъ нелюдимымъ, апатичнымъ, ненавидящимъ излишніе разговоры и знакомства съ сосѣдями. Переѣхали мы изъ гостиницы въ квартиру, предварительно обмеблировавъ ее, прожили въ ней около десяти мѣсяцевъ тихо-мирно. И въ это время я особенно упорно увлекался спиритизмомъ, несмотря на всѣ неудачи. По вечерамъ вы никогда меня не застали бы дома: то я въ волосолечебницѣ съ Гузикомъ, то у кого-нибудь на сеансѣ слушаю брань отъ Помпея, то ночую, наконецъ, въ таинственномъ домѣ гдѣ-нибудь на Каменномъ Островѣ, тщетно ожидая появленія призрака.

И, вотъ, однажды, управляющій дома извѣщаетъ, что при возобновленіи контракта повыситъ цѣну на пятьдесятъ процентовъ.

Посовѣтовавшись съ Егоромъ, рѣшилъ я перебраться съ квартиры, и черезъ мѣсяцъ жилъ уже на Петербургской Сторонѣ. Новая квартира была значительно просторнѣе, дешевле, и все было бы хорошо, да къ сожалѣнію, Егоръ полу-

чилъ изъ Армавира письмо отъ больного сына, попросился въ отпускъ, уѣхалъ. И я остался одинъ.

Вдругъ, однажды, странная встрѣча:

Выхожу изъ партера въ Маріинскомъ театрѣ къ вѣшалкамъ. Только что кончилось «Лебединое Озеро». Жду въ сторонкѣ, пока станетъ свободнѣе, такъ какъ не люблю толкотни. И вижу — знакомое лицо. Пристально смотритъ на меня какая-то дама: глаза испуганные, на щекахъ блѣдность.

— Мсье Черняковъ?

— Да... Ахъ, это вы! Простите. Не узналъ сразу.

— Да, да. Понимаю. На вашемъ мѣстѣ, я бы тоже сдѣлала видъ, что не узнала. Но вы сами посудите, мсье Черняковъ: какъ мнѣ было поступить съ квартирой иначе?

Она умоляюще смотрѣла на меня, нерѣшительно пробуя улыбнуться, чтобы вызвать улыбку и на моемъ лицѣ. Но я стоялъ, широко раскрывъ глаза, ничего не соображая.

— А... въ чемъ дѣло, сударыня?

— Вы меня спрашиваете — въ чемъ? Воображаю, сколько разъ вы посылали проклятія по моему адресу! Скажите только искренно: развѣ я, въ концѣ концовъ, виновата? Не мой же домъ, въ самомъ дѣлѣ! И тѣ жильцы, которые передавали квартиру мнѣ, тоже ничего не сказали... Кстати: какъ онъ себя велъ?

— Кто, простите?

Виноватая улыбка, вдругъ, сошла съ лица собесѣдницы. Она пытливо посмотрѣла на меня, стараясь угадать — естественно мое изумленіе, или нѣтъ. И тихо спросила:

— Вѣдь, вы же переѣхали оттуда, правда?

— Да.

— Вотъ то-то и оно. Впрочемъ... Все равно. Да, да.

До-свиданья. Мужъ ждетъ: получилъ манто... Всего хорошаго, не сердитесь-же!

Взволнованный, встревоженный, я вернулся домой подъ впечатлѣніемъ встрѣчи и, наспѣхъ поужинавъ, легъ. Опустивъ на одѣяло взятое для чтенія на ночь капитальное изслѣдованіе Аксакова «Анимизмъ и спиритизмъ», я мучительно сталъ вспоминать, что было страннаго на моей старой квартирѣ, перебралъ всѣ мелкіе факты, всѣ свои настроенія... И, вдругъ, наконецъ, радостно вспомнилъ:

Случай съ Полугоревымъ! Да! Какъ, это, я не сообразилъ тогда?

Сергѣй Сергѣевичъ Полугоревъ былъ моимъ сосѣдомъ по имѣнію въ Лужскомъ уѣздѣ, — послѣ нѣкотораго молчанія продолжалъ Николай Николаевичъ. — Мы съ нимъ встрѣчались рѣдко, никогда не переписывались, но, какъ бываетъ иногда между друзьями юности, страшно рады бывали другъ другу при встрѣчѣ. Какъ-то разъ, когда я жилъ еще на старой квартирѣ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ по спѣшнымъ дѣламъ и на слѣдующій же день утромъ долженъ былъ уѣхать обратно. Мы обѣдали вмѣстѣ, весь вечеръ провели тоже вмѣстѣ. Сначала въ волосолечебницѣ на сеансѣ, потомъ у меня. Засидѣлись до глубокой ночи, горячо спорили о медвѣженкѣ Гузика. И я предложилъ:

— Оставайся, братъ, у меня.

Сергѣй Сергѣевичъ согласился, но съ непремѣннымъ условіемъ: что теперь же попрощается, чтобы не будить меня утромъ. Прислуга постлала ему постель въ кабинетѣ, откуда на эту ночь, во избѣжаніе блохъ, изгнали бѣднаго Джека. И, распростившись съ пріятелемъ, я ушелъ къ себѣ въ спальню, раздѣлся, заснулъ.

А ночью, вдругъ, просыпаюсь отъ неожиданнаго рѣзкаго толчка.

— Коля! Колька! Проснись же! Это ужасъ! Кошмаръ! Я не могу спать тамъ!

Лицо его было страшно: мертвенная блѣдность, растерянность... Но я, не приходя въ себя, приподнялся въ постели, недовольно спросилъ:

— Неужели Джекъ? Я же просилъ запереть... Свинство!

И, не ожидая отвѣта, чтобы не спугнуть сна, всунулъ ноги въ туфли, направился къ кабинету:

— Ложись, въ такомъ случаѣ, на мою. А я — туда... Спокойной ночи!

Полугоревъ исчезъ рано утромъ, когда я еще спалъ. Что случилось съ нимъ ночью, я такъ и не узналъ, да и не догадался узнавать: увѣренъ былъ, что виною Джекъ со своими блохами. Но теперь — послѣ словъ дамы — ясно: дѣло не такъ просто. Въ кабинетѣ, дѣйствительно, могли произойти съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ какія-нибудь странныя вещи...

Къ сожалѣнію, безпокойная столичная жизнь не позволила мнѣ написать Полугореву. Я потерялъ его изъ виду, до сихъ поръ не имѣю о немъ никакихъ свѣдѣній. Даму тоже никогда не встрѣчалъ нигдѣ. А тутъ вспыхнула революція, я лишился мѣста, уѣхалъ на югъ. И до зимы 17-го года ничего не могъ узнать о своей таинственной квартирѣ, пока случайно не встрѣтилъ въ Ростовѣ Егора. Со старикомъ я не видѣлся съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ отъ меня въ отпускъ.

Николай Николаевичъ хотѣлъ сдѣлать небольшой перерывъ, взялся, было, за чай. Но мы не позволили:

— Потомъ выпьете. Дальше!

— Ну, вотъ... Сижу я какъ-то на ростовскомъ вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда на Новочеркасскъ, — грустнымъ тономъ сталъ приближаться къ развязкѣ Николай Николаевичъ. —

Вамъ, конечно, извѣстно, какой видъ тогда имѣли вокзалы. Всюду — тѣла, шинели, узлы. Въ залѣ перваго класса то же самое, что въ залѣ третьяго... Стою я надъ своимъ чемоданомъ, стерегу, чтобы никто не стянулъ. И, вдругъ, знакомый изумленный голосъ:

— Это вы, баринъ?

Мы обрадовались другъ другу, точно родные. Обнялись, расцѣловались. Послѣ дружнаго возмущенія всѣмъ происшедшимъ въ Россіи, перешли на воспоминанія о совмѣстной петербургской жизни.

— Между прочимъ, Егоръ, — придавъ голосу небрежный веселый тонъ, свернулъ я, наконецъ, на тему, которая мучила меня цѣлый годъ со дня встрѣчи съ дамой въ театрѣ. — Ты помнишь нашу квартиру въ Литейной части?

— А какъ же, баринъ, не помнить! Хорошо помню.

— Ты что-нибудь въ ней замѣчалъ такое... Таинственное?

— Какъ не замѣчалъ! Хо-хо! Еще бы. Я изъ-за этого самаго нерѣдко на лѣстницу спать уходилъ. Житья не было. Прислуга-то у насъ, не помните развѣ, больше недѣли никогда не держалась, сбѣгала. Нѣсколько разъ хотѣлъ я, было, вамъ доложить. Но все какъ-то воздерживался. А что по ночамъ творилось въ квартирѣ, — не приведи Господи!

— А что творилось? Напримѣръ?

— Да, вотъ, помню случай... подъ Рождество. Ушли вы, Глаша тоже въ гости отправилась. Иду, это, я въ спальню, чтобы постель вамъ сготовить... И вдругъ...

— Первый звонокъ! Поѣздъ на Армавиръ, Минеральныя Воды, Петровскъ, Баку! — стараясь покрыть общій гулъ голосовъ, заревѣлъ въ вестибюлѣ по старой привычкѣ швейцаръ.

— На Армавиръ? — испуганно воскликнулъ Егоръ,

бросаясь къ лежавшей на полу корзинѣ. — На Армавиръ — это намъ. Прощайте, баринъ! Счастливо оставаться! Эй, Никита, постой! Марья! Куда? Налѣво! Уберите вы ноги, черти проклятые!

Николай Николаевичъ смолкъ. Печально вздохнулъ, опустилъ голову. И жуткимъ молчаньемъ далъ понять, что разсказъ о потустороннемъ мірѣ оконченъ.

СТИХОТВОРЕНІЕ ВЪ ПРОЗѢ

Это было давно. Но мы помнимъ, когда это было...

Ясное лѣтнее утро. Солнце будитъ сквозь ставни, протягивая къ кровати лучистые пальцы. Встаешь... Одѣваешься. Вычищены башмаки... Вода принесена въ умывальникъ... Въ столовой приготовлено кофе... И для кухни кто-то гдѣ-то уже колетъ дрова.

Открываешь двери на террасу. Яркой радостью ароматовъ врывается въ комнату садъ, шумятъ птицы, небо смѣется сквозь вѣтви голубыми глазами.

Кусты розъ. Цвѣтущихъ розъ. Въ этихъ, красныхъ, распустившихся, безмолвная страсть... Въ чайныхъ, палевыхъ, покорная нѣжность. Отъ ночной разлуки съ солнцемъ еще не высохли слезы. Срѣзываешь одну, другую, третью. Вотъ уже не хватаетъ объятій...

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!

Днемъ гости. Зовутъ на прогулку. Въ саду, на тѣнистой площадкѣ, поставлены садовыя кресла. Оживленный разговоръ, шутки, проекты... Не боишься выставить башмакъ — онъ такъ еще свѣжъ! Держишь себя въ сшитомъ недавно костюмѣ свободно, увѣренно. Не стѣсняешься ходить, нагибаться, показывать себя съ разныхъ сторонъ.

Какъ хороши, какъ непринужденны были позы!

На прогулкѣ въ сосѣдній монастырь приключеніе... За-

дымилось, вдругъ, небо тучами, набѣжала гроза. Проливной дождь поймалъ всѣхъ въ свои прозрачныя сѣти. Крики, смѣхъ, веселье. Пустякъ! Дома — въ комодахъ бѣлье, въ шкапу новое платье, ботинки ждутъ очереди... А, можетъ быть, для успокоенія бабушки затопить въ гостиной каминъ, погрѣть при бабушкѣ ноги?

Какъ хороши, какъ безопасны были грозы!

А въ августѣ, когда по утрамъ показывалась на состарившейся травѣ сѣдина, мы уѣзжали на югъ. Сколько бралось всегда багажа! Чемоданы, кофры и желтые сундуки, сундуки...

Какъ хороши, какъ дешевы были для вещей провозы!

И вотъ купэ. Прекрасный экспрессъ. Вагонъ-ресторанъ. Проносятся станціи мимо, локомотивъ мчится на югъ, увѣренно, бодро, безостановочно...

Какъ хороши, какъ моцны были паровозы!

Въ окнѣ мелькаютъ поля. Видны возы съ хлѣбомъ, одинъ за другимъ... Какъ хорошо нагружены обозы! А дальше — необозримая степь. Коровы... Лошади... Безконечныя стада козъ. Какъ многочисленны, какъ сыты были козы!

И вотъ, наконецъ, югъ, яркій, блещущій. Живой сапфиръ моря въ скалистой оправѣ береговъ. Вокругъ кипарисы, какъ памятники... Магноліи съ пряннымъ воскомъ цвѣтовъ... И повсюду, въ горахъ, въ долинахъ, на склонахъ — сады, виноградники...

Какъ хороши, какъ плодоносны были лозы!

Кончался сезонъ. Глубокой осенью встрѣчалъ Петербургъ при возвращеніи. Начиналась зима. Мела метель... Но внутри, за окнами, тепло. Струится свѣтъ люстръ. Бодро входишь съ морознаго воздуха, снимаешь заиндевѣвшій мѣхъ. И идешь къ себѣ, въ кабинетъ, гдѣ уже ждутъ на полкахъ любимые авторы, гдѣ со стѣнъ безмолвно манятъ картины. На столѣ все готово къ работѣ. Раскрыто нѣсколько книгъ.

Лежитъ бумага. И въ вазочкѣ склонились поставленныя заботливой рукой туберозы.

Какъ хороши, какъ бодры были за окномъ морозы! Какъ хороши, какъ свѣжи были въ вазѣ туберозы!

. . . .

Это было давно. Такъ давно, что мы скоро забудемъ, когда это было. И теперь я сижу у себя, въ Медонѣ, возлѣ дымящей печки, надѣвъ пальто въ рукава, вздрагиваю при звукѣ дождя... И вспоминаю: гдѣ розы? Лозы? Туберозы? Паровозы? Козы?

Что осталось? Комхозы?

БУДУЩІЕ ГОРОДНИЧІЕ

Хотя у Николая Ивановича Синявина, назначеннаго послѣ сверженія большевиковъ градоначальникомъ города Энска, пріемъ въ канцеляріи начинается въ одиннадцать, однако, Синявинъ все равно, по бѣженской привычкѣ, пріобрѣтенной въ Болгаріи, встаетъ рано: въ половинѣ седьмого.

Не довѣряя ванной комнатѣ своего дома и боясь, что во время умыванія неожиданно перестанетъ идти вода, какъ это нерѣдко происходило въ Софіи, онъ спускается внизъ, во дворъ, моетъ подъ краномъ голову, обтирается и возвращается пить утренній чай.

Свободные часы отъ занятій особенно тоскливы и продолжительны: платье и башмаки вычищены, полы подметены, наноскахъ нельзя для штопки найти ни одной приличной дыры. Чтобы убить время, Николай Ивановичъ идетъ, обыкновенно, на кухню.

— Степанъ, а что сегодня на обѣдъ?

— Изволили заказать, ваше превосходительство, борщъ, пожарскія котлеты, горошекъ, гурьевскую кашу.

— Такъ-съ. А ты, братецъ, умѣешь скобелевскія котлеты готовить?

— Никакъ нѣтъ.

— А по суворовски? Съ перчикомъ?

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— Эхъ, братецъ, братецъ... Гдѣ же ты образованіе получилъ? Погоди. Въ воскресенье послѣ обѣда буду свободенъ, приходи ко мнѣ въ кабинетъ. Научу. Шестнадцати сортамъ котлетъ. Если бы ты зналъ, какъ я по-суворовски готовлю — пальчики оближешь! А черняевскія? А марешаль? Бисмарковскія? Наполеоновскія? Котлеты по хорватски? Полтора года, братецъ, самъ поваромъ былъ. Не шутка. Смотри же: послѣ обѣда въ воскресенье!

Изъ своего дома Николай Ивановичъ ѣдетъ въ канцелярію не въ экипажѣ, а въ вагонѣ трамвая. Не хочетъ обращать на себя вниманія.

— Господинъ, вашъ билетъ!

— Я же тебѣ, милый, показывалъ.

— А гдѣ упомнить, у кого есть, а у кого нѣтъ.

— Изволь. Только ты, дорогой мой, напрасно говоришь: гдѣ упомнить. Я, вотъ, въ Загребѣ только одинъ мѣсяцъ кондукторомъ былъ, а все запоминалъ. Никогда ни къ кому второй разъ не лѣзъ. Тутъ, братецъ, особая мнемоника нужна: зрительная. Когда ты совершаешь рейсъ, обращай вниманіе, прежде всего, на костюмъ: зеленая дама взяла, темно-красная взяла, господинъ въ бѣлыхъ брюкахъ взялъ, а съ розовымъ галстухомъ уклоняется. А если костюмъ обычный, запоминай по лицу. Бритый не бралъ, усатый вмѣстѣ съ бородатымъ — уже. На носы тоже хорошо взглядывать. Облегчаетъ... Въ особенности, если бородавки или синія жилки.

Въ канцеляріи у Николая Ивановича работа кипитъ. Это не то, что прежде: доклады — резолюціи, резолюціи — доклады. Николай Ивановичъ во все входитъ, все хочетъ знать самъ, любитъ со всѣми говорить лично.

— Сапожникъ подалъ прошеніе? Позовите сапожника. Можетъ быть, онъ и шить не умѣетъ, а на полицію жалуется. Ну, здравствуй, голубчикъ. Садись. Давно ты сапожникомъ?

— Да съизмальства, ваше превосходительство.

— Какъ шьешь: на деревянныхъ гвоздяхъ или съ шитой подошвой?

— На гвоздичкахъ, ваше-ство, на гвоздичкахъ. Мой отецъ на гвоздичкахъ, такъ и я тоже, по родительскому благословенію.

— Нехорошо, братецъ. Гвоздики плохо держатъ. Я самъ на второй мѣсяцъ работы въ Константинополѣ отъ деревянныхъ гвоздей отказался: стыдно передъ публикой. Отстанетъ подошва и, кажется, будто не башмакъ, а морда оскаленная. Шитую никогда не пробовалъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Это на тебѣ твоя работа? Покажи-ка. Подними ногу. Милый мой! Да какъ ты дратву ведешь? Это развѣ параллель? И каблукъ, смотри: тутъ у тебя выступаетъ, а тамъ срѣзано. Срамникъ, ранта даже сдѣлать не можешь! Если хочешь, приходи послѣ обѣда въ воскресенье, принеси инструменты. Я тебѣ покажу, какъ шитую подошву подводить.

До пяти часовъ Николай Ивановичъ безъ перерыва работаетъ. И, забравъ изъ канцеляріи наиболѣе важныя бумаги для вечернихъ занятій, возвращается пѣшкомъ домой.

— «Энскій телеграфъ» на завтра! — кричитъ газетчикъ. — Свѣжія новости!

Николай Ивановичъ останавливается.

— А что именно новаго?

— Всякія новости, разныя новости... Купите, господинъ!

— Ты мнѣ скажи сразу, что самое главное въ номерѣ. Не знаешь? Эхъ ты, газетчикъ! Я бы тебя изъ экспедиціи на второй день выгналъ. Хорошій газетчикъ, дорогой мой, долженъ знать боевое мѣсто. Долженъ понимать, въ чемъ выигрышъ информаціи. Дай-ка сюда... Вотъ, смотри: «Англія. Переговоры съ индусами о возсоединеніи въ одну Импе-

рію»... старо. «Аѳины. Объ установленіи фашистскаго образа правленія». Было уже. Ну-ка? «Франція. Парижская печать о возобновленіи франко-русскаго союза». Вотъ! Отлично. Ты и кричи: «франко-русскій союзъ! Франко-русскій союзъ!» Бѣги, что есть мочи, и кричи. Я самъ въ Софіи, братецъ, газеты продавалъ... Номера тебѣ даютъ сфальцованные?

— Я не знаю...

— Не знаешь фальцовки? Костянымъ ножичкомъ никогда не работалъ? Ну, и газетчики! Срамъ. Погоди... Въ воскресенье, послѣ обѣда, заходи ко мнѣ. Въ шесть часовъ. Я покажу. И софійскій ножичекъ подарю, такъ и быть.

Въ воскресенье послѣ обѣда у Николая Ивановича собирается общество. Поваръ Степанъ, сапожникъ, газетчикъ, пильщикъ дровъ, вялую работу котораго градоначальникъ видѣлъ изъ окна своей канцеляріи, монтеръ, неумѣвшій найти въ первомъ полицейскомъ участкѣ мѣста поврежденія провода... Николай Ивановичъ по-очереди читаетъ каждому лекцію, объясняетъ, тутъ же на инструментахъ и матеріалѣ показываетъ, какъ слѣдуетъ работать. И поздно къ ночи, когда нужно ложиться спать, съ сожалѣніемъ разстается съ коллегами, которымъ горячо и долго жметъ руки, проситъ не забывать, заходить почаще по воскресеньямъ поболтать о дратвѣ, о пилахъ, объ экспедиціи, о бефъ бризе.

— Мусинька, — виновато говоритъ женѣ Николай Ивановичъ, ложась спать. — Ты, кажется, недовольна?

— Я думаю. Тоже — учитель!

— Мусинька... Но... Градоначальникъ, вѣдь, дѣйствительно, долженъ быть для населенія отцомъ и учителемъ! Только тогда ему не страшенъ никакой Гоголь!

ВЪ ГОСТЯХЪ У ВАРВАРА

Случайно познакомился съ извѣстнымъ французскимъ кинорежиссеромъ — мсье Жуэ, большимъ любителемъ фильмъ изъ русской жизни.

Это онъ поставилъ нѣсколько лѣтъ назадъ нашумѣвшія картины «Княжна Василія» и «Бѣдность не порокъ» (Ла поврете н-э па з-енъ профэтъ).

Самъ мсье Жуэ въ Россіи никогда не былъ и, какъ видно, при собираніи бытовыхъ матеріаловъ ни съ кѣмъ изъ русскихъ людей не бесѣдовалъ. Однако, какъ онъ говоритъ, у него до сихъ поръ былъ отличный козырь:

Его дѣдъ участвовалъ въ Крымской кампаніи и собственнолично бралъ приступомъ Малаховъ курзалъ.

Познакомились мы съ мсье Жуэ, разговорились. И при прощаніи я, по скверной русской привычкѣ, предложилъ ему зайти какъ-нибудь ко мнѣ продолжить бесѣду.

Казалось бы, это была простая формальность. А Жуэ, между тѣмъ, принялъ предложеніе радостно, попросилъ назначить время, когда можно прійти.

— Я бы очень хотѣлъ окунуться хоть разъ въ мистику славянскаго быта, — записавъ день и часъ, пояснилъ онъ.

Я шелъ домой съ тяжелымъ чувствомъ. Во-первыхъ, пропадетъ цѣлый вечеръ. А, во-вторыхъ, все равно мсье Жуэ будетъ ставить картины такъ, какъ захочетъ. Объ этомъ го-

ворить и чрезвычайное самоудовлетвореніе, разлитое по всему его лицу, и то чисто европейское упрямство, съ которымъ онъ придерживается взглядовъ покойнаго дѣда.

— Погоди-жъ, — злобно бормоталъ я, подходя къ своей квартирѣ. — Будешь ты у меня знать «Бѣдность не порокъ» и «Княжну Василія»...

Къ четвергу для пріема Жуэ я не поскупился на расходы по устройству русскаго быта. Купилъ водки, налилъ ее въ самоваръ, въ самоварную трубу вставилъ цвѣты; въ столовой надъ горячей желѣзной печкой, въ видѣ палатей, протянулъ длинную доску, подперевъ ее съ двухъ сторонъ чемоданами; буфетный шкапъ передвинулъ изъ угла къ окну, а уголъ задрапировалъ красной матеріей; затѣмъ приготовилъ кое-что изъ ѣды и питья: разбавилъ кофе виномъ, въ чайникъ насыпалъ вмѣстѣ съ чаемъ корицы и перца, на столѣ расположилъ два національныхъ блюда: кусокъ сырого тѣста, съ воткнутой въ него свѣчей, и глубокую чашку съ виноградомъ, облитымъ прованскимъ масломъ.

Была не была. Самъ буду ѣсть, самъ буду пить, но покажу ему мистику.

Жуэ явился аккуратно. Минута въ минуту. Вошелъ въ переднюю, самодовольно поздоровался, съ любопытствомъ оглядѣлъ стѣны.

— А пѣтушекъ гдѣ? — дѣловито спросилъ онъ.

— Пѣтушекъ спрятанъ, мсье, — грустно сказалъ я, помогая гостю снять пальто. — На собраніи въ Трокадеро мы, русскіе, поклялись другъ другу, что, пока Россія не возстановится, пѣтушковъ выставлять никто не будетъ.

Затѣмъ я отошелъ въ сторону, поочередно взялъ со столика заранѣе приготовленныя туфли, метлу, ключи, каракулевую шапку, халатъ и торжественно заговорилъ, отвѣсивъ низкій поклонъ:

— Братъ мой, дорогой и любимый! Вступая въ скром-

ное жилище русскаго человѣка, не откажи отнестись съ уваженіемъ къ его священнымъ обычаямъ.

— Съ удовольствіемъ, мсье, — растроганно пробормоталъ Жуэ.

— Сначала сними, братъ мой, брюки, пиджакъ и надѣнь этотъ халатъ человѣческой дружбы. Затѣмъ накрой голову шапкой согласія и мира. Пока ты находишься въ домѣ, не снимай ея, прошу, чтобы не оскорбить очага.

— О, мсье. Конечно. Какъ можно!

— Башмаки тоже оставь, братъ мой. Надѣнь вмѣсто нихъ туфли мягкой сердечности. Теперь, когда все готово, я передаю тебѣ вотъ эти ключи. Ходи по дому, открывай все, что угодно. Не прибѣгай только къ помощи вотъ этого маленькаго ключика. Пользованіе имъ угрожаетъ тебѣ смертью, братъ мой.

— Вотъ этимъ? — поблѣднѣлъ Жуэ, со страхомъ разглядывая ключъ. — Хорошо. А метла на что?

— Эта метла, братъ мой, указываетъ, что ты, какъ гость, можешь вымести изъ квартиры все, что захочешь, не исключая хозяина. Возьми метлу въ руки и идемъ. Я посажу тебя въ красный уголъ, гдѣ ты вкусишь наше національное питье и ѣду.

Онъ сидѣлъ въ столовой въ углу, задрапированномъ красной матеріей, съ жуткимъ любопытствомъ оглядывался, ожидая, что будетъ. А я, вынувъ изъ кармана платокъ, поднялъ руку, въ легкихъ воздушныхъ па русскаго танца прошелся по комнатѣ и затѣмъ сталъ потчевать гостя.

— Русскій калачъ, — склонившись на одно колѣно, произнесъ я, подавая на тарелкѣ сырое тѣсто. — Ѣшь, братъ мой.

— Мерси бьенъ, — пробормоталъ Жуэ, поднося тарелку къ глазамъ. — Только это не сырое, мсье?

— Тотъ, кто въ первый разъ входитъ въ русскій домъ,

тотъ ѣстъ сырое. Кто входитъ во второй разъ, ѣстъ печеное.

Я зажегъ свѣчу и, держа ее въ рукѣ, терпѣливо ждалъ, пока Жуэ проглотитъ. Затѣмъ поочередно далъ гостю рюмку водки, чашку кофе съ виномъ, чаю съ корицей и перцемъ и, наконецъ, началъ угощать виноградомъ.

— Уиль д-оливъ? — вздрогнулъ онъ, поднявъ кисть и замѣтивъ, что съ нея что-то каплетъ.

— Уиль д-оливъ съ виноградомъ, братъ мой.

— Я не могу ѣсть, мсье. Я очень сытъ.

— Братъ мой! Ты оскорбляешь очагъ!

— Мсье! Честное слово не хочется! Дайте лучше водки... Или вина...

Черезъ полчаса я объявилъ, что офиціальная церемонія кончилась, придвинулъ къ красному углу маленькій столикъ, переставилъ на него самоваръ, самъ легъ на палати надъ желѣзной печкой, и мы стали мирно бесѣдовать.

— Проклятая рана! — потирая лѣвую ногу, со вздохомъ произнесъ я. — Уже пятнадцать лѣтъ прошло, а до сихъ поръ болитъ мѣсто укуса медвѣдя.

— А гдѣ васъ медвѣдь укусилъ, мсье?

— Въ Петербургѣ на Каменноостровскомъ Проспектѣ. Вышелъ, знаете, какъ-то изъ дому впопыхахъ и забылъ взять ружье. А тутъ, какъ нарочно, цѣлая вереница медвѣдей. Идутъ, зубами щелкаютъ. Двѣсти человѣкъ при мнѣ разорвали. А, вотъ хотите, мсье, разскажу случай? Какъ мы охотились въ Петергофѣ на кабановъ? Было это давно, лѣтъ двадцать назадъ... Въ охотѣ участвовалъ я, графъ Малюта де Скуратовъ и депутатъ Думы Павелъ Милюковъ, прозванный за свою храбрость Николаевичемъ...

Около десяти часовъ въ квартиру ко мнѣ постучали. Пришли неожиданно гости: Кудрявкинъ съ женой.

Ничего не подозрѣвая, Кудрявкины поздоровались, вошли въ столовую... И увидѣли въ красномъ углу мсье Жуэ: въ халатѣ, въ каракулевой шапкѣ, съ метлой въ одной рукѣ, съ рюмкой водки въ другой.

— Это что за чучело? — отступая къ дверямъ, прошептала Кудрявкина.

— Ничего, ничего... Это иностранецъ въ гостяхъ у русскаго варвара.

Остатокъ вечера, какъ легко догадаться, мы провели очень весело. Кудрявкинъ, вспомнивъ свое аристократическое прошлое, громко игралъ на гребешкѣ, приложивъ къ нему папиросную бумагу. Мадамъ Кудрявкина, тряхнувъ стариной и этикетомъ придворнаго быта, бойко хлопала въ ладоши. А мсье Жуэ, несмотря на халатъ и на метлу, лихо танцовалъ русскую.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ПАРИЖЪ

Нехорошо жить въ окрестностяхъ міровой столицы.

То-есть жить-то хорошо, но ѣздить ужасно.

Зимой или осенью еще терпимо. Лоно у природы сырое и грязное, воздухъ неважный — благорастворяется плохо. Никому, слава Богу, не приходитъ въ голову отправиться въ лѣсъ, сѣсть въ холодную лужу, и, укрываясь отъ дождя зонтикомъ, страстно твердить:

— Сюзанна, люблю!

Но весной или лѣтомъ... Когда солнце пригрѣетъ, да когда лоно подсохнетъ... Бѣда!

Обычно ѣду я въ версальскомъ поѣздѣ. Сажусь въ купэ возлѣ окошечка, раскрываю газету и, пока добираюсь до мѣста своего назначенія, успѣваю прочесть все:

И въ какую фазу вступило дѣло объ убійствѣ консьержки.

И какой ювелиръ обворованъ.

И что разсказала о своемъ дѣдушкѣ молодая индусская дѣвушка, оказавшаяся въ прежней жизни матерью своей собственной бабушки.

Но, вотъ, лѣтомъ, заберешься въ купэ, развернешь листъ, прочтешь только одинъ заголовокъ — и со всѣхъ сторонъ надоѣдаютъ:

— Чмокъ, чмокъ, чмокъ...

Я вполнѣ понимаю чувства парижской молодежи. Солнце пригрѣло, лоно подсохло. Въ лѣсу пташки, букашки, таракашки.

Изъ-за любви на какіе расходы ни пойдешь, чтобы взять два билета третьяго класса!

Но, все-таки... Причемъ во всѣхъ этихъ исторіяхъ я? Что я имъ: шаферъ? Сваха?

Или посаженный отецъ, насильственно посаженный въ одно купэ съ ними?

«Изъ Афинъ сообщаютъ, — съ досадой начинаю вникать я въ газету, — что Кондуріотисъ вмѣстѣ съ Заимисомъ имѣли продолжительную бесѣду съ Метаксасомъ...»

— Чмокъ, чмокъ!

«Кондуріотисъ по этому поводу запросилъ мнѣніе Кафандариса, а Кафандарисъ...»

— Чмокъ, чмокъ!

Осторожно поворачиваю голову. Начинаю разглядывать. Молодой человѣкъ, мрачнаго вида, свалился на бокъ, положилъ голову на колѣни востроносой подруги. А она заботливо вытираетъ платочкомъ его мокрыя щеки, нѣжно цѣлуетъ.

— Морисъ, хлѣбъ теперь 2 франка 25... — шепчетъ она.

— Да, Жозефина.

— А ты меня не разлюбишь, когда будетъ два пятьдесятъ?

— Никогда!

«А Кафандарисъ вмѣстѣ съ Папанастасіу, — возвращаясь къ газетѣ, глубоко вздыхаю я, — пригласили на совѣщаніе Папандопуло...»

— Поль, ты ѣлъ сегодня эскарго.

— Да, ѣлъ. Откуда ты знаешь?

— Отъ губъ чеснокомъ пахнетъ.

Оказывается — это уже другая пара. На сосѣдней ска-

мейкѣ. Расположились противъ меня, крѣпко обнялись, прижались щеками. Изъ-за раскрытой газеты я не успѣлъ раньше замѣтить, что они тоже любятъ другъ друга.

«Въ связи съ этимъ, сообщаютъ, что, если Заимису не удастся сговориться съ Кондуріотисомъ, а Кондуріотису съ Кафандарисомъ...»

— А сегодня, что у васъ дома на обѣдъ, любимый?

— Эскалопъ, моя маленькая.

«... то Заимисъ откажется отъ составленія кабинета, несмотря на уговоры Папанастасіу, Папандопуло и Метаксаса...».

— Пардонъ!

Правый влюбленный толкаетъ меня башмакомъ, грузно приподнимается, громко чмокаетъ возлюбленную.

— Любишь?

— Люблю.

— Папанастасіу, — повторяю про себя я. — Посаженный отецъ... Папандопуло...

— На Жанеттъ не промѣняешь?

— Я не родился дуракомъ.

— Метаксасъ, Заимисъ, Кондуріотисъ... Эскарго. Этакую дрянь ѣсть, прости Господи! И какъ нѣжно отвѣтилъ: «эскалопъ». Болванъ! Куда только уйти? Кондуріотисъ! Развѣ уйдешь на ходу поѣзда? И развѣ у насъ было что-нибудь подобное? Изъ Афинъ сообщаютъ... Конечно, мы тоже влюблялись. Мы тоже ѣздили въ лѣсъ. Но мы умѣли ждать! Умѣли терпѣть. Сидимъ тихо, смирно — никто даже не догадается, въ лѣсъ направляемся или на лекцію. Говорили о Некрасовѣ, о несжатой полоскѣ. А эта сразу о печеномъ хлѣбѣ и бацъ въ губы! Конечно, любовь зла. Но удивительно, все-таки, какъ можно цѣловать подобнаго головотяпа? Міръ, очевидно, такъ устроенъ, что каждый головотяпъ всегда найдетъ свою головотяпку. А жаль ея... Лицо очень ми-

лое, глаза тоже. Встрѣтила бы она меня лѣтъ, этакъ, двадцать пять тому назадъ, я бы ей показалъ, какъ нужно подходить къ любви, съ какимъ надрывомъ! Я бы отучилъ отъ эскарго. Я бы сказалъ: «Жоржеттъ! Мы оба несчастны. Я — меланхоликъ, ты — сангвиникъ, давай покончимъ съ собой, Жоржеттъ, пока еще не поздно. Пока мы молоды оба». А этотъ луку наѣлся, тяжело отдувается. Героемъ себя чувствуетъ...

— Чмокъ!

— А идеалы-то его гдѣ? Ха-ха! Гдѣ идеалы!

— Чмокъ, чмокъ!

— Устремленія? Паденія въ бездну? Паренія въ высотахъ? Заимисъ! Разочарованія? Исканія? Переживанія?

— Чмокъ, чмокъ, чмокъ, чмокъ! П... П... П... П!

Поѣздъ замедляетъ ходъ. Не ожидая полной остановки, я соскакиваю, судорожно сжимая газету. Хочу, отъ всего сердца, съ размаху захлопнуть дверцу...

И вижу — къ купэ скромно подходитъ кюрэ.

— Перметте-муа, мсье?

— Авекъ плэзиръ.

Кюрэ деликатно лѣзетъ туда, въ логово. Испуганно раскрываетъ молитвенникъ, углубляется.

А я улыбаюсь, видя его растерянное лицо. И злобы уже какъ ни бывало.

— Посмотримъ, посмотримъ, какъ ты доѣдешь со своимъ чтеніемъ. Не такъ ли, какъ я со своими Афинами? Съ Кондуріотисомъ, Заимисомъ, Кафандарисомъ?

КУХАРКА

Написалъ мнѣ пріятель изъ Ниццы:

«Дорогой мой! Ради Бога, сдѣлай намъ одолженіе. Жена разсчитала Марью Ивановну и теперь ищетъ новую кухарку, но обязательно неинтеллигентную. Ты представить себѣ не можешь, какъ намучились мы съ этой Марьей Ивановной! Не говорю уже о томъ, что мнѣ приходилось самому чистить башмаки, топить камины и мыть посуду. Неловко было заставлять дѣлать все это хрупкую интеллигентную женщину, да еще такую, у которой мы подолгу гостили въ ея орловскомъ имѣніи. Однако, въ послѣднее время жена окончательно изнемогла. Когда Марья Ивановна по вечерамъ идетъ на концертъ или въ гости, мы оба спѣшно гладимъ ей платье, комбинэзонъ, поднимаемъ петли на чулкахъ. А на ночь жена должна у ея постели читать вслухъ романы: глаза у Марьи Ивановны слабые, а засыпать безъ чтенія она не привыкла. Родной мой, дай въ газету объявленіе, что въ Ниццу требуется совершенно неинтеллигентная кухарка. Можетъ быть, хоть у васъ въ Парижѣ найдется такая. У насъ, увы, русскихъ женщинъ съ образованіемъ ниже Бестужевскихъ курсовъ нѣтъ».

Перечиталъ я письмо пріятеля, вздохнулъ, и сдалъ объявленіе:

«Въ инт. семью въ Ниццѣ спѣш. треб. кухарка, ум. гот.,

стир., глад., почин. б., чист. баш., мыть пос. и проч. Дор. оплач. Обязат. условіе — полная неинтеллигентность».

Указалъ я въ объявленіи часы пріема, адресъ, и съ горькимъ чувствомъ сталъ ждать. И безъ чужихъ порученій — жизнь не сладка, а тутъ изволь возиться съ такимъ щекотливымъ дѣломъ.

— Можно войтить?

— Пожалуйста.

Въ узкую дверь моей комнаты втиснулась полная женщина, повязанная цвѣтнымъ платочкомъ, держа какой-то свертокъ въ рукѣ. Лицо женщины было ярко румянымъ, брови — густо-черныя, платье въ пестрыхъ разводахъ. Казалось, что настоящая жизнерадостная малявинская баба сошла съ полотна, заполнила своей черноземностью сѣрый пейзажъ унылой французской квартиры.

Платье было только короткое. Да чулочки тѣлесные, шелковые. Но, что подѣлаешь? И до нихъ, какъ извѣстно, докатывается проклятая мода.

— Зрасьте!

Она въ знакъ привѣтствія высоко подняла руку, опустила, сама низко склонилась, пригнувъ корпусъ къ полу.

— Вы по объявленію, сударыня? — внимательно всматриваясь въ неинтеллигентную бабу, подозрительно спросилъ я.

— Вѣстимо по объявленію, родимый, вѣстимо. Люди добрые сказывали, што кухарка вамъ требуется, такъ я, значитъ, тово... Могу и обѣдъ сготовить, и бѣлье постирать, и все прочее такое. Антиллигентности во мнѣ никакой, сами мы простые, рязанскіе. А мужъ мой — казакъ, на заводѣ у Рена служитъ.

Она вздохнула, полѣзла рукой въ черную сумочку, достала оттуда горсть подсолнечныхъ сѣмячекъ, громко начала щелкать.

— Такъ-съ, хорошо... — осторожно обходя бабу и оглядывая ее со всѣхъ сторонъ, произнесъ я. — Значитъ, вы рязанская? Люблю я рязанскую губернію. Просторъ, ширь. Небось, самой приходилось и пахать, и сѣять?

— А какъ же. Вѣстимо, родной, приходилось. Вѣстимо. Запряжешь, бывало, Сивку-Бурку, вѣщую Каурку, да пойдешь съ нею бѣлить желѣзо о сырую землю. А вокругъ благодать-то какая! Какая благодать! Красавица зорька въ небѣ загорается, изъ большого лѣса солнышко выходитъ...

— Графиня! — подойдя вплотную къ посѣтительницѣ, строго заговорилъ я. — Бросьте ваши штучки.

— Чаво?

— Графиня! Вы же читали, что требуется обязательно неинтеллигентная. Зачѣмъ вы пришли?

— Я? — удивленно посмотрѣла на меня женщина. — А чаво этаво? Хдѣ графиня?

Она поблѣднѣла, обернулась, осмотрѣлась вокругъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не смотрите туда, — твердо продолжалъ я. — Слава Богу, у меня на лица хорошая память. Я отлично помню, какъ вы продавали мнѣ шампанское на благотворительномъ вечерѣ въ залѣ Гужонъ.

Она пристально посмотрѣла на меня, нахмурилась, разочарованно бросила сѣмячки въ сумочку.

— Да, вѣрно, — продавала, — грустно произнесла она, снимая съ головы платокъ и доставая изъ свертка маленькую модную шляпку. — Какъ обидно! Только странные все-таки эти ваши ниццкіе буржуи. Развѣ не все равно имъ, кто я такая?

Сухо кинувъ «бонжуръ, мсье», она круто повернулась, вышла. А черезъ полчаса въ дверь опять постучали.

— Можно?

На этотъ разъ все было на чистоту. Явилась скромная барышня и стала увѣрять, что, хотя она и кончила гимна-

зію, но все забыла: и чему равняется сумма угловъ въ треугольникѣ, и что такое «пи», и куда впадаетъ Амазонка, и кто написалъ «Недоросля». Долго и настойчиво убѣждала она, что между интеллигентными и неинтеллигентными людьми разницы никакой нѣтъ, такъ какъ сейчасъ вездѣ всеобщее избирательное право, и что теперь даже рабочіе бываютъ министрами. Но я твердо стоялъ на своемъ. Пріятелю нуженъ былъ не министръ, а кухарка, и я не могъ превысить своихъ полномочій.

Только черезъ недѣлю, отказавъ еще нѣсколькимъ просительницамъ, я остановилъ свой выборъ на скромной симпатичной старушкѣ, которую прислалъ ко мнѣ одинъ добрый знакомый. У старушки лицо обвѣтренное, морщинистое, на подбородкѣ отъ старости сѣдая щетина, голосъ хриплый, грубоватый, и когда старуха говорила, то къ каждой фразѣ всегда прибавляла «тае».

Купилъ я кухаркѣ билетъ, усадилъ въ поѣздъ, далъ на дорогу авансъ, чтобы окупить расходы до прибытія въ Ниццу. И черезъ двѣ недѣли получаю отъ друга письмо:

«Дорогой мой! Спѣшу сообщить, что съ кухаркой вышло недоразумѣніе, кончившееся, однако, къ общему благополучію обѣихъ сторонъ. Какъ оказалось, твоя старушка вовсе не старушка, а генералъ-отъ-инфантеріи, очень милый, культурный и обязательный человѣкъ. Всѣ свои обязанности въ теченіе дня онъ исполняетъ съ поразительной добросовѣстностью и аккуратностью, а по вечерамъ мы вмѣстѣ съ нимъ и съ Евгеніемъ Николаевичемъ садимся за столъ и играемъ въ бриджъ. Большое спасибо тебѣ, милый мой, за услугу. Если понадобится что-нибудь въ Ниццѣ, напиши. Тоже исполню все въ точности».

ЧИСТОЕ ИСКУССТВО

Хожу по заламъ Шарпантье, на выставкѣ картинъ Яковлева, стою подолгу передъ пейзажами Сахары, любуюсь озеромъ Чадъ, воздушными мимозами Нигера, причудливыми горами Мозамбика.

Вотъ одно изъ полотенъ, посвященныхъ Сахарѣ. Въ немъ столько задумчивой прелести, столько мистической притягательности. Сажусь на диванъ, отдаюсь настроенію...

А рядомъ на диванѣ какая-то старушка. Уставилась страдающимъ взглядомъ на картину, изображающую баобабъ у береговъ Нигера, вздыхаетъ, достаетъ платочекъ изъ сумочки, прикладываетъ къ глазамъ.

— Въ чемъ дѣло? — съ удивленіемъ скашиваю на нее глаза.

— Есаулъ, идите-ка сюда! — слышится, вдругъ, среди общей тишины. — Бросьте свои черныя морды, хватитъ.

— Погодите, Матвѣй Дмитріевичъ, дайте доглядѣть, — отвѣчаетъ громкій увѣренный голосъ. — Можетъ, еще когонибудь изъ знакомыхъ встрѣчу. Не даромъ, слава-те, Господи, въ Бельгійскомъ Конго два года околачивался. А что, нашли Мадагаскаръ?

— Нашелъ, да. Номера 84 и 85. «Хо плато» и прочее.

— Иду сію минуту. Взгляну только еще разокъ на своего Лубенго. Пріятели были. Главное, разодѣлся-то какъ, а?

Фу-ты, ну-ты... При мнѣ на праздничкѣ луны и то въ такомъ одѣяніи не появлялся. Очевидно, спеціально для художника нацѣпилъ. Съ чего только похудѣлъ, бѣдняга? Запилъ, что ли? Или лихорадка?

— Здѣсь и столица Мадагаскара Тананаривъ имѣется, есаулъ, — продолжаетъ второй русскій, переходя къ новой картинѣ, и внимательно свѣряя номеръ съ каталогомъ. — Общій видъ изъ дворца королевы.

— Общій видъ? Ту де сюитъ. Дайте, пробѣгу только остальныя, чтобы не возвращаться. Это кто? Номеръ 167. Женъ фій арабизе изъ Стенвилля. Такъ... Этой не знаю. Кого не знаю, того не знаю, врать не буду. И фаммъ арабизе, номеръ 168, тоже не встрѣчалъ. Хотя, какъ будто, на одну пріятельницу, дѣйствительно, смахиваетъ. Мапудрой звали, въ Бенгаминѣ жила, возлѣ лагеря. Не женщина, доложу вамъ, огонь! Ну, давайте теперь Мадагаскаръ. Гдѣ онъ? Не вѣрю только, дорогой мой, въ вашу идею, скажу откровенно.

Оба русскихъ — одинъ бравый, высокій брюнетъ, другой скромный старичекъ съ маленькой сѣденькой бородкой, — стоятъ у стѣны, внимательно разсматриваютъ мадагаскарскіе пейзажи.

— По-моему, дрянь,—послѣ нѣкотораго молчанія громко, съ пренебреженіемъ, произноситъ есаулъ.

— То-есть, какъ дрянь? — обидчиво поворачиваетъ голову старичекъ.

— Не нравится. Уныло очень. Ни пальмъ тебѣ, ни водопада. И лысо кругомъ. Развѣ это мѣстность?

— А я думаю, для нашего плана колонизаціи, наоборотъ, большое достоинство. Поглядите только, какая возвышенность. Плато́!

— Ну, такъ что же, что плато? У насъ въ Катангѣ тоже плато.

— И горы, обратите вниманіе, удобныя: гладкія, пу-

стынныя. Лѣса не имѣется, значитъ, выкорчевывать нѣтъ необходимости. А это уже половина экономіи. Затѣмъ, спуски, видите, покатые, пахать можно со всѣхъ сторонъ.

— Относительно вспашки не спорю. Удобно́. Только есть ли вода? Кстати: Кругликовъ въ министерствѣ былъ?

— Обѣщалъ завтра пойти. Со всѣми прошеніями, и отъ насъ и отъ Сопроновыхъ. По-моему, еса́улъ, если дадутъ даромъ, брать надо, не разсуждая. Вы поглядите, напримѣръ, на рисовыя поля, номеръ 87. Развѣ плохо? И дома въ Тананаривѣ, какъ дома, отлично жить можно. Хотя ярко-красные, оригинальные, но во-первыхъ, можетъ быть, это самъ художникъ для модернизма лишней краски подпустилъ, а во-вторыхъ, не все ли равно, въ концѣ концовъ, какого вида домъ? Лишь бы съ освѣщеніемъ и отопленіемъ. Я, вотъ, къ мадагаскарскимъ портретамъ тоже приглядывался. Гарсонъ мальгашъ, по-моему, славный малый. И у вождя Разуліанана лицо тоже недурное. Открытое. Сойдемся съ нимъ, увѣренъ.

— А женщинъ видѣли? Интересныя?

— Одна, кажется, есть. Подъ номеромъ 217. Написано — «фамъ мальгашъ де ла кастъ энферьеръ». Для «кастъ энферьеръ», по-моему, довольно приличная. Впрочемъ, этотъ вопросъ вы уже, голубчикъ, сами обслѣдуйте. Это меня, старика, не касается.

— Да, да. Погляжу самъ. Какой номеръ говорите? 217? Гдѣ? Тамъ? А, ну-ка!

Оба русскихъ исчезаютъ въ сосѣднемъ залѣ. Снова — тихо. Молча, переговариваясь шепото́мъ, проходятъ мимо иностранцы, останавливаются, отходятъ, возвращаются снова, завороженные какимъ-нибудь изъ пейзажей.

А къ моей сосѣдкѣ старушкѣ подходитъ, вдругъ, дама. Наклоняется, цѣлуетъ.

— Софья Андреевна? И вы здѣсь? Здравствуйте, дорогая! Неправда ли хорошо? Замѣчательно! Въ особенности,

крепюскюль. И лэ з-ото дан ле дезеръ. Сахара, вообще, изумительна. И пожары въ брусъ. Хотя, знаете, дессенъ мнѣ все-таки больше нравится, чѣмъ пентюръ. Замѣтьте, что такая масса портрэ-дикарей, а въ каждомъ есть все-таки своя индивидуальность. Я цѣлый часъ простояла передъ неграми въ томъ залѣ, пока мужъ не запротестовалъ. Вы не догадываетесь, конечно, въ чемъ дѣло. Но такъ какъ все равно по-русски никто не понимаетъ, скажу по секрету: черезъ пять мѣсяцевъ, понимаете, я ожидаю это самое... бэби. Такъ, вотъ, мужъ боится, какъ бы не повліяло. А вы что такая грустная? Нездоровится?

— Нѣтъ, ничего.

— Все уже осмотрѣли? Или недавно пришли?

— Уже давно... Я, вотъ, только ради этого... Нигера. На баобабъ гляжу.

— На баобабъ? О, да. Баобабъ безподобенъ. Какая мощь, сила! И замѣтьте: даже дупло не вредитъ впечатлѣнію. Одно бы я сказала — жаль, не даны вѣтви сбоку и вѣтви вверху. Если бы художникъ взялъ дерево въ другой перспективѣ и измѣнилъ бы масштабъ, баобабъ вошелъ бы въ поле зрѣнія и тогда... Что съ вами, дорогая? Вы плачете?

— Нѣтъ, нѣтъ.. Пустяки...

Старушка съ виноватой торопливостью проводитъ платкомъ по глазамъ, горько улыбается, стараясь удержать слезы.

— Вѣдь, у меня, если помните, на Нигерѣ Шура, — тихо произноситъ она. — Третій годъ служитъ надсмотрщикомъ по лѣсному хозяйству...

НА ОГОРОДѢ

Весна! Весна!

У насъ въ саду, за городомъ, праздникъ. Деревья разодѣлись, выбираютъ изъ своей среды королеву. Стоятъ, распустивъ кринолины, тихо шепчутся, качая головами въ завитыхъ напудренныхъ парикахъ. Мелкіе кусты скромной смородины — сестры Кассисъ и Грозей — съ любопытствомъ дѣтей сбѣжались, весело смотрятъ. Подъ зелеными платьицами изъ прозрачнаго крепъ жоржетта видны худенькія ручки, сквозятъ тонкія ножки. Невинныя созданія! Придетъ лѣто, подрастутъ, застыдятся. Накинутъ густые покровы.

А солнце яркое, разгорѣвшееся, радостно машетъ лучами сквозь высокія ели. Какъ верховный судья протягиваетъ пальцы: «Вотъ она! Нѣтъ, вотъ та!» Вѣтеръ мѣшаетъ. Да не все ли равно? Всѣ хороши. Всѣ королевы. И черешня, и вишня. И слива Рейнклодъ — тоже.

Я сижу у своего огорода. Пока немногое взошло на этихъ стройныхъ, съ такимъ трудомъ и любовью раздѣланныхъ грядкахъ. Только лукъ поднялъ сомкнутые ряды зеленыхъ штыковъ, — точно гвардія, поднимающаяся изъ земли по зову императора-солнца. И беззащитную свору ребятишекъ протолкнулъ на поверхность, учиться жизни, — салатъ. А солнце выше и выше, огонь ярче и ярче. И отъ земли — миражный паръ. Все взойдетъ. Все покажется. И горошекъ,

вонъ тамъ, умирающій въ землѣ, чтобы воскреснуть. И редиска, и рѣпа. И пажъ Солнца — подсолнечникъ по краямъ, у дорожки.

Посреди огорода кустъ бузины. Уже есть листочки — мягкіе, липкіе. Я оставилъ: пусть растетъ. Вотъ, потомъ, если разрастется, станетъ притѣснять, сдѣлается грубымъ и дерзкимъ, вырублю. А пока...

Сижу, смотрю на бузину поверхъ землистыхъ колоннъ и думаю, думаю...

Обо всемъ. О жизни. О прошломъ. О будущемъ.

Какъ это раньше, до бѣгства, я могъ не любить огорода? Столько глубочайшаго смысла, столько романтики. И какъ односторонни поэты, восторгаясь цвѣтами, воспѣвая краски садовъ. А помидоры, томатъ Пьереттъ? А фіолетовый бархатъ баклажанъ — обержинъ віолетъ лонгъ? А тыквы, эти оранжевыя, величавыя ситруй, глядящія на міръ изъ волнъ зеленаго моря?

Благословляю васъ, друзья мои, благодѣтели въ тяжкіе дни эмигрантскихъ невзгодъ! И васъ, помидоры, и васъ, баклажаны, и тебя, милый укропъ, сѣмена котораго такъ долго искалъ я среди французскихъ фенуй и которыя нашелъ, наконецъ, подъ названіемъ анетъ офисиналь. Какъ прекрасна анетъ въ тонкой пряди паутинныхъ вѣтвей, какъ хороша съ огурчикомъ, съ помидорчикомъ, подъ водку!

Благословляю и васъ, огурцы, когда вы всѣ въ пупырышкахъ и достаточно выросли, чтобы перестать дерзко колоть дружески протянутую хозяйскую руку. И тебя, редисъ, красный и бѣлый, и тебя, рѣпа, не круглая, а продолговатая — деми-лонъ. Тамъ, въ глубинѣ, подъ землею, копите вы свою красоту и богатство, не стремитесь къ славѣ поверхности, съ презрѣніемъ показываете міру скромную, не вызывающую ни въ комъ зависти, ботву...

Я знаю, поэты презираютъ васъ, друзья мои. Но не все ли равно? Мы-то съ вами постигли, что не въ цвѣтахъ, а въ плодахъ истинная поэзія и мудрость жизни земной. Тысячелѣтія поютъ пѣвцы о красотахъ розъ-пустоцвѣтовъ, о задумчивомъ взглядѣ быстро увядающихъ фіалокъ. Но чѣмъ онѣ лучше тебя, фасоль моя? Чѣмъ прекраснѣе тебя, милый горошекъ?

А развѣ надъ вами по ночамъ не поетъ соловей? И не ходитъ луна? И не смотрятся звѣзды въ росистые листья, подъ которыми зрѣютъ стручки?

Да, мы съ вами знаемъ отлично, что глубокая любовь — вовсе не садъ, а огородъ съ выполотой ненужной травой. Лучшія женщины міра—не цвѣты, конечно, а овощи. Сколько возлюбленныхъ прошло передъ глазами поэтовъ — и горячихъ, брызжущихъ здоровьемъ, подобныхъ томатамъ, и нѣжныхъ, меланхоличныхъ, какъ бѣлый редисъ. Но нѣтъ въ міровой поэзіи отклика. Нѣтъ для васъ звучныхъ строфъ, справедливо настроенной лиры.

Я сижу у огорода, смотрю на кустъ бузины. Солнце выше и выше. Отъ земли — струи пара. И хочется пѣть... Хочется восполнить пробѣлъ мірового экстаза.

Подсолнечникъ! Вотъ ты, который уже въ землѣ и не сегодня-завтра покажешься. Хочешь, сложу о тебѣ звонкую пѣсню?

Слушай. Спою я о печальной судьбѣ твоей. О трагедіи дерзкихъ желаній. О радости увлеченій юныхъ лѣтъ. О тяжкихъ ударахъ въ мудрые годы.

Знаю тебя по Россіи, давно. Знаю любовь неизмѣнную къ солнцу. Лишь поднимешься ты и обопрешься на стволъ, какъ открываются широкіе глаза, расправляются рѣсницы. И восторженнымъ взоромъ, высоко поднявъ голову, ты встрѣчаешь лучи своего бога.

Всѣ мы ходимъ подъ солнцемъ. Всѣ чтимъ радость свя-

щенныхъ лучей. Но никто такъ преданно-влюбленно не смотритъ, какъ ты.

Сторожишь въ утреннія зори ранній восходъ. Цѣлый день неотступно слѣдишь за огнемъ начертанныхъ въ небѣ путей. Со слезами росы провожаешь по вечерамъ, долго разглядывая оставленныя на горизонтѣ цвѣтныя одежды.

И что въ результатѣ, милый другъ? Быстро проходитъ твой срокъ. Опускаешь, созрѣвъ, отяжелѣвшую голову. И со смѣхомъ беретъ у тебя судьба то, что принесло преклоненіе солнцу. Отдаетъ пьянымъ солдатамъ, кладетъ въ подолы кухаркамъ. И раздается щелканье сѣмячекъ. И улицы полны шелухи. И на площади грубая брань. И наглыя рожи...

Бѣдный, бѣдный, за что?

Я продолжаю сидѣть. Солнце выше и выше. Отъ земли — паръ. Деревья продолжаютъ игру въ королеву.

А я смотрю на бузину, вспоминаю подсолнечникъ, вспоминаю толпы рабочихъ въ тѣ годы, когда пробирался черезъ Кіевъ на югъ.

И идутъ мысли... Жарко. Томительно. Солнце свѣтитъ. Вспоминается, какъ дядя не хотѣлъ дальше ѣхать, остался. Сейчасъ онъ у нихъ. Въ Кіевѣ. Былъ такой либералъ. Честный. Гордый. Какъ подсолнечникъ: всегда повернутый къ солнцу. И, вдругъ, на службѣ теперь! Быть можетъ, и въ партіи.

Мысли путаются. Клонитъ ко сну. Солнце выше и выше. Деревья играютъ. А у меня, вмѣсто радости — грусть. Сижу, щурясь, гляжу. Все чудесно. Все празднично. Даже кустъ бузины, забравшійся въ мой огородъ...

— Но почему дядька въ Кіевѣ? Почему?

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ

Настала дождливая ночь. На бійанкурской набережной, въ предмѣстьѣ Парижа, у краснаго двухъэтажнаго дома, въ которомъ помѣщается «бюро д'анбошъ», безлюдно. Тускло свѣтится мокрая мостовая, вздрагивая отблесками газовыхъ фонарей. Надъ обрывомъ у Сены жалобнымъ гуломъ переговариваются высокіе тополя, вереницей направляющіеся къ севрскому мосту. За черной полосой будто куда-то провалившейся рѣки, застылъ хмурый островъ, окутанный сѣтью оголенныхъ деревьевъ.

Вѣтеръ уже съ ранняго вечера злобствуетъ: рветъ въ пыль мелкія капли дождя, бросается рябымъ лицомъ въ холодныя выбоины, взбирается на тополя, угрожая кому-то сухими сучьями, и изнеможенно, вдругъ, падаетъ въ рѣку, разбѣгаясь змѣями къ далекимъ зеленымъ огнямъ.

На дырявыхъ сваяхъ старой пристани, подъ которой въ невидимой водѣ глухо о чемъ-то ворчитъ баржа, сидятъ двѣ бѣлыя тѣни. Дождь и вѣтеръ не производятъ на нихъ впечатлѣнія. Одна плотно укуталась въ саванъ, не движется. Другая распахнула покрывало, разложила на колѣнныхъ чашкахъ планъ Парижа, внимательно разглядываетъ улицы.

— Ну, что: нашелъ адреса?

— Плохо дѣло. Очень плохо. Всего двѣ, три квартиры, не больше.

— Вотъ то-то и оно. Я тебѣ говорилъ. Да развѣ у нашихъ православныхъ теперь есть нежилые дома? Все набито биткомъ. Будь мы съ тобой иностранные духи, тогда дѣло другое. Иностранному духу есть гдѣ погулять, погрохотать. А намъ? Попробуй-ка залѣзть во французскую квартиру — католическіе духи мигомъ — въ шею. Нѣтъ, ты какъ хочешь, а я никуда не пойду.

— Но, вѣдь, сегодня рождественская ночь, братъ мой! Сегодня, согласно обычаю, мы обязаны пугать православныхъ!

— Мало ли что обязаны... А какъ? Возьми хотя бы консьержекъ. Однѣ онѣ и то обратно въ гробъ вгонятъ. Вѣдь, ходилъ же я въ прошломъ году пугать Иванцова. А что вышло? До половины лѣстницы не добрался, весь домъ переполошилъ, едва ноги унесъ. Развѣ можно, чтобы въ одномъ домѣ да столько народа? Вотъ, у насъ, въ Россіи, дѣйствительно, помню, раздолье. Одна небольшая семья, человѣка три-четыре, а комнатъ — пятнадцать. И удобства какія! Скрипучая лѣстница, сверчки на печи, мыши, тараканы, ржавыя петли у ставень... Чего только не было. А тутъ? Нѣтъ, что касается меня, то заберусь я лучше на ночь куда-нибудь въ пустой ресторанъ, да тихонечко просижу до утра. Есть здѣсь уютныя русскія столовыя: сиди хоть круглыя сутки, никто не замѣтитъ.

— А я все-же пойду. Хоть и трудно, но не могу. Русскимъ людямъ праздникъ не въ праздникъ, если ихъ не припугнуть.

Вѣтеръ продолжалъ свистать и улюлюкать на набережной. Дождь билъ въ лицо, въ фонари, въ дома, куда придется. Деревья по-прежнему гудѣли, вздымая къ небу молящія руки.

А по мостовой, въ сторону Парижа, уныло брела мокрая бѣлая фигура, жалобно звякая по асфальту ржавыми желѣзными цѣпями.

Въ комнатѣ у Пончиковыхъ давно темно.

Легли послѣ скромнаго Сочельника рано, такъ какъ завтра обычный трудовой день. Спитъ усталая Ольга Ивановна, видя во снѣ мережки. Тяжело дремлетъ Степанъ Александровичъ, которому снится, будто попалъ онъ въ Совѣтскую Россію и никакъ обратно не можетъ выбраться. Крѣпко уснулъ малолѣтній сынъ Митя, утомленный исключительными событіями минувшаго вечера.

— О-охъ! — раздался въ дверяхъ тяжелый стонъ. — Охъ!.. Дззз... Грр!

Зазвенѣли ржавыя цѣпи. Высокая бѣлая фигура неуклюже продвинулась къ свободной стѣнѣ. Ударившись ногой объ уголъ шкапчика, подошла къ кровати Пончиковыхъ.

— Степа!

— Ы?..

— Степа! Кто это пришелъ?

— Чекистъ? — испуганно вскрикнулъ, вскакивая, Степанъ Александровичъ.

— Привидѣніе... Степа! Смотри!

— Привидѣніе? Слава Богу... Чего же ты напрасно пугаешь, Оля?

Степанъ Александровичъ облегченно вздохнулъ, искоса взглянулъ на призракъ, опустилъ голову на подушку.

— А я думалъ изъ ГПУ... Ложись, спи. Не обращай вниманія.

— А если воръ? Если пальто украдетъ?

— Да какой это воръ? Призракъ! Совершенно прозрачный.

— Въ самомъ дѣлѣ. Прозрачный. Боже мой, Боже мой! Въ половинѣ седьмого вставать, а тутъ еще призраки!

Ольга Ивановна зѣвнула, устало закрыла глаза, повернулась на бокъ.

— Оохъ!.. — снова раздался стонъ, а затѣмъ звонъ. — Дззз... грр!

Привидѣніе колыхнулось, двинулось съ мѣста. Протиснувшись между каминомъ и кресломъ, навалилось на столъ, съ котораго покатился стаканъ.

— Тяжело мнѣ безъ отдыха носить кандалы! — послышался глухой замогильный голосъ. — Тяжко, люди, мнѣ, тяжко!

— Ну, ну! — пробормоталъ во снѣ Степанъ Александровичъ. — Пошелъ вонъ!

— Убили въ шестнадцатомъ вѣкѣ... По приказу Царя... Не похоронили нигдѣ...

— Вотъ еще надоѣлъ! — зашевелилась на кровати сонная Ольга Ивановна. — Степа, ткни его чѣмъ-нибудь. А то не отстанетъ.

— Съ тѣхъ поръ блуждаю... Нѣтъ покоя, пристанища. Горе мнѣ!

Привидѣніе молча постояло еще нѣкоторое время, провело рукой по головѣ Ольги Ивановны, дунуло въ лицо Степану Александровичу. Затѣмъ, не добившись ничего, направилось къ дѣтской кровати, сердито сдернуло съ Мити одѣяло.

— Проснись хоть ты... дрянной мальчишка! Я здѣсь!

— А кто? — обиженно открылъ глаза Митя, натягивая на себя одѣяло.

— Я, привидѣніе! Ууу!

— А что такое привидѣніе?

— Призракъ я! Бездомный! Убили въ шестнадцатомъ вѣкѣ.

— А что такое призракъ?

— Духъ! Безплотный духъ. Нѣтъ покоя нигдѣ. Блуждаю!

— А что такое безплотный?..

Митя не договорилъ, закрылъ глаза. Загрохотали въ отвѣтъ цѣпи, запрыгала на мѣстѣ разгнѣванная фигура. А изъ-за стѣны послышались возмущенные голоса, раздался энергичный стукъ въ перегородку:

— Дю кальмъ, силь ву плэ! Силансъ!

Воротиловъ еще не ложился. Сидѣлъ у стола, съ увлеченіемъ вычерчивая изобрѣтенный имъ аппаратъ, на который предполагалъ взять патентъ. Изобрѣтеніе должно было предохранять пѣшеходовъ отъ автомобилей и представляло собой легкую металлическую сѣтку съ резиновыми буферами съ четырехъ сторонъ.

Перспективы были чрезвычайно заманчивы: себѣстоимость 800 франковъ, продавать можно за 2.000, комиссіонныхъ — 40 процентовъ, чистаго дохода 400. Если изъ всѣхъ пѣшеходовъ міровыхъ столицъ аппаратъ пріобрѣтутъ только два процента, и то получится не меньше милліона. Значитъ, четыреста на одинъ милліонъ — 400 милліоновъ.

— Ки э ла? — удивленно спросилъ Воротиловъ, оборачиваясь. Въ корридорѣ, возлѣ дверей, онъ ясно услышалъ громыханіе цѣпей и тяжкій вздохъ.

— Иванъ Николаевичъ, вы?

Вздохъ повторился. Воротиловъ подошелъ къ дверямъ, распахнулъ.

— Кто здѣсь?

Въ темномъ корридорѣ неподвижно стояло привидѣніе огромнаго роста, испуская таинственный фосфорическій свѣтъ.

— Призракъ? — дѣловито спросилъ Воротиловъ, съ любопытствомъ всматриваясь въ фигуру.

— Привидѣніе... — мрачно кивнувъ головой, отвѣтилъ Духъ.

— Ко мнѣ? Или къ сосѣдямъ?

— Къ тебѣ.

— Въ такомъ случаѣ, антрэ!

Воротиловъ любезно посторонился, пропустилъ привидѣніе. Пока Духъ располагался у стѣны, въ мозгу Воротилова уже шла лихорадочная работа. Предохранительная сѣтка противъ автомобилей, конечно, въ данномъ случаѣ не пригодится. Но развѣ можно не использовать такого визита? Призраки на улицѣ не валяются. Спросъ на все мистическое очень великъ.

— По случаю Рождества изволили заглянуть? — закуривая папиросу, задумчиво сѣлъ Воротиловъ въ кресло.

— Да... Пугать хожу православныхъ. Страхъ наводить.

— Ну, что же. Дѣло хорошее. А что: пугаются? Не желаете ли, кстати, папиросочки? Хотя синенькія, дрянь, но все таки...

— Не курю я. Нѣтъ мнѣ покоя! Блуждаю!

— Ахъ, ужъ не говорите. Я самъ, голубчикъ, который годъ въ такомъ положеніи. А у васъ какія условія? Сдѣльно пугаете? Или помѣсячно?

— Безъ отдыха... Каждую ночь. Подъ Рождество особенно... Съ шестнадцатаго вѣка брожу...

— Съ шестнадцатаго? Это, дѣйствительно... Стажъ. Можно сказать — спесіализэ. А изъ-за чего это съ вами, если не секретъ?

— Не погребенъ. Убили по приказу Царя. Въ подвалѣ оставили. Нѣтъ пристанища. Нигдѣ...

— Такъ, такъ... Не погребли. Понимаю. А знаете, что?

Воротиловъ всталъ, быстро направился къ Духу.

— Я могу предложить вамъ отличную комбинацію, — взявъ Духа на отворотъ савана, радостно произнесъ онъ. — Я васъ погребу, хотите? Вы мнѣ укажете точный адресъ, гдѣ ваше тѣло лежитъ, и я спишусь, съ кѣмъ нужно, въ Россіи. А вы, со своей стороны, заключите со мной договоръ на два года съ условіемъ ежедневно выступать въ кабарэ. Всю организацію дѣла я беру въ свои руки. Переговоры съ ресторанами, реклама, помѣщенія — это все я. Вы только появляетесь, громыхаете цѣпями и стонете. Если публика пожелаетъ потрогать руками, чтобы убѣдиться въ безтѣлесности, вы сопротивляться не будете. Весь доходъ съ предпріятія въ теченіе двухъ лѣтъ получаю, конечно, я, деньги вамъ, все равно, не нужны. Ну, а, тѣмъ временемъ, я списываюсь съ Россіей, мои люди выкапываютъ васъ изъ подвала и, по истеченіи срока контракта, хоронятъ. По рукамъ?

— Я ухожу... — поблѣднѣло привидѣніе, отступая къ дверямъ. — Я не могу. Чуръ меня!

— Что? Не выгодно? Погодите. Одну минутку. Ну, хорошо, не два года, а полтора. Къ 25 іюля будущаго... Идетъ?

— Чуръ меня!

— Годъ, въ такомъ случаѣ! Чертъ съ тобой! Годъ! Что? И это не годится? Не понимаю! Съ шестнадцатаго вѣка блуждаетъ, а одинъ годъ потерпѣть не въ состояніи. Привидѣніе! Мы еще обсудимъ! Привидѣніе!

Воротиловъ подскочилъ къ двери, захлопнулъ, чтобы не дать возможности призраку уйти обратно. Заметавшись по комнатѣ, Духъ бросился ко второй двери, ведшей въ сосѣдній номеръ, торопливо сбилъ съ ногъ цѣпи, сталъ протискиваться сквозь замочную скважину.

— Полъ года! Согласенъ! Три мѣсяца! Мѣсяцъ! — восклицалъ, между тѣмъ, Воротиловъ, держа Духа за подолъ и стараясь втянуть обратно въ комнату. — Похороны по первому разряду! Доходъ пополамъ! Не хочешь? Идіотъ!

Кончалась ночь. Пропѣли вторые пѣтухи. Уже готовились къ своей очереди третьи. На улицахъ Бійанкура было пустынно и тихо. Дождь попрежнему шелъ. Вѣтеръ попрежнему вылъ. Мрачно глядѣли съ разныхъ угловъ черныя окна закрытыхъ ресторановъ. И только въ одномъ изъ нихъ неясно дрожалъ въ стеклѣ слабый фосфорическій свѣтъ.

За столомъ, покрытымъ бѣлой бумагой съ красными винными пятнами, сидѣло два призрака. Одинъ уныло смотрѣлъ черезъ окно въ темное небо. Другой нервно ерзалъ, испуганно оглядываясь по сторонамъ.

— А это не онъ? Приближается!

— Да брось ты. Все время мерещится. Ящикъ это, не человѣкъ.

— Ящикъ? Да, да. Вѣрно. Ящикъ. Ахъ, Господи, Господи! Ночь-то какая! Вѣтеръ. Дождь. Ни зги не видно. Всюду чудятся люди... Хоть бы утро скорѣе!

ЖАННЕТЪ

Она обѣщала зайти къ шести. Клялась, что будетъ точна. Что броситъ все — работу, дѣтей, старую мать. Ровно въ шесть позвонитъ у калитки...

Но башенные часы нашей пригородной мэріи давно пробили семь. Будто кто-то разбилъ семь чайныхъ стакановъ. Цвѣтныя кричащія сумерки кончились. Вмѣсто нихъ въ небѣ — монотонная грусть луннаго свѣта.

А ея нѣтъ.

Нѣтъ Жаннетъ!

Я стою у окна. Притаилось дыханіе. Слухъ и зрѣнье взвели свой курокъ. Тамъ, впереди, за заборомъ, зеленый языкъ фонаря чертитъ дрожащую огневую діаграмму. За желѣзной рѣшеткой беззвучными клавишами застылъ тротуаръ. Въ семь часовъ тутъ, въ предмѣстьѣ, пустынно и тихо. Каждый шагъ четокъ и рѣзокъ.

Да, конечно, я услышу. У нея быстрая поступь. Увижу силуэтъ у поворота съ горы: она высока и тонка.

Никого. Ничего. Не стучатъ за рѣшеткою клавиши. Не играютъ на поворотѣ тѣни со свѣтомъ. Одинъ зеленый языкъ трепещетъ и дразнитъ.

Нѣтъ ея! Гдѣ-то лаетъ собака. Захлебнулась, взвизгнула, смолкла. Въ домѣ, напротивъ, открылось окно. Кто-то протяжно зѣвнулъ. Громко сказалъ:

— Ça y est.

Отошелъ. А ея нѣтъ.

Жаннетъ! Въ чемъ дѣло, Жаннетъ?

Я сажусь, достаю папиросу. Развѣ перечесть сегодняшній номеръ? Вотъ, лежитъ... Франко-совѣтская конференція. Составъ... Дальбіэзъ, Доссэ, Бастидъ, Шарль Баронъ, Филиппото.

Странная фамилія! Филиппополь. Гиппопотамъ. Гиппопотамъ. Лимпопо. Шарль Баронъ. Шарль Баронъ. Почему не маркизъ? И Доссэ, какъ досье. И Сванидзе въ составѣ. Не тифлисскій ли? Тотъ? Дрались съ нимъ, помню, въ третьемъ классѣ гимназіи.

Она?

Подбѣгаю къ окну. Да, шаги. Быстрые. Женскіе. Ближе. Ближе... Сейчасъ у калитки. Должны замереть. Щелкаетъ ручка.

Мимо!

Ахъ, Сванидзе! Два часа ждать. Какъ мальчишка. Погоди же, Жаннетъ!

Изъ окна, выходящаго на балконъ, виденъ Парижъ. Млечнымъ путемъ, сорваннымъ съ неба, горитъ правый берегъ рѣки. Только тамъ, гдѣ-то возлѣ Трокадеро, симметрія яркихъ огней говоритъ, что это не небо. И внезапно загорающійся скелетъ гигантской башни подтверждаетъ: не небо, нѣтъ. Не безконечность, нѣтъ. Не вѣчность, нѣтъ. Ситроэнъ.

Жаннетъ. Ну, когда же?

Четверть девятаго!

Секундная стрѣлка бѣжитъ. Только она — честна, благородна: не скрываетъ намѣреній времени. А эти двѣ — взрослыя, тихія — притаились. Насторожились, какъ хищники. Будто, ничего не случилось. Будто, не уходятъ въ провалъ прошлаго дорогіе часы и минуты. Она трогательна въ

своей наивности, эта маленькая, быстрая. Нѣтъ опыта жизни, не научилась обманывать.

Жаннетъ, ахъ Жаннетъ!

Написать что-нибудь? Къ черту? Какое писаніе! Лучше ходить взадъ — впередъ. Время пройдетъ незамѣтно. Или въ садъ выйти. А, вдругъ, она? Постучитъ осторожной рукой. Прислушается... Уйдетъ. Все пропало. Нѣтъ, нѣтъ. Делегацію дочитать. Составъ. Шарль Баронъ или Графъ, Лилипутто... Лимпопо... Досье и Доссэ. Сванидзе...

— Жаннетъ? Вы?

— Бонжуръ, мсье.

— Хорошій журъ! Девятый часъ!

Я бросаюсь впередъ, протягиваю дрожащія руки. Она стоитъ въ дверяхъ смущенная, съ виноватымъ лицомъ. Сѣдые волосы растрепались. Безцвѣтные глаза горятъ испугомъ. И на морщинистыхъ щекахъ — тревожная игра паутины, точно попалась неосторожная муха.

— Давайте, скорѣе!

— Извольте, мсье. Не сердитесь только. Я не виновата. Мой мужъ...

— Все равно!.. Некогда объяснять. Воротнички гдѣ?

— Здѣсь, мсье.

— А манжеты?

— Вотъ, мсье.

— Кладите сюда! Остальное на стулъ. Со счетомъ — завтра. Какъ не стыдно, Жаннетъ? У меня въ девять часовъ засѣданіе, я баллотируюсь въ члены правленія. А вы? До свиданья, мадамъ. Я долженъ раздѣться!

— Спокойной ночи, мсье.

— Спокойной ночи, мадамъ.

Я лихорадочно срываю пиджакъ. Летятъ въ сторону башмаки. Поѣздъ отходитъ въ половинѣ девятаго.

РОБИНЗОНЪ КРУЗО

I.

Въ числѣ бѣженцевъ, пожелавшихъ ѣхать въ качествѣ простыхъ рабочихъ въ Бразилію, былъ и я. Мы отплыли изъ Марселя при вполнѣ благопріятной погодѣ, и путешествіе до Гибралтара протекало нормально: метръ д'отель парохода давалъ намъ обѣдъ только въ четные дни, утренній завтракъ только въ нечетные, а представитель бразильскихъ плантаторовъ донъ Кабаллосъ ежедневно сгонялъ насъ послѣ полудня на корму, производилъ перекличку, разнося того, кто терялъ въ вѣсѣ.

Въ общемъ, все шло хорошо. Но когда миновали Танжеръ, и справа ушелъ изъ поля зрѣнія трафальгарскій маякъ, подулъ вѣтеръ. Стоявшій на бакѣ старый боцманъ сказалъ мнѣ, показывая на бѣжавшаго сзади парохода дельфина:

— Смотрите, мсье, когда онъ выскакиваетъ изъ воды, у него прищуривается правый глазъ. Это — къ непогодѣ.

И, дѣйствительно, старый морской волкъ оказался правъ. Прошло томительныхъ семь дней зловѣщаго штиля — и разыгралась, наконецъ, ужаснѣйшая буря, описать величіе которой не подъ силу даже англичанину. Волны высотою въ американскій небоскребъ перекатывались черезъ палубу съ легкостью тигра; вѣтеръ вылъ съ такою яростью, что звуки его были слышны за тысячи миль вокругъ, хотя онъ и тамъ

тоже вылъ. Но старый боцманъ, съ которымъ я сошелся въ дорогѣ, привязалъ себя къ одной мачтѣ, я привязалъ себя къ другой, — и мы дружески разговорились.

— Свѣжѣетъ, — сказалъ онъ, вытянувъ зубами изъ кармана трубку и высѣкая свободнымъ локтемъ огонь изъ зажигалки. — Судя по тому, что гребни у волнъ не мохнатые, а расчесанные, такая погодка продлится не менѣе восьми съ половиною дней.

Затѣмъ, выждавъ, пока черезъ насъ перекатывалась волна высотою въ восемнадцатиэтажный домъ съ мансардой, мой собесѣдникъ раздулъ въ трубкѣ огонь и продолжалъ:

— Вы напрасно ѣдете, мсье, въ Бразилію. Вы не знаете Кабаллоса: онъ васъ сгноитъ на плантаціяхъ. 10 мильрейсовъ въ день, а работы 16 часовъ въ сутки. Лихорадки... Дикіе звѣри. Вѣдь, вамъ неизвѣстно, а я-то хорошо знаю, что у него всѣ негры сбѣжали въ Москву на коммунистическій съѣздъ. Вотъ онъ теперь, вмѣсто нихъ, и хочетъ навербовать васъ, бѣженцевъ.

Боцманъ долго разсказывалъ объ условіяхъ жизни въ Бразиліи. Три дня бесѣдовали мы съ нимъ на эту тему, и на четвертый я, наконецъ, рѣшился...

Поздней ночью, передъ разсвѣтомъ, когда на рубкѣ дежурилъ капитанъ, а на носу стоялъ дежурный матросъ, я незамѣтно вытащилъ изъ каюты три своихъ чемодана, изъ которыхъ два были совершенно пустые, проскользнулъ на бакъ, привязалъ себя прочной веревкой къ чемоданамъ и бросился въ воду.

— Человѣкъ за бортомъ! — дѣловито крикнулъ съ рубки капитанъ.

— Есть, — бодро отвѣтилъ съ носа матросъ.

И неожиданно накатившійся на пароходъ валъ прекратилъ ихъ дальнѣйшіе переговоры.

Пустые чемоданы удобно и легко поддерживали меня

на водѣ. Поднимаясь на расчесанные гребни волнъ и спускаясь въ пропасти между ними, я весело плылъ на югъ, зная, что недалеко отъ Пернамбуко есть группа мелкихъ необитаемыхъ острововъ. До разсвѣта вѣтеръ не унималъ своей ярости. Минутами казалось, что разбушевавшаяся стихія неожиданно поглотитъ меня. Но, вотъ, взошло солнце... Загорѣлся день. И буря внезапно стихла, смѣнивъ водные небоскребы паркетнымъ поломъ, годнымъ для дансинга.

Вытащивъ изъ кармана носовой платокъ, я помахалъ имъ во всѣ стороны на случай, если вблизи будетъ проходитъ какое-нибудь подходящее судно. Но судна не было. Взобравшись повыше на одинъ изъ чемодановъ, я внимательно сталъ осматривать горизонтъ, прикрывъ глаза ладонью руки. И, о радость...

— Земля! Земля!

II.

...Уже шесть мѣсяцевъ, — какъ я живу на необитаемомъ островѣ. Какая роскошь! Какія удобства! Вспоминая свою жизнь на Лемносѣ, на Халкахъ, а затѣмъ на копяхъ Перникъ въ Болгаріи, я отдыхаю тѣломъ и духомъ, окрѣпъ, пополнѣлъ. При спускѣ съ чемодановъ на берегъ пріятно щекотало мою гордость — полное отсутствіе мѣста для регистраціи и предъявленія визы. Чемодановъ никто не осматривалъ, никто не давалъ понять, что лучше всего мнѣ забрать эти чемоданы и возвратиться на родину...

Вознеся благодарственную молитву Богу за рѣдкую для бѣженца удачу, я началъ осторожно изслѣдовать островъ, чтобы узнать, есть ли тутъ населеніе и, если есть, то насколько сочувствуетъ большевикамъ: ѣстъ ли человѣческое мясо, или не ѣстъ.

Опасенія разсѣялись, однако, быстро. Островокъ ока-

зался маленькимъ; не только людей, но даже тигровъ и змѣй нѣтъ въ поминѣ. Ни одного консула, ни одной квартирной хозяйки, ни одного политическаго дѣятеля. Мудрая вѣковая тишина, вѣчный покой и благородное щебетаніе дружелюбныхъ птицъ въ безопасномъ лѣсу.

Раскрывъ чемоданъ, гдѣ хранились у меня заготовленные для Бразиліи рабочіе инструменты, я энергично взялся за дѣло. И русскій топоръ застучалъ тамъ, гдѣ никогда раньше не стучалъ топоръ европейца.

III.

Да, всего шесть мѣсяцевъ... А, между тѣмъ, у меня сейчасъ уже прелестный деревянный домикъ изъ трехъ комнатъ съ передней и кухней. За такой домикъ въ Болгаріи пришлось бы платить по тысячѣ левовъ ежемѣсячно. На кухнѣ стоитъ прекрасная печь, обшитая деревомъ по системѣ одного моего пріятеля и дающая 80 процентовъ экономіи топлива; въ спальнѣ я поставилъ превосходную складную кровать, системы другого знакомаго бѣженца, удобную тѣмъ, что днемъ она обращается въ столъ, послѣ обѣда — въ лонгъ-шезъ, вечеромъ — въ ванну, а когда иду на охоту — въ пустой ящикъ на подобіе охотничьей сумки.

Превосходный разборный шкапъ сдѣлалъ я изъ растущаго здѣсь въ изобиліи палисандроваго дерева, куда повѣсилъ за ненадобностью на три отдѣльныя вѣшалки пиджакъ, брюки и жилетъ, чтобы они не терлись другъ о друга и лучше сохранились до тѣхъ поръ, пока понадобятся. И вообще для всего теперь у меня есть свое мѣсто. Даже для уцѣлѣвшей какимъ-то образомъ въ чемоданѣ петербургской конфектной коробки «Блигкенъ и Робинсонъ» въ гостиной стоитъ спеціальный изящный столикъ съ инкрустаціями. Ахъ, этотъ «Блигкенъ и Робинсонъ»! Я часто смотрю на короб-

ку, грущу, и уношусь воспоминаніями въ счастливое прошлое... Робинзонъ теперь я самъ. Но гдѣ ты, гдѣ ты, о Бligкенъ?

Говорить-ли мнѣ о всемъ комфортѣ, которымъ пользуюсь я на своемъ островѣ? Печь моя зимой не охлаждается, лѣтомъ не нагрѣвается; въ спальнѣ виситъ электрическій фонарикъ, на которомъ я заставилъ безостановочно вращаться особымъ приспособленіемъ цвѣтной абажуръ; электрическую энергію я беру отъ прибоя волнъ; по острову катаюсь на самодѣльномъ деревянномъ велосипедѣ; а моя изящная лодка, въ которой я совершаю послѣобѣденныя прогулки вокругъ острова, составляетъ мою главную гордость, такъ какъ для движенія ея я изобрѣлъ вмѣсто неуклюжихъ веселъ — педали и превращаю въ энергію движенія свой собственный вѣсъ, который до сихъ поръ напрасно пропадалъ во вселенной, не принося мнѣ ровно никакой пользы.

Да, да. Я счастливъ. Я независимъ. Я — президентъ и избиратель, я шефъ полиціи и гражданинъ. Я производитель и потребитель, купецъ и покупатель, ораторъ и слушатель, писатель на пескѣ и на пескѣ же читатель... Я не аристократъ и не демократъ, я — самодовлѣющій бѣженецъ. Конференціи, сессіи, договоры, репараціи, союзы, надувательства, предательства, міровые шантажи, вселенскія жульничества... Эй, вы тамъ, несчастные народы Стараго и Новаго Свѣта... Какъ вы себя чувствуете? Плохо? Ну, то то же. А я — превосходно.

IV.

Впрочемъ... сознаюсь. При всемъ счастьѣ, которымъ я наслаждаюсь, меня въ послѣднее время начинаетъ все чаще и чаще мучить неудовлетворенность въ одной области. Русскіе люди легко поймутъ, въ чемъ дѣло. Я тоскую по... политическомъ противникѣ.

Ахъ, это политическое одиночество! Что можетъ быть ужаснѣе отсутствія оппонента? Четыре мѣсяца я не замѣчалъ подобной потребности, непрерывно трудясь съ утра до поздняго вечера. Но когда явился досугъ, и наступаютъ свободные часы — я страдаю безъ споровъ. Я тоскую безъ раздора.

Иногда послѣ обѣда, сидя въ лодкѣ, я начинаю спорить самъ съ собой, чтобы излить накипѣвшее чувство. Я дѣлюсь на два лагеря, враждебно настроенныхъ. Я стараюсь оклеветать, очернить, опозорить противника. И поющія на опушкѣ у пляжа птицы иногда, вдругъ, испуганно смолкаютъ, прислушиваясь къ рѣзкимъ голосамъ, когда я стою въ лодкѣ и кричу на весь островъ:

— Народъ долженъ высказаться!

— Не долженъ!

— Долженъ!

— Не долженъ!

Да, только шесть мѣсяцевъ прошло. И... проклятая жажда противника. Что мнѣ дѣлать съ тобой? Увижу ли я когда-нибудь человѣка? Услышу ли изъ его устъ не совпадающія съ моимъ міровоззрѣніемъ рѣчи? Правъ Аристотель — человѣкъ животное общественное. Но я знаю теперь почему: ему нуженъ оппонентъ.

V.

Ура! Свершилось. Богъ внялъ мольбамъ. Я не одинъ. Произошло нѣчто странное, удивительное...

Мой островъ окруженъ множествомъ такихъ же острововъ, тихихъ, необитаемыхъ. Я не рѣшался побывать на нихъ, я не уплывалъ далеко. Но свой островокъ я изучилъ вполнѣ и знаю, что, кромѣ пернатыхъ друзей, никого на немъ нѣтъ.

И вдругъ...

Однажды, рано утромъ, я шелъ на охоту за бразильскими вальдшнепами. Несъ съ собой усовершенствованный скорострѣльный лукъ; колчанъ съ тонкими стрѣлами; треножникъ, на которомъ лукъ устанавливался и при помощи рукоятки приводился въ дѣйствіе какъ пулеметъ.

И тихо, чтобы не спугнуть птицъ, заглушенно спорилъ самъ съ собою на соціальныя темы.

— Человѣкъ! — вздрогнулъ я, бросивъ изумленный взглядъ на песокъ. — Человѣческая нога... Слѣды! Кто это?

Сердце колотилось въ груди. Въ ушахъ гудѣла прилившая кровь. Я затаилъ шаги, сталъ идти крадучись, боясь лишняго шороха... Прошелъ къ опушкѣ... Выглянулъ...

— Жертвоприношеніе!

Да, на пляжѣ сидѣло нѣсколько голыхъ человѣкъ... Тѣла, какъ темная бронза. Они громко спорили, окруживъ какого-то несчастнаго, потрясали руками, воинственно поднимали вверхъ луки и стрѣлы. На водѣ, у самаго берега, колыхалась пирога. И было ясно: дикари прибыли сюда, считая мой островъ необитаемымъ.

Я установилъ треножникъ, приладилъ лукъ, попробовалъ тетиву. Все въ порядкѣ...

Бѣдный, бѣдный Пятница! Неужели тебя убьютъ? Неужели съѣдятъ? Нѣтъ, я спасу. Отобью. Но только почему нѣтъ костра? Почему они уходятъ къ лодкѣ, не убивъ его, не снявъ даже на память скальпа? Онъ остался одинъ на пескѣ, крикнулъ вслѣдъ что-то насмѣшливое, выбранился какъ будто бы, хотя словъ и нельзя разобрать...

Очевидно — изгнаніе? Остракизмъ?

Лодка быстро удалялась. Я подождалъ, пока она ушла къ горизонту, и, наконецъ, крикнулъ:

— Э-й-э!

Онъ вскочилъ.

— О-й-о! — продолжалъ я.

— Человѣкъ! — заоралъ онъ со страхомъ. И бросился бѣжать.

Что это? Я не ослышался? Русскій? Свой? Бѣженецъ? Какое счастье!

VI.

Я часа два гонялся за нимъ по острову, пока онъ разслышалъ, наконецъ, русскія слова въ моихъ восклицаніяхъ. Только у меня на квартирѣ, сидя за ежевичнымъ чаемъ, онъ пришелъ окончательно въ себя, отдышавшись послѣ быстраго бѣга, и объяснилъ, что его выселили изъ сосѣдней русской колоніи за крайне-правыя убѣжденія.

— А вы — кто? Тоже республиканецъ? Какъ они? — робко спросилъ Пятница, разсказавъ подробно свою исторію.

— Нѣтъ, монархистъ, — грустно отвѣтилъ я.

— Такъ мы же друзья! — вскричалъ радостно онъ.

— Да, друзья, — опустилъ голову я. Но, затѣмъ, видя, что это негостепріимно, пожалъ Пятницѣ руку. — Друзья, конечно. Я — Робинзонъ, а вы... предположимъ... Блигкенъ. Да. Но только, милый мой! Мы будемъ иногда спорить, да? Мы будемъ ссориться, неправда ли? А то жизнь на необитаемомъ островѣ такъ спокойна! Русская натура такъ страстно ищетъ выхода! Дорогой... Родной мой Блигкенъ! Мы что-нибудь придумаемъ, мы что-нибудь изобрѣтемъ. Вѣдь, теперь я не одинъ, теперь насъ двое. Теперь мы можемъ смѣло составить двѣ партіи!

ВАРЯЖСКІЯ СКАЗКИ

Голый рабочій

Въ самое послѣднее новое время, жилъ-былъ въ счастливой свободной республикѣ рабочій-диктаторъ, который очень любилъ, чтобы сапоги у него были съ подметками, и чтобы одежда на тѣлѣ не была рваной.

Захотѣлось диктатору-рабочему франтомъ одѣться, новый пиджакъ заказать. Поубивалъ онъ для этой цѣли сто тысячъ буржуевъ, офицеровъ, священниковъ, профессоровъ. А пиджака нѣтъ какъ нѣтъ.

Пріѣхало, тѣмъ временемъ, въ городъ нѣсколько портныхъ — ловкачей изъ заграничныхъ странъ въ особыхъ вагонахъ. Явились они къ рабочему, молвили:

— Хочешь на одежду самаго лучшаго сукна, товарищъ?

— Хочу!

— Есть у насъ отличное суконце для тебя. Только одно свойство имѣется у этого замѣчательнаго сукна: умный человѣкъ его ясно видитъ, а дуракъ — нѣтъ.

Показали портные рабочему-диктатору кукишъ, повертѣли передъ носомъ, потыкали. А тотъ стоитъ, вглядывается, глаза протираетъ.

— Нравится, товарищъ? Или не нравится?

— Да какъ вамъ сказать... Нравится.

— А что ты видишь, скажи?

— Да что вижу. Сук... но!

Сняли портные съ рабочаго мѣрку, ушли шить пиджакъ и штаны. А кругомъ уже весь народъ про чудесную матерію извѣстія Центральнаго Комитета получилъ: кто уменъ — тотъ видитъ, кто дуракъ — тотъ нѣтъ.

Пришло время надѣвать новый костюмъ къ юбилею совѣтской власти. Явились портные, содрали съ рабочаго послѣднюю рубаху съ портками, стали вокругъ голаго тѣла кукишемъ обводить, будто одѣваютъ въ новое платье. А диктаторъ послушно стоитъ, отъ холода ногами подрыгиваетъ, стыдливо рукой себя прикрываетъ.

Вышелъ рабочій на парадъ всѣхъ частей. Идетъ въ новомъ пиджакѣ и новыхъ штанахъ среди манифестацій и демонстрацій. А кругомъ всѣ дѣлаютъ видъ, что костюмъ замѣчательный.

Фабричныя бабы подходятъ, оглядываютъ, съ удовольствіемъ приговариваютъ:

— Ай, да товарищъ! Подъ африканскаго профессора Иванова одѣлся!

Солдаты мимо проходятъ, держатъ на-караулъ:

— Здравія желаемъ диктатору, чтобы не простудился!

Иностранные гости вокругъ суетятся, щупаютъ кожу, вздыхаютъ съ завистью:

— Вотъ бы намъ такого суконца! Глядите, никогда не протрется. И фасонъ-то какой! Ни одной пуговицы не надо.

Гордо шелъ по улицѣ счастливый рабочій-диктаторъ. А тутъ, какъ на зло, вылѣзъ изъ асфальтовой бочки безпризорный мальчишка, посмотрѣлъ на диктатора, да какъ крикнетъ:

— Дяденька! А вѣдь ты безъ штановъ!

Смутился кругомъ народъ честной. Бабы подоломъ глаза прикрыли, чтобы срама не видѣть; иностранцы уткнули рожи въ жестянки съ икрой, будто ничего не замѣчаютъ. А кавалерія лихо поскакала къ окну, откуда портные на торжество выглядывали, заняла самыя выгодныя стратегическія позиціи.

Такъ безпризорный мальчишка и раскрылъ всѣмъ глаза. Поганецъ этакій!

Въ новомъ раю

Березки, сосенки, дубочки... Полянки, прогалинки, чаща...

Веселый лѣсъ.

— Весна! — радостно звякаетъ кузнечикъ, выскочивъ на полянку, сложивъ въ видѣ стула заднія ножки, съ наслажденіемъ поводя во всѣ стороны усиками. — Сколько травки! Сколько муравки! Поѣдимъ...

Наклонивъ головку, дергаетъ кузнечикъ разъ, другой. И замираетъ. Сверху неожиданно тѣнь...

— Кузнечикъ! — весело щебечетъ птичка, кинувшись въ травку взмахомъ острыхъ крыльевъ. — Какой сочный! Какой нѣжный! Поѣдимъ.

Она на мгновеніе присаживается, поднимаетъ раздвоенный хвостикъ, раскрываетъ коротенькій клювикъ. Дергаетъ разъ, другой...

Сбоку что-то шуршитъ, показываются глаза.

— Птичка! — жадно мяучитъ котъ, прильнувъ къ травѣ, выгнувъ спину и, затѣмъ, въ пружинномъ прыжкѣ, прижавъ лапой темныя перышки. — Какая гладкая сверху! Какая бѣлая снизу! Поѣдимъ.

— За отсутствіемъ куръ и этотъ сойдетъ... — осторожно выглядывая изъ-за куста, щелкаетъ зубами лисица. — Куръ нѣтъ, цыплятъ нѣтъ, кроликовъ не разводятъ... Поѣдимъ кота.

Она долго возится, тыча мордой, ероша рыжую шерсть, поглаживая пушистымъ хвостомъ траву. И настораживается.

— Лисица! — шепчетъ Кашинъ, останавливая за рукавъ Мѣдникова. — Не двигайся съ мѣста... Замри.

Кашинъ и Мѣдниковъ, оба съ дымящимися ружьями, стоятъ надъ тѣломъ, вздрагивающимъ въ послѣднихъ конвульсіяхъ.

— Обыкновенная, рыжая.

— Ничего. На воротникъ можно... Вернемся, вспрыснемъ.

И вдругъ...

— Кашинъ? — тихо спрашиваетъ за деревомъ Чубарь.

— Онъ и есть, — отвѣчаетъ Колесниковъ.

— Золотые часы на цѣпочкѣ?

— И запонки.

— Поди въ бумажникѣ тыщи двѣ-три?

— У обоихъ наберется. Попразднуемъ!

Чубарь и Колесниковъ, съ дымящимися ружьями, стоятъ надъ неподвижными Мѣдниковымъ, Кашинымъ. Снимаютъ цѣпочки, запонки, роются въ карманахъ.

И, вдругъ...

— Обходи съ той стороны, товарищи... Сидорчукъ, налѣво! Пономаревъ, огибай справа! Попались, голубчики. Не упустить бы, братцы, преміи.

Съ дымящимися ружьями, трое милиціонеровъ сидятъ надъ неподвижнымъ Чубаремъ и Колесниковымъ, приподнимаютъ головы, разсматриваютъ, чтобы удостовѣриться.

И, вдругъ...

— Чего это? Банда?

Сидорчукъ, Пономаревъ и Булыга отстрѣливаются. Но поздно... Банда окружаетъ. Банда обступаетъ.

— Ряды вздвой! — торопливо входитъ въ лѣсъ отрядъ особаго назначенія. — Первый взводъ на югъ! Второй взводъ на сѣверъ! Награда каждому за убитаго!

— Ушли? — крадутся изъ сосѣдней деревни за Чономъ къ лѣсу мужички, вооруженные топорами, вилами, дубинами, ножами. — Пусть-ка пройдутъ поглубже... Подальше... Мы имъ, тутъ, голубчикамъ, уготовимъ. Мы ихъ тутъ, голубчиковъ, приголубимъ. Житья нѣтъ!

....

А внутри, на полянкѣ, лежатъ остатки кузнечика, на кузнечикѣ ласточка, на ласточкѣ котъ, на котѣ лисица, на лисицѣ Кашинъ съ Мѣдниковымъ, на Кашинѣ съ Мѣдниковымъ Колесниковъ съ Чубаремъ, на Колесниковѣ съ Чубаремъ Сидорчукъ съ Пономаревымъ, Булыгой.

И стрѣльба вокругъ.

И веселый лѣсъ. Березки, сосенки, дубочки. Полянки, чаща, прогалинки...

Рай!

Двѣ звѣзды

Въ далекіе прошлые дни родился на землѣ Богочеловѣкъ, явившійся спасти міръ отъ скверны духовной, даровать людямъ любовь, благоволеніе.

Появилась въ часъ радостнаго рожденія надъ городомъ Вифлеемомъ прекраснѣйшая звѣзда, и по звѣздѣ этой всѣ люди знали, куда идти, чтобы найти Святого Младенца.

И мудрые волхвы понимали, и простые люди — необразованные, и птицы, и звѣри, и всякая низшая тварь земная.

Метался въ этотъ святой вечеръ чертъ надъ землей вьюномъ-ходуномъ. Старался отъ людей Вифлеемскую звѣз-

ду своимъ туловищемъ поганымъ прикрыть. Надъ одной страной остановится, уши растопыритъ, руки-ноги раздвинетъ, — не помогаетъ: всѣмъ видно. Надъ другой страной бока раскорячитъ, хвостомъ въ стороны вертитъ — тоже ничего не выходитъ.

Носился чертъ изъ страны въ страну, измотался, хвостъ обтрепалъ, а толку нѣтъ. И старъ, и младъ, и ученъ, и неученъ — всѣ къ Вифлеему тянутся, всѣ поклониться Спасителю міра желаютъ.

Долетѣлъ, наконецъ, чертъ до одной далекой страны, гдѣ сплошь одни только умные люди жили, безъ всякихъ дураковъ. Остановился въ небѣ, задумался, плюнулъ внизъ, чтобы испробовать, что изъ этого выйдетъ, и на чью-то книгу попалъ. Плюнулъ другой разъ — на газетный листъ плевокъ натолкнулся...

Обрадовался чертъ, догадался, что у людей этихъ, для достиженія совершенства, бумаги припасено сколько угодно, и мигомъ за дѣло принялся. Собралъ всѣ газеты, журналы, монографіи, диссертаціи, подпольные листки, брошюры, склеилъ ихъ листъ къ листу, соорудилъ великій занавѣсъ, и занавѣсъ этотъ до самаго неба стоймя поставилъ.

Стоитъ занавѣсъ, колышется, Вифлеемскую звѣзду прикрываетъ.

Придерживаетъ чертъ одной рукой занавѣску, а другой рукой свой пятиконечный блудливый красный фонарь зажигаетъ. И слышитъ внизу разговоръ.

Три волхва у околицы университета стоятъ, на небо внимательно смотрятъ. Одинъ волхвъ — ординарный профессоръ политической экономіи; другой волхвъ—журналистъ и писатель; третій волхвъ — приватъ-доцентъ по кафедрѣ небесной механики.

— А что, братцы, — говоритъ волхвъ-математикъ, указывая пальцемъ на красный чертовъ фонарь. — Какъ будто,

и впрямь Вифлеемская звѣзда въ небѣ горитъ? Я по небесному каталогу Аргеландера знаю, что тутъ не мѣсто никакой постоянной звѣздѣ.

— Все-таки, братцы, невозможно, чтобы Богочеловѣкъ на свѣтъ родился, — говоритъ въ отвѣтъ другой волхвъ, профессоръ политической экономіи. — Все въ мірѣ, братцы, управляется не промысломъ Божьимъ, а перепроизводствомъ въ промышленности. Весь вопросъ только въ томъ, какіе экономическіе кризисы могли создать эту звѣзду.

Постояли волхвы на крылечкѣ, поспорили. И пришли, наконецъ, къ заключенію, что хотя Богочеловѣка никакого и нѣтъ, но, судя по красной звѣздѣ, человѣческій Спаситель міра все-же гдѣ-нибудь да родился. И рѣшили за красной звѣздой немедленно идти, убѣдиться на чистомъ опытѣ Авенаріуса, куда она приведетъ.

Шагаютъ волхвы по степи, идутъ, увязая въ снѣгу. У профессора политической экономіи — одышка, у писателя-журналиста — ревматизмъ сказывается. А приватъ-доцентъ впереди всѣхъ бѣжитъ, на небо поглядываетъ, за чертовымъ фонаремъ зорко слѣдитъ.

— Глядите, братцы, опять координаты другія! — говоритъ онъ, подбодряя отставшихъ. — Глядите, какой параллаксъ! Навѣрно, сію минуту придемъ.

Идутъ волхвы, кряхтятъ, добрались, наконецъ, до неизвѣстнаго города. Остановилась красная звѣзда, стала надъ всѣми крышами сразу.

— Не родился ли у васъ кто-либо сверхъ нормы рождаемости? — спрашиваетъ профессоръ политической экономіи у входа въ городъ какого-то запоздалаго парня. — Не появился ли такой трудящійся элементъ, который нашъ грѣшный міръ спасти можетъ?

— А какъ же не появиться, появился, — отвѣчаетъ парень. — Идите прямо по улицѣ и поверните направо. Акимъ,

пролетарій съ завода, въ третьемъ номерѣ живетъ. Всѣхъ спасаетъ, когда случится погоня.

Снялъ парень въ благодарность за помощь съ профессора шубу, у журналиста отобралъ палку съ серебряной ручкой. А волхвы взадъ-впередъ ходятъ, никого не находятъ. И видятъ: снова звѣзда дальше ведетъ.

— Координаты мѣняются! — подбодряетъ приватъ-доцентъ отстающихъ. — Потерпите, братцы, немного. Сейчасъ въ новый городъ придемъ, всю истину мигомъ обнаружимъ.

Добрались волхвы, по указанію звѣзды, до большого села. Стала звѣзда надъ крестьянскими избами качаться, рогами подергивать. А писатель впередъ вышелъ, низко кланяется, говоритъ крестьянскому батраку, который явился навстрѣчу:

— Ужъ не ты ли, богоносецъ, спасти грѣшный міръ можешь? Ужъ не тебя ли, богоносца, эта звѣзда, что въ небѣ горитъ, всеміpнымъ спасителемъ выбрала?

Ничего не сказалъ въ отвѣтъ волхву бѣдняцкій элементъ. Снялъ золотые часы съ профессора экономіи, ударилъ дубиной по приватъ-доценту небесной механики. И погналъ всѣхъ троихъ вонъ изъ села.

А звѣзда дальше бѣжитъ, дальше ведетъ. Красными рогами такъ вдаль и манитъ. Краснымъ огнемъ въ глазахъ ярко пылаетъ.

Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается. Въ особенности, у профессоровъ.

Но, послѣ того, какъ въ одномъ исподнемъ бѣльѣ, безъ часовъ, безъ цѣпочекъ, безъ палокъ, безъ шапокъ, перемахнули волхвы послѣ долгихъ блужданій на чужую дальнюю сторону, — весь обманъ сразу же и обнаружился.

Показалась изъ-за края бѣсовскаго занавѣса настоящая Вифлеемская звѣзда. Освѣтила проклятаго черта съ его краснымъ пятиконечнымъ фонаремъ.

И воздѣли руки къ небу всѣ три волхва сразу. И воскликнули:

— Ахъ, я дуракъ!

— Ахъ, я дуракъ!

— Ахъ, я дуракъ!

И перекрестился впервые ординарный профессоръ политической экономіи. И осѣнилъ себя крестнымъ знаменемъ журналистъ и писатель. А приватъ-доцентъ небесной механики поглядѣлъ на небо, вздохнулъ, забылъ о параллаксѣ, о координатахъ, и съ глубокой вѣрой проговорилъ громко и ясно:

— Слава въ вышнихъ Богу!

О золотой рыбкѣ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, у самаго синяго моря жилъ-былъ молодой адвокатъ, изъ-за отсутствія практики занимавшійся на берегу ловлей мелкой рыбешки.

Закинулъ какъ-то разъ молодой человѣкъ въ бурный день 1904-го года крючекъ въ мутную воду, подождалъ, пока клюнетъ, потянулъ — да и вытащилъ прекрасную золотую рыбку.

— Ой, ты гой еси, присяжный повѣренный! — взмолилась, вдругъ, рыбка нечеловѣческимъ голосомъ. — Не клади ты меня, добрый молодецъ, на землю, на волю, а отпусти обратно въ синюю воду. За такую милость съ твоей стороны буду я вѣкъ тебѣ благодарна, буду исполнять всякое желаніе твое, когда ни захочешь.

Сжалился адвокатъ надъ рыбкой, отпустилъ ее въ море, пошелъ къ себѣ домой стирать въ умывальномъ тазу ворот-

нички и носовые платки. Стоитъ, стираетъ, а бабій характеръ внутри такъ и зудитъ, такъ и гложетъ.

— Ахъ ты, простофиля несчастный! — говоритъ молодому человѣку его бабья душа. — И чего упустилъ ты такой выгодный случай улучшить свое положеніе? Иди сейчасъ же, простофиля, къ морю, зови рыбку, попроси сдѣлать тебя депутатомъ.

Бросилъ адвокатъ недостиранные воротнички и платки, пошелъ къ морю, кличетъ рыбку. Всколыхнулось синее море, покрылось барашками и всякими другими животными. А рыбка тутъ какъ тутъ. Выглянула.

— Чего тебѣ, любезный?

— Хочу быть депутатомъ! — говоритъ адвокатъ. — Хочу сидѣть на самой лѣвой сторонѣ, да чтобы передо мною пюпитръ былъ, да чтобы платили мнѣ жалованье и во время сессіи и во время каникулъ, да чтобы министры со мною всерьезъ разговаривали, да чтобы я самъ могъ министрамъ возражать, держа руки въ карманахъ!

— Хорошо, — сказала золотая рыбка, ударивъ по водѣ хвостикомъ. — Пусть будетъ по-твоему. Иди себѣ съ Богомъ.

Пошелъ адвокатъ домой и видитъ: на столѣ таза уже нѣтъ, а вмѣсто пустого портфеля присяжнаго повѣреннаго толстый портфель депутата лежитъ. Съ запросами, съ вопросами, съ рѣчами, прямо изъ-подъ пишущей машинки, совсѣмъ свѣжими.

Портфель лежитъ, а въ горницѣ курьеръ стоитъ, дожидается: къ его превосходительству министру приглашеніе на чашку чая съ печеньями.

Отправился счастливый адвокатъ въ парламентъ, поговорилъ тамъ, запросилъ, руки въ карманъ во время спора засунулъ; къ министру на чашку чая пошелъ, всѣ печенья

съѣлъ, весь чай до чиста выпилъ. А бабій характеръ внутри все-таки зудитъ, да зудитъ. До 1917 года безъ перерыва зудилъ.

— Эхъ, ты, простофиля несчастный! Тебѣ бы самому министромъ быть, а ты въ депутатахъ до сихъ поръ околачиваешься. Иди сейчасъ же, простофиля, на берегъ, потребуй отъ рыбки министерства съ портфелемъ.

Отправился адвокатъ къ синему морю, сталъ кликать рыбку. А море всколыхнулось, замутилось, пуще прежняго. Вмѣсто мелкихъ волнъ, валы цѣлые ходятъ. Вмѣсто барашковъ, настоящія бѣлуги ревутъ.

— Чего тебѣ? — спрашиваетъ рыбка.

— Хочу быть министромъ! — отвѣчаетъ адвокатъ, заложивъ ручку за отворотъ сюртука. — Да не то, чтобы отвѣтственнымъ, а разъ навсегда, безъ всякихъ парламентскихъ кризисовъ.

— Ладно, ладно, — согласилась рыбка, повертѣвъ нерѣшительно хвостикомъ. — Пусть будетъ по-твоему. Иди себѣ съ Богомъ, ваше превосходительство.

Возвратился домой адвокатъ, а тамъ чудо неслыханное. На мѣстѣ скромной квартиры за 45 рублей въ мѣсяцъ, зданіе министерства юстиціи стоитъ. На мѣстѣ босой Дуняшки горничной — два хорошо обутыхъ курьера по бокамъ дожидаются. И лѣстница не то что кошками пахнетъ, но совсѣмъ наоборотъ — богатая, каменная, съ цвѣтнымъ сукномъ во всю высоту, съ вытиралкой для ногъ при самомъ входѣ.

Вошелъ адвокатъ къ себѣ въ кабинетъ, а тамъ вмѣсто депутатскаго портфеля чудесный министерскій портфель лежитъ съ законопроектами разными: объ уничтоженіи казни, объ уничтоженіи злоупотребленій, объ уничтоженіи превышеній, объ уничтоженіи пониженій, объ уничтоженіи вообще всего, что только возможно.

Посидѣлъ адвокатъ за огромнымъ столомъ въ тяжеломъ кожаномъ креслѣ, оглядѣлъ всѣхъ чиновниковъ, протянулъ руку курьеру, да, вдругъ, какъ сорвется съ мѣста, да какъ побѣжитъ къ синему морю.

— Рыбка, а рыбка!

— Чего тебѣ?

— Что подѣлать мнѣ съ моимъ бабьимъ характеромъ? Не унимается внутри проклятая баба, уже не хочетъ она зданія министерства юстиціи, хочетъ жить въ Зимнемъ Дворцѣ, хочетъ поста главнокомандующаго и морского министра и военнаго и, чертъ знаетъ, чего еще!

— Хорошо, пусть будетъ по-твоему, — вздохнула рыбка, насупившись. — Иди себѣ съ Богомъ. Быть тебѣ главковерхомъ, быть тебѣ военморомъ, быть тебѣ начштабомъ!

Не успѣла рыбка, какъ слѣдуетъ, хвостомъ по водѣ ударить и скрыться, какъ адвокатъ снова тутъ какъ тутъ. Изъ Зимняго Дворца на берегъ въ придворной каретѣ пріѣхалъ, возлѣ бурнаго моря взадъ-впередъ нетерпѣливо прохаживается.

— Ну, а теперь чего тебѣ, ненасытная твоя душа? Какого тебѣ еще рожна нужно?

— Хочу быть полновластнымъ диктаторомъ, рыбка! Хочу, чтобы ты сама вышла на землю, на волю, была бы у меня на посылкахъ, на побѣгушкахъ.

Ничего не отвѣтила рыбка, грозно взмахнула хвостомъ, исчезла въ глубинѣ моря. А адвокатъ походилъ, подождалъ, сталъ возвращаться въ Зимній Дворецъ, а тамъ крейсеръ «Аврора» стоитъ и палитъ по главковерхиной спальнѣ.

Вбѣжалъ адвокатъ въ кабинетъ, ищетъ портфеля военнаго и морского министра — нѣтъ нигдѣ. Ищетъ портфеля министра юстиціи — нѣтъ его. Думаетъ хоть портфели депутата или адвоката найдутся. Нѣтъ ничего. Стоитъ только

перевернутый столъ, возлѣ стола умывальный тазъ, на тазу юбка, а на юбкѣ записка:

«При такомъ бабьемъ характерѣ, надѣвай, братецъ, бабій костюмъ и бѣги коротать въ немъ свои несчастные дни.

Съ почтеніемъ рыбка».

Четыре времени года

Приходитъ какъ-то маленькій Миша домой и видитъ: папа и мама возлѣ калорифера стоятъ, ежатся, руки грѣютъ.

А въ комнатѣ холодъ собачій.

— Ишь, какая зима наступила! — говоритъ съ сердцемъ папа. — За центральное отопленіе дерутъ, а вода въ умывальникѣ мерзнетъ. Развѣ не свинство?

— Не люблю я зимы, — замѣчаетъ Миша, садясь за уроки. — Когда на окраинѣ Парижа жили, печки все время дымили, читать нельзя было. Когда сюда переѣхали, отъ холодныхъ рукъ чистописаніе никакъ не выходитъ. Скажи, папа: зима, должно быть, самое скверное время года, неправда?

— Самъ узнаешь, — мрачно отвѣчаетъ отецъ. — Занимайся, пожалуйста.

Наступила весна. Солнышко весело заблистало, воздухъ сталъ нѣжный и мягкій. А затѣмъ пошелъ дождь. И шелъ съ марта по конецъ мая включительно.

Хотѣлось Мишѣ на лужокъ пойти, погулять. А лужка нѣтъ. Всего на всего бетонированная площадка вблизи имѣется. Захотѣлось мальчику полевыхъ цвѣтовъ нарвать, а въ паркѣ ничего рвать не разрѣшаютъ. Да и какіе это полевые цвѣты!

А какъ пошли дожди, да какъ пошли, изъ дома выйти невозможно. Башмаки протекаютъ, пальто съ дырками и зонтика нѣтъ: ни у Миши, ни у мамы, ни у папы.

Сидитъ Миша передъ книгой, смотритъ съ тоскою въ окно, спрашиваетъ:

— А скажи, мама: весна самое худшее время года, неправда-ли?

— Не разсуждай, не разсуждай. И безъ твоихъ глупыхъ вопросовъ тошно.

Пришло послѣ мая яркое парижское лѣто. Дождичекъ прекратился, вмѣсто него началась эфіопская жара.

Окно закроешь — душно. Окно откроешь — вонь откуда-то.

А внизу, на улицѣ, будто въ аду, грѣшники на раскаленной жаровнѣ подпрыгиваютъ. Такси взадъ-впередъ снуютъ, автобусы грохочутъ, трамваи звенятъ, прохожіе суетятся. И вблизи гдѣ-то бочка съ кипящимъ асфальтомъ стоитъ, темно-синій дымъ испускаетъ.

— Закрой окно! — говоритъ мама.

— Открой окно! — говоритъ папа.

А Миша сидитъ, мечтаетъ:

— Хорошо, папочка, лѣтомъ на берегу рѣчки сидѣть, рыбу удить.

— Поди, поуди!

— На сѣнокосѣ тоже недурно. Вотъ, какъ въ книжкѣ: взобраться на стогъ, зарыться въ душистое сѣно...

— Заройся!

Сидитъ Миша у окна, смотритъ вдаль, смотритъ внизъ, втягиваетъ ноздрями запахъ бензина, морщится.

— Мама... А лѣто развѣ не самое скверное...

— Ты опять? Боже мой, какъ надоѣлъ этотъ мальчишка!

Настала, наконецъ, золотая, промозглая осень. Снова пошли дожди, снова сыро и холодно. А внизу, въ лавкахъ, всевозможные плоды такъ и навалены.

Яблоки, груши, фиги, персики, сливы...

Папа попробовалъ что-нибудь купить къ обѣду, но ни къ чему подступиться нельзя. Кило 6 франковъ, кило 8 франковъ...

Сидитъ Миша у окна, смотритъ внизъ, вздыхаетъ. А мама къ сыну подходитъ, ласково кладетъ руку на голову. Сегодня получено жалованье, въ домѣ настроеніе хорошее.

— О чемъ думаешь, Миша? О временахъ года?

— Да, мамочка.

— Не думай, дорогой мой, не думай. Каждый сезонъ для насъ имѣетъ свои недостатки. Лѣто хуже весны, потому что душно; осень хуже лѣта, потому что мокро; зима хуже осени, потому что холодно. А весна... А весной тоже не лучше: и мокро, и душно, и жарко, и холодно. Брось сравнивать времена года, къ чему пустое занятіе!

ВСТРѢЧИ

ВГЛУБЬ ТАИНСТВЕННОЙ СТРАНЫ

Это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Безвыѣздно живя въ Бѣлградѣ, я долго ждалъ случая совершить поѣздку по сербской провинціи, посмотрѣть, какъ живутъ въ медвѣжьихъ углахъ многострадальные русскіе бѣженцы.

И, вотъ, случай, наконецъ, представился. Правленіе одного культурно-просвѣтительнаго общества, въ которомъ я состоялъ членомъ, организовало поѣздку по Македоніи съ научными цѣлями. Былъ выработанъ спеціальный маршрутъ, выхлопотанъ льготный проѣздъ, и я попалъ въ число экскурсантовъ.

Однако, желающихъ ѣхать оказалось значительно больше числа билетовъ. Поэтому неудивительно, что предсѣдатель общества на общемъ собраніи началъ усиленно пугать насъ опасностями и трудностями, сопряженными съ поѣздкой.

— Долженъ предупредить васъ, господа, — говорилъ онъ, дѣлая страшные глаза, — что вся Македонія, по которой намъ предстоитъ путешествовать, кишмя кишитъ разбойниками.

— И пусть кишитъ! — весело замѣтилъ одинъ изъ членовъ общества. — Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ македонскимъ разбойникамъ удастся ограбить меня послѣ большевиковъ.

А другой членъ общества взглянулъ на свои колѣни и мечтательно добавилъ:

— Хоть бы только напали ночью! Чтобы въ темнотѣ надѣли мой костюмъ, а взамѣнъ оставили свой.

Предсѣдатель, видимо, былъ озадаченъ. Разбойники, какъ оказалось, не только не отпугнули, но, наоборотъ, привлекли интересъ. И пришлось прибѣгнуть къ другимъ уловкамъ.

— Намъ придется испытывать большія лишенія... — заговорилъ снова предсѣдатель. — Спать на соломѣ, на полу, въ открытомъ полѣ...

— Спали! — бодро воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Ѣхать въ товарныхъ вагонахъ по дорогѣ Скопле-Охридъ...

— Ѣздили!

— На баржѣ плавать по Охридскому озеру, сидя въ трюмѣ...

— Сидѣли!

Въ общемъ, къ концу засѣданія результатъ оказался неожиданный. Сначала хотѣло ѣхать только девять человѣкъ, а послѣ рѣчи предсѣдателя — тринадцать. Мы долго обсуждали детали поѣздки, маршрутъ; совѣщались, что съ собою брать, накинулись на одного изъ буржуазно-настроенныхъ членовъ, предложившаго взять примусъ, рѣшили одѣться похуже, чтобы не жаль было костюма. А когда на слѣдующій день мы всѣ гурьбой собрались въ вестибюлѣ вокзала съ узелками, ящиками для красокъ, фотографическими аппаратами, огромными зонтами художниковъ и сачками для ловли бабочекъ, — пассажиры скораго поѣзда заинтересовались нами не на шутку.

— Вы кто такіе: циркъ? — спросилъ меня по-сербски жандармъ, подозрительно взглядывая на мои парусиновыя

панталоны, которыхъ я не могъ носить въ Бѣлградѣ, такъ какъ онѣ послѣ первой стирки сѣли почти до колѣнъ.

— Нѣтъ, не циркъ, — обидчиво отвѣтилъ я. — Научная экспедиція.

— А онъ? — со страхомъ показалъ жандармъ пальцемъ на предсѣдателя, одѣтаго въ спеціально купленные для дороги синій пиджакъ, желтыя брюки и голубой жилетъ съ бѣлыми звѣздами. — Этотъ тоже вашъ?

— Тоже, — гордо согласился я. — Это извѣстный русскій профессоръ. Славянофилъ!

Какъ хорошо, уйдя отъ пыльныхъ огней душнаго города, открыть окно въ ароматное ночное поле, видѣть далекую черноту горизонта и надъ всѣмъ этимъ покоемъ — безшумный плескъ звѣздъ. Кажется, много горькаго связано въ послѣднее время у меня со свисткомъ паровоза... А между тѣмъ, снова тянетъ куда-то, когда слышу гудки, и радостно становится отъ грохота мостовъ подъ вагономъ и отъ стука колесъ на вздрогнувшей стрѣлкѣ.

У меня въ карманѣ вечерній номеръ газеты, я еще не прочелъ телеграммъ. И ну ихъ къ черту, не надо! Въ окно краснымъ немигающимъ глазомъ смотритъ Марсъ, заплаканный отъ возможности сношеній съ землею. Я смотрю въ темноту, въ провалъ оконнаго четыреугольника — ожидаю разсвѣта.

Почему наши поэты всегда сравниваютъ начало любви съ весной и почти никогда — съ наступленіемъ дня? Какъ это прекрасно — первая неясность разсвѣта, когда изъ ничего Богъ создаетъ цѣлый міръ, изъ чернаго небытія — туманно-голубую вселенную! На разсвѣтѣ чудесно-загадочно все: и далекій бѣлѣющій храмъ, и плетеныя стѣны деревенскаго хлѣва. Стадо овецъ кажется высочайшимъ достиже-

ніемъ творчества, грязная лужа воды — нѣжнымъ отраженіемъ неба. Развѣ не такъ — въ первыхъ чувствахъ людей, когда нѣтъ безжалостно освѣщенныхъ деталей, когда игра тѣней еще не проснулась?

— Ви сте русъ? — слышу я громовой раскатъ у самаго уха.

Нервно вздрагиваю, открываю глаза... А вокругъ яркій день. На скамьѣ возлѣ меня грузный крестьянинъ-сербъ, загорѣлое лицо любовно склонилось.

— Что? Русъ? А, да... Русъ.

— Братушка? Хо-хо! Лѣпо, лѣпо!

Онъ тяжело хлопаетъ меня по плечу, по затылку, по спинѣ. Видно — изъ особаго расположенія къ русскимъ. И мнѣ нужно что-нибудь сказать ему, сказать хорошее, дружеское. Тѣмъ болѣе, что когда я достаю папиросу, чтобы очнуться вполнѣ, онъ быстро придвигаетъ къ моему носу свою, предлагаетъ прикурить.

— Кукурузъ добро? — говорю, наконецъ, я, показывая головой на мелькающее за окномъ кукурузное поле.

— О, добро! — восторженно говоритъ онъ. — Врло добро!

— А пшеница не добра? — продолжаю я, снова кивая въ окно.

— Пшеница ни е добра, — качаетъ головой онъ. — Ни е добра!

Наша славянская взаимность на этомъ заканчивается. Крестьянинъ, видя мою полную неспособность вести связную бесѣду по-сербски, заговариваетъ съ другимъ экскурсантомъ, а я вступаю въ разговоръ съ нашимъ фотографомъ, который недавно перевелся въ Бѣлградъ изъ Смедерева.

— Вы въ Россіи кѣмъ были, Петръ Николаевичъ?

— Присяжнымъ повѣреннымъ.

— Ага... А въ Смедеревѣ?

— Преподавателемъ музыки.

Онъ долго разсказываетъ про свою работу въ сербской гимназіи. Ученики, которыхъ онъ обучалъ пѣнью, очень любили его, но очень слабо пѣли, что приводило Петра Николаевича въ отчаяніе.

— Никакъ не могъ пріучить ихъ, чтобы они не держали нотъ вверхъ ногами, — сокрушенно говоритъ онъ. — Одно время даже думалъ бросить все, заняться сербской адвокатурой, но, къ сожалѣнію, не вышло. А оправдать по суду любого смедеревца все-таки гораздо легче, чѣмъ научить его пѣть,

Однако, по словамъ собесѣдника, было во всемъ этомъ горѣ и кое-какое утѣшеніе. Въ Смедеревѣ Петръ Николаевичъ, какъ преподаватель пѣнья, пользовался большой славой: къ нему часто обращались за помощью даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у дѣтей заболѣвало ухо или горло, а однажды изъ сосѣдней деревни, провѣдавъ объ удивительномъ «русѣ», притащилась старуха съ просьбой исцѣлить глухонѣмую дочь.

Затерянный, одинокій, никѣмъ не понятый въ музыкальномъ отношеніи, Петръ Николаевичъ выписалъ изъ Загреба миніатюрную фисъ-гармонію, такъ какъ піанино или, тѣмъ болѣе, рояль не по карману, и по вечерамъ игралъ у себя въ квартиркѣ произведенія русскихъ авторовъ. Фисъ-гармонія была чрезвычайно короткая: всего на три съ половиной октавы. Но, къ счастью, Петръ Николаевичъ женатъ. И, когда при гостяхъ ему приходилось играть прелюдъ Рахманинова, жена становилась сбоку, и прелюдъ исполнялся: мужъ добавлялъ голосомъ недостающія у инструмента ноты на басахъ, жена восполняла верхи, а гость — добродушный сосѣдъ, содержатель кафаны, похлопывалъ хозяина по плечу, похваливалъ:

— Эхъ, братъ, эхъ! Люблю я народныя русскія пѣсни!

Первая наша остановка — Куманово, небольшой македонскій городокъ стиля маседуанъ, въ которомъ перемѣшаны старыя турецкія постройки съ мѣщанскими современными домами, и на улицахъ котораго голые темнокожіе мальчишки чередуются съ изысканными джентльмэнами въ розовыхъ галстухахъ.

Въ этой странѣ до сихъ поръ по старой традиціи далеко не спокойно, несмотря на энергичныя мѣры, предпринятыя сербскими властями. Разбойники — «качаки» вблизи границъ Болгаріи и Албаніи совершаютъ нападенія на страну, грабятъ путешественниковъ, терроризируютъ населеніе мѣстностей, удаленныхъ отъ административныхъ центровъ.

Недавно, напримѣръ, къ одному сельскому священнику въ Македоніи пріѣхалъ изъ Америки сынъ. Качаки украли этого молодого человѣка и потребовали отъ отца выкупа въ размѣрѣ 1.000 золотыхъ «наполеоновъ». Удрученный священникъ отправился въ горы, узналъ отъ пастуховъ, гдѣ находятся качаки и пробрался къ нимъ, чтобы поторговаться. Качаки приняли священника довольно любезно, но размѣръ выкупа уменьшить отказались, ссылаясь на всеобщую дороговизну. И только когда отецъ разсказалъ, что сыну крайне необходимы деньги на предстоящую свадьбу, согласились уступить 100 наполеоновъ, чтобы молодымъ было на что повеселиться.

Уходу въ качаки много способствуютъ, кромѣ личныхъ склонностей къ этому благородному занятію, и причины политическія, а также обычай кровавой мести, до сихъ поръ сохранившійся въ Македоніи во всей своей идеологической и практической прелести. Около албанской границы, на берегу Охридскаго озера, какая-то теплая семейка, состоявшая изъ пяти братьевъ, отобрала у одного арнаута землю и заставила владѣльца бѣжать въ горы. Выждавъ удобнаго слу-

чая, обиженный убилъ двухъ братьевъ изъ пяти и превратился въ профессіональнаго качака. Тогда оставшіеся въ живыхъ три брата сговорились, что младшій изъ нихъ за 200 наполеоновъ убьетъ убійцу. Однако, самъ младшій братъ рѣшилъ не брать на себя трудности отысканія убійцы: онъ выгодно передовѣрилъ убійство своему садовнику за 100 наполеоновъ, съ условіемъ, что въ доказательство совершенной мести тотъ сниметъ съ убитаго обувь и принесетъ ее своему довѣрителю.

Садовникъ дѣло сдѣлалъ чисто: убилъ убійцу и принесъ его сапоги. Но 100 наполеоновъ, увы, не получилъ. Младшій братъ, желая полностью заработать 200 наполеоновъ, самъ, въ свою очередь, зарѣзалъ садовника и бросилъ его трупъ въ колодецъ. И все кончилось бы хорошо, если бы не одно грустное обстоятельство: у садовника остался въ живыхъ взрослый сынъ, находящійся сейчасъ въ Албаніи. Теперь этотъ сынъ выслѣживаетъ съ горъ, когда убійца его отца отойдетъ достаточно далеко отъ села, чтобы можно было его ухлопать. Но, говорятъ, у убійцы садовника тоже, въ свою очередь, подростаетъ сынъ. И чѣмъ и когда окончится, наконецъ, это сложное албано-македонское кольцо Нибелунговъ, — очень трудно сказать.

Около Дебара, какъ мнѣ передаютъ, одинъ мѣстный мусульманинъ уже четыре года сидитъ у себя дома, никуда не показываясь изъ боязни кровавой мести, которая тяготѣетъ надъ его родомъ. И только во время Байрама несчастный рѣшается выйти подышать чистымъ воздухомъ, такъ какъ во время Байрама убійства Кораномъ воспрещены. А на Косовомъ полѣ, говорятъ, былъ такой случай: арнауты убили брата муллы, а мулла въ отместку убилъ арнаута; однако, по мусульманскому обычаю отпѣвать умершихъ въ каждомъ данномъ мѣстѣ долженъ обязательно мѣстный мулла. И поэтому родственники убитаго обратились къ убійцѣ съ прось-

бой отпѣть его собственную жертву, гарантируя на три дня мораторіумъ отъ кровавой мести.

Какъ говорятъ, мулла согласился, совершилъ обрядъ, три дня находился въ полной безопасности. И только въ концѣ четвертаго дня, или можетъ быть даже на пятый, былъ, наконецъ, убитъ арнаутами.

Наслышавшись страшныхъ разсказовъ про похищенія качаками мирныхъ гражданъ и про ужасы кровавой мести, я не на шутку задумался, сидя въ Кумановѣ: не вернуться ли лучше въ Бѣлградъ? Намъ предстояло идти пѣшкомъ чуть-ли не двадцать верстъ отъ Куманова до деревни Старо-Нагоричане для осмотра древняго монастыря. А кто гарантируетъ, что на протяженіи этихъ двадцати верстъ меня не похитятъ?

Я подѣлился своими опасеніями съ предсѣдателемъ, который передъ началомъ похода сидѣлъ за бокаломъ пива въ кумановской кафанѣ и, отвернувшись отъ публики, спѣшно пришивалъ къ своему новому жилету отскочившія за ночь пуговицы.

— Смѣлѣй, смѣлѣй, дорогой мой, — бодро произнесъ онъ, вытягивая изъ-подъ жилета иглу съ безконечною ниткой. — Никто васъ не украдетъ, кому вы нужны?

— А если, все-таки?

— Ну, тогда выкупимъ. Членскими взносами. Не безпокойтесь.

— Членскими взносами! — уныло протянулъ я. — Во сколько же лѣтъ вы соберете необходимую сумму? Хорошо, ну, а если меня убьютъ, кто-нибудь будетъ за меня мстить?

— Конечно, будетъ. Вотъ — Сергѣй Ивановичъ, напримѣръ. Онъ отомститъ.

Предсѣдатель тихо вскрикнулъ, проткнувъ иглой жи-

летъ на большую глубину, чѣмъ это требовалось необходимостью.

— Нѣтъ, вы ужъ меня увольте, — недовольно пробурчалъ Сергѣй Ивановичъ, сильно страдавшій отъ жары и опустошившій уже четыре сифона. — Я не знаю, какъ добреду до Нагоричанъ въ этихъ проклятыхъ сапогахъ... А вы еще шутите. Вообще глупая это затѣя — лѣзть туда, гдѣ могутъ напасть разбойники. У меня какъ-никакъ жена, сынъ...

— Счастливчикъ! — вздохнулъ я. — Вамъ нечего бояться, разъ сынъ есть: выростетъ малышъ и отомститъ за отца. А что дѣлать мнѣ, бездѣтному? Пропадать ни за что ни про что?

Предсѣдатель кончилъ шить. Громко откусилъ нитку, быстро всталъ и побѣдно осмотрѣлъ сидѣвшихъ за столами экскурсантовъ.

— Готовы, господа?

— Готовы.

— Въ такомъ случаѣ, въ путь. Фотографъ, впередъ! Господа художники, прошу безъ моего разрѣшенія приваловъ для этюдовъ не дѣлать. Генералъ, карта съ вами? Ведите!

Сопровождаемые голыми мальчишками, вспугивая сонныхъ собакъ и вызывая тревожное вниманіе жителей, мы двинулись по улицамъ Куманова на сѣверо-востокъ, предводительствуемые нашимъ сочленомъ - генераломъ генеральнаго штаба, увѣренно сжимавшимъ въ рукѣ пятиверстную карту.

Не знаю, можетъ быть, причина просто въ томъ, что мы почти не спали всю ночь по дорогѣ изъ Бѣлграда въ Куманово; но македонское солнце на пути въ Нагоричане показалось мнѣ особенно злобнымъ и невыносимымъ. Завидѣвъ на шоссе группу медленно передвигавшихся безправныхъ рус-

скихъ людей, тащившихъ на себѣ чемоданчики, мольберты, фотографическіе аппараты, зимнія пальто и резиновые плащи, оно накинулось на насъ со всей жестокостью восточнаго деспота, жгло, палило, впивалось въ плечи зубами раскаленныхъ лучей.

По обѣимъ сторонамъ дороги — кукуруза, пшеница, рожь. Сверкающимъ бѣлымъ поясомъ перехватываетъ шоссе ближайшіе холмы, сваливается внизъ, въ желто-зеленыя долины, снова взбирается на гору. И никакого жилья кругомъ. Изъ-подъ ногъ розовыми стаями вспархиваютъ цикады, издавая стрекочущій трескъ, черными глазами смотрятъ съ края дороги огненные маки. Иногда только гдѣ-нибудь на желтизнѣ хлѣбнаго поля появятся яркія пятна костюмовъ крестьянокъ, начавшихъ жатву; покажется на шоссе вдали странная пестрая точка, при приближеніи обращающаяся въ скромнаго сѣраго осла, везущаго на своей крѣпкой спинѣ цѣлое македонское семейство. И опять — пустыня. Въ долинахъ — расплавленный воздухъ, на горѣ — слабое дыханіе вѣтра со стороны далекихъ вершинъ у болгарской границы.

Кажется, идемъ уже три часа, а впереди никакихъ признаковъ монастыря. Спускъ, подъемъ, спускъ, подъемъ... Начинаемъ справляться у встрѣчныхъ всадниковъ, ѣдущихъ на ослахъ: скоро ли Нагоричане.

— Има еданъ сатъ, — отвѣчаютъ намъ съ осла отецъ и сынъ. Но проходитъ указанный часъ — «сатъ», а все по старому: поля и поля.

— Близко Нагоричане? — спрашиваемъ у группы женщинъ, жнущихъ хлѣбъ возлѣ дороги.

— Има два сата, — конфузливо прикрывая ротъ, глухо отвѣчаетъ старшая. А младшія, по обычаю страны, стараются отвернуться отъ мужчинъ, хотя, я увѣренъ, онѣ уже успѣли замѣтить, что самый интересный изъ насъ безусловно художникъ — баронъ Николай Богдановичъ. У него

франтоватый чистый бѣлый воротничекъ и нѣтъ пиджака: одинъ только галстухъ поверхъ нижней рубашки.

Прошли и тѣ два часа, которые были указаны македонками. Но вмѣсто деревни — опять подъемъ и вслѣдъ за нимъ хорошій спускъ въ пустую долину.

— Сколько сатъ до Нагоричанъ? — спрашиваетъ, наконецъ, встрѣчныхъ солдатъ изнеможенный предсѣдатель.

— Има еданъ сатъ.

Послѣ этого отвѣта мы ясно чувствуемъ, что основательный привалъ необходимъ. Бросаемъ на землю пальто, чемоданы, ящики. Разлеглись, стараясь не прикасаться руками къ землѣ, которая обжигаетъ кожу, какъ хорошо нагрѣтая кухонная плита. И начинаемъ въ лицѣ генерала, ведшаго насъ по пятиверстной картѣ, укорять генеральный штабъ въ оторванности отъ жизни и метафизичности.

— Погодите, господа, погодите, — успокаиваетъ насъ генералъ. — Вотъ какъ только увидимъ слѣва тріангуляціонный пунктъ — значитъ, дѣло въ шляпѣ: останется всего пять верстъ.

— Довольно тріангуляціи! — нервно восклицаетъ, вдругъ, Сергѣй Ивановичъ, поднимаясь съ земли. — Я съ самаго начала́ слышу о тріангуляціонномъ пунктѣ! Скажите намъ прямо, по-человѣчески: сколько осталось?

— А, вотъ, сейчасъ... Въ спичкѣ два дюйма...

Генералъ сталъ измѣрять разстояніе и опредѣлять по горизонталямъ, сколько еще спусковъ и подъемовъ до деревни. А мы, лежа возлѣ дороги, увидѣли, какъ вдали съ шоссе взметнулось къ небу густое облако пыли, точно поднятое внезапно образовавшимся смерчемъ, и быстро стало приближаться.

— Смотрите, господа, смотрите!

Смерчъ черезъ нѣсколько минутъ исчезъ внизу, подъ спускомъ, затѣмъ послышался гулъ, и передъ нами выросъ

ґромоздкій грузовой автомобиль, въ которомъ сидѣли цыгане. Улыбающіяся черномазыя рожи глядѣли сверху, проносясь по шоссе; мы видѣли въ рукахъ пассажировъ скрипки, контрабасъ; и стало почему-то очень обидно.

Среди насъ — два профессора университета, одинъ камеръ-юнкеръ, одинъ баронъ, три преподавателя, два журналиста, одинъ поэтъ, три художника, генералъ... И мы всѣ сидимъ у дороги живописнымъ таборомъ, шумною толпою, можно сказать, по Македоніи кочуемъ. А цыгане ѣдутъ мимо насъ въ автомобилѣ, и какой-то Алеко нагло машетъ съ машины рукой камеръ-юнкеру и поэту.

Какъ измѣнились въ Европѣ условія жизни послѣ смерти Александра Сергѣевича Пушкина! Противно даже.

На второй половинѣ пути я испыталъ немало мучительнаго и жуткаго страха. Виноватъ, конечно, Сергѣй Ивановичъ, который взбунтовался противъ предсѣдателя и потребовалъ, чтобы мы на привалѣ еще пробыли одинъ часъ и отдохнули, какъ слѣдуетъ. Къ Сергѣю Ивановичу примкнулъ сначала я, а потомъ и фотографъ, Петръ Николаевичъ. Мы рѣшили идти сзади, не торопясь. И скоро потеряли изъ виду ушедшихъ впередъ экскурсантовъ.

— Насъ кто-то нагоняетъ, — обернувшись, сказалъ, вдругъ, Сергѣй Ивановичъ. — Крестьянинъ, должно быть.

Я посмотрѣлъ назадъ, вздрогнулъ.

— Съ ружьемъ, — пробормоталъ я, криво усмѣхаясь, чтобы скрыть волненіе.

Фотографъ обернулся, что-то пробурчалъ. Мы молча ускорили шаги.

— Нагоняетъ? — тревожно спросилъ послѣ нѣкоторой паузы Сергѣй Ивановичъ.

— Да, значительно ближе.

— А у насъ у кого-нибудь есть оружіе?

— У меня перочинный ножъ только.

— А у меня отъ квартиры... ключъ.

— Петръ Николаевичъ... — шепнулъ я фотографу, слыша приближающіеся сзади шаги. — Сдѣлайте, голубчикъ, видъ, что вашъ аппаратъ стрѣляетъ...

— А какъ я это сдѣлаю? — обидѣлся Петръ Николаевичъ. — Тоже выдумаете!

Македонецъ, между тѣмъ, поравнялся. На немъ маленькая черная шапочка, узорный жилетъ, бѣлыя панталоны, обшитыя черною тесьмой.

— Добаръ данъ, — ласково произнесъ я, со страхомъ кося глаза на винтовку.

— Добры день, — отвѣтилъ онъ по-македонски. И, замедливъ шаги, пошелъ рядомъ.

— Кукурузъ добро? — взявъ себя въ руки, продолжалъ я, вѣжливо показывая головой на поле.

— Добро.

Мы помолчали.

— А пшеница не добро?

— Ни е добра.

— Сергѣй Ивановичъ, — пробормоталъ я, — можетъ быть, вы крикнете нашимъ? У васъ здоровый голосъ... И онъ увидитъ, что мы не одни...

— Кричите сами.

—Ээхъ... — искусственно вздохнулъ я, оборачиваясь къ македонцу. — Тежко идти. Врло! Насъ има много... Тринадцать человѣкъ. Да. Вонъ тамо! Только мы идемо въ аріергардѣ, знате, потому што, йер, съ нама има одна митральеза, которая стрѣляетъ... Та-та-та-та... Вотъ, код него!

Я показалъ на Петра Николаевича, который отъ этого объясненія почему-то вздрогнулъ. И добавилъ:

— Да... Тако. Тринадцать человѣкъ. Эх-хе! Не шутка.

Македонецъ слушалъ, кивалъ, но на его темномъ лицѣ не отражалось ничего: ни удивленія, ни страха, ни злобы. До самаго подъема на гору мы всѣ напряженно молчали, ожидая, когда, это, начнется самое страшное. И только поднявшись на вершину и увидѣвъ вдали развалины монастыря, деревушку налѣво и цѣпь обрывистыхъ скалистыхъ холмовъ, повеселѣли.

Внизу, вереницей растянувшись по шоссе, шли наши экскурсанты. Такъ какъ теперь мы были на виду у своихъ, я пріободрился, снова заговорилъ о кукурузѣ, о пшеницѣ. И, разсказавъ македонцу о томъ, что мы — русскіе, узналъ отъ него, въ свою очередь, то, что сразу насъ успокоило:

Это былъ вовсе не качакъ, а невинный предсѣдатель общины одной ближайшей деревни.

НЕОЖИДАННАЯ ЖЕНА

Уже совсѣмъ смеркается, когда мы подходимъ къ селу Старо-Нагоричане. Солнце давно скрылось за холмами, изъ долины потянуло прохладой. Иду мимо кукурузныхъ полей, смотрю вдаль на живописно раскинувшуюся среди фруктовыхъ садовъ деревушку, вижу желтѣющій старый храмъ святого Георгія... И, вдругъ, становится страшно:

Я видѣлъ когда-то все это! Видѣлъ, безусловно. И слѣва зеленые крутые холмы, и то же самое село съ бѣлыми низкими домиками, и среди такой же группы деревьевъ обособленный, взобравшійся на пригорокъ храмъ.

Гдѣ видѣлъ? Когда? Въ какомъ вѣкѣ? Очевидно, когда-то, въ прошлой жизни, я жилъ здѣсь. Сѣялъ кукурузу, рожь; дрался съ врагами, а когда подъ рукой не было враговъ, билъ македонку-жену; ходилъ съ кинжаломъ за поясомъ; имѣлъ бронзовыхъ прелестныхъ дѣтей... И, можетъ быть, теперь здѣсь, въ деревнѣ, живутъ мои славянскіе потомки, можетъ быть, самъ предсѣдатель общины приходится мнѣ праправнукомъ и не подозрѣваетъ, что сейчасъ къ селу приближается его забытый родоначальникъ.

Я говорю о своемъ мистическомъ ощущеніи одному изъ экскурсантовъ. Но тотъ смотритъ на меня съ сожалѣніемъ. Качаетъ головой.

— Вы очень устали? — спрашиваетъ.

— Да.

— Ноги болятъ?

— Пузыри на подошвѣ вскочили.

— Вотъ то-то и оно!

У сельской кафаны при входѣ длинный навѣсъ, скамьи, грязный расшатанный столъ. Пока хозяинъ даетъ намъ кипятокъ для чая, приноситъ хлѣбъ, сыръ, вино, а мы торопливо жуемъ, пьемъ, глотаемъ, со всей деревни стекаются испуганные жители узнать, въ чемъ дѣло, и не случилось ли чего въ Европѣ.

Они обступаютъ насъ тѣснымъ кольцомъ, внимательно смотрятъ, какъ мы ѣдимъ, дѣлятся вполголоса впечатлѣніями, а одна старушка при видѣ насъ крестится и, кажется, хочетъ плакать. Можетъ быть, у нихъ — повѣріе, что когда въ Нагоричане придутъ, неизвѣстно откуда, тринадцать путниковъ со свѣтлой кожей, — вслѣдъ за этимъ немедленно наступитъ конецъ міра?

Хозяинъ кафаны оказался добрымъ малымъ и большимъ руссофиломъ. Какъ только увидѣлъ, что мы расплачиваемся наличными, онъ сейчасъ же энергично принялся за устройство помѣщенія подъ ночлегъ, вымылъ предварительно полъ, притащилъ откуда-то сѣна и разостлалъ поверхъ него цыновки. Его радушіе было такъ искренно, что мнѣ захотѣлось сказать ему нѣсколько теплыхъ словъ:

— Кукурузъ добро? — ласково спросилъ я, кладя руку на его плечо.

Онъ сначала испуганно воззрился на меня, прекративъ разстилать цыновки. Но когда я замахалъ головой, показывая въ пространство внѣ кафаны, обрадовался.

— А! Кукурузъ? Добаръ, добаръ.

— А пшеница ни е добра?

— Есте. Ни е добра.

Поужинавъ, мы рѣшили сейчасъ же ложиться. Тринад-

цать фигуръ закопошилось на полу, хрустя цыновками, шевеля сѣно. Раздѣлись, насколько позволяли обстоятельства, кое-кто уже растянулся, подложивъ чемоданчикъ или ящикъ подъ голову.

Я не мечтатель-интеллигентъ радикальнаго толка, и потому мнѣ никогда въ жизни не приходилось дѣлать изъ своего сна публичное выступленіе. Но теперь это было такъ. Наиболѣе любопытные крестьяне вошли въ кафану вслѣдъ за нами, молча стояли, слѣдя за тѣмъ, какъ мы ложимся, а одинъ почтенный сѣдой старикъ съ хорошимъ благообразнымъ лицомъ присѣлъ на корточки возлѣ генерала и, началъ мило бесѣдовать.

— Я очень люблю русовъ, — говорилъ онъ по-сербски, гладя генерала по ногѣ. — Россія великая страна! Она такая великая, что конца ей нѣтъ!

— Нда... — сконфуженно отвѣчалъ съ цыновки генералъ, не совсѣмъ понимая, что ему говоритъ македонецъ.

— Мой племянникъ былъ въ Россіи, — продолжалъ старикъ. — О! Какая страна Россія! Онъ былъ тамъ столяръ, хорошо заработалъ, 500 тысячъ въ Битоль привезъ. А потомъ, когда настала у васъ революція, ему сказали, что старыя деньги не годятся. «Какъ, — говоритъ онъ, — не годятся, когда на деньгахъ лицо Царя нарисовано? Не можетъ быть!» Ему говорятъ — продай деньги, хуже будетъ. А онъ не продаетъ. Когда въ Россіи снова будетъ Царь, онъ за эти деньги еще больше получитъ. Въ десять разъ больше. Русскій Царь не обидитъ!

— Вѣрно, — отвѣчаетъ по-русски генералъ, не понявъ рѣчи старика, но угадывая, что тотъ говоритъ что-то пріятное. — Да... Усталъ я здорово, мой милый. Спать хочу.

— Эхъ-хе, братушка... А какъ у васъ тамъ? Въ Россіи?

— Что?

— Въ Россіи какъ?

Старикъ сокрушенно качаетъ головой.

— Большевики?

— Большевики.

Генералъ закрываетъ глаза, зѣваетъ.

— А ты самъ кто будешь, братушка? Купецъ?

— Что?

— Ты кто самъ? Купецъ? Или профессоръ?

— Профессоръ? Нѣтъ. Я — генералъ.

— О! — приподнимаетъ руку старикъ. — Генералъ! Скажи пожалуйста! И теперь здѣсь лежишь?

— Лежу. О-охъ! Который часъ, господа? Поздно, должно быть...

— Половина десятаго, — раздается голосъ фотографа. — Спать пора.

— Ну, ничего, братушка, ничего, — любовно треплетъ ногу генерала старикъ. — Ты не безпокойся. Все будетъ хорошо, увидишь. Хочешь, я тебѣ подарокъ сдѣлаю?

— Что?

— Онъ предлагаетъ подарокъ, — шепчетъ генералу лежащій рядомъ баронъ. — Соглашайтесь, ваше превосходительство.

— А? Подарокъ? Спасибо. Добро. Какой подарокъ?

Генералъ пріоткрываетъ оба глаза, настораживается.

— Я тебѣ изъ уваженія подарю свою жену. Хорошую жену!

Генералъ вздрагиваетъ. Вокругъ на цыновкахъ раздается дружный смѣхъ. Изъ угла слышенъ мрачный голосъ Николая Захаровича:

— Попросите сначала, чтобы показалъ, ваше превосходительство!

— Николай! — укоризненно прерываетъ своего друга профессоръ-математикъ.

— Спасибо, милый, — растерянно говоритъ генералъ,

оттягивая отъ рукъ старика свою ногу. — Хвала. Не треба. Я старый человѣкъ, на что мнѣ жена?

Старикъ не понимаетъ отвѣта и не унимается. Одинъ за другимъ засыпаютъ экскурсанты. Поставивъ возлѣ себя на скамейку огарокъ свѣчи, предсѣдатель прилежно починяетъ свой дорожный костюмъ, начавшій пороться по швамъ. Уходитъ, наконецъ, македонецъ-старикъ. Затихаетъ кругомъ все, слышно только, какъ кто-то во снѣ, вдругъ, начинаетъ со стономъ почесываться и шуршать на цыновкѣ.

— Проклятыя! — испуганно поднимается со своего ложа Николай Захаровичъ, глядя мутными глазами внизъ. — Высохли послѣ мытья пола и прыгаютъ, черти!

А лежащій возлѣ него профессоръ уже засыпаетъ и, сквозь сонъ, недовольно тянетъ:

— Николай! Спи!

Долженъ сознаться, что я рѣшительно ничего не понимаю въ церковной живописи. Нашъ знатокъ русской и сербской старины Сергѣй Николаевичъ съ ранняго утра и до самаго ухода изъ Нагоричанъ простоялъ внутри храма, восторгаясь фресками, читая надписи. Всѣ три художника старались тоже не терять ни одной минуты, снимали копіи, зарисовывали орнаменты.

Удивила всѣхъ и вызвала горячія обсужденія икона Божьей Матери съ Младенцемъ, Который расположенъ на рукахъ, не въ обычномъ для иконъ видѣ, а какъ будто, въ моментъ шалости, съ игриво протянутой къ лицу Матери ручкой. Этотъ мотивъ въ церковной живописи можетъ встрѣтиться послѣ Возрожденія; но нагоричанскій храмъ и его живопись относятся къ началу XIV вѣка. И нѣтъ ли тутъ указанія на зависимость Ренессанса отъ византійской культуры?

Я ничего не понимаю въ этомъ. Молчу. Мнѣ важно толь-

ко благоговѣніе. А благоговѣніе, дѣйствительно, заполняетъ, заставляетъ молчать, будитъ то, что въ глубинѣ насъ принадлежитъ не настоящему, а ушедшимъ вѣкамъ. Вѣдь, и восторгъ передъ стариной — не нашъ восторгъ, а тѣхъ предковъ въ нашей душѣ, которымъ черезъ созерцаніе хочется воскреснуть къ земной жизни и снова радоваться своей современности...

Хорошо мнѣ сейчасъ при видѣ фресокъ не оттого, что я знаю, гдѣ изображены подвиги Георгія Побѣдоносца, а гдѣ — краль Милутинъ со своей женой Симонидой. Хорошо просто отъ того, что все это есть. И я ложусь на траву среди могилъ, возлѣ входа въ храмъ, мудрая шестивѣковая стѣна защищаетъ меня прохладой отъ солнца. И наверху вижу небо и на немъ набѣгающіе узоры листвы. Птицы поютъ... Пѣли раньше, шесть вѣковъ... Будутъ пѣть. Оселъ гдѣ-то реветъ... Ревѣлъ раньше... Шесть вѣковъ. Будетъ ревѣть. Вѣтеръ сорвался съ далекихъ горъ. Чуть добѣжалъ, неся прохладу черезъ долину... Тоже несъ. Было все, будетъ все. Могилы, кресты, смѣхъ, слезы, пѣнье, ревъ, дуновеніе. Святъ Господь!

— Вы заплатили за сыръ?

Надо мною двѣ золотистыхъ колонны. Полукруглый синій фронтонъ. А наверху — голова.

Это нашъ предсѣдатель.

ПОДВИЖНИКИ

Въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Нагоричанъ стоитъ монастырь Старый Забѣлъ.

Объ немъ намъ уже раньше разсказывали много интереснаго. Здѣсь и игуменъ и братія — русскіе; говорятъ, есть тутъ русскій послушникъ — братъ Сергій, уже два года находящійся въ монастырѣ и ведущій аскетическій образъ жизни: кромѣ хлѣба и воды не ѣстъ и не пьетъ ничего и только въ Свѣтлый Праздникъ послѣ заутрени разрѣшаетъ себѣ съѣсть одно пасхальное яичко.

Онъ совсѣмъ молодъ. Сынъ извѣстнаго московскаго музыканта. Самъ учился въ консерваторіи по классу рояля, послѣ революціи съ родителями попалъ въ одну изъ западно-европейскихъ столицъ, гдѣ сталъ совершенствоваться въ своей спеціальности. Родители были состоятельны, молодой музыкантъ не терпѣлъ нужды. Казалось — могъ спокойно смотрѣть на будущее, всецѣло отдаться любимому дѣлу...

И, вотъ, онъ бѣжалъ. Исчезъ внезапно, не предупредивъ даже родителей. Митрополитъ скоплянскій получилъ письмо: молодой человѣкъ умолялъ устроить его куда-нибудь въ монастырь, говорилъ, что не можетъ больше оставаться въ мiру, хочетъ посвятить себя Богу. А родители, тѣмъ временемъ, разыскивали исчезнувшаго сына; узнавъ, гдѣ онъ, просили

вернуться, оставить монашескую «затѣю». Но сынъ отвѣтилъ, что родителей у него нѣтъ. Родитель одинъ только — Богъ.

Какъ пройти въ Старый Забѣлъ? Нагоричанскіе крестьяне, правда, машутъ рукой приблизительно въ одномъ и томъ же направленіи, показывая, куда идти. Но все-таки показанія эти колеблются градусовъ на 45 въ обѣ стороны; а что могутъ надѣлать 45 градусовъ, когда нѣтъ опредѣленной дороги!

Генералъ, у котораго на картѣ показанъ Старый Забѣлъ, обѣщаетъ, что онъ самъ приведетъ насъ, куда нужно. Однако, большинство экскурсантовъ боится, что опять придется отыскивать тріангуляціонный пунктъ. И мы рѣшаемъ взять изъ деревни проводника.

День сегодня мягкій, не жаркій. Поднимаемся вслѣдъ за проводникомъ по горной дорогѣ, чуть намѣченной слѣдами рѣдкихъ колесъ. Вокругъ — трава, камень, кустарникъ. Пологій скатъ горы уходитъ отрогами направо, обрывается, открывая внизу величественную долину съ шахматной доской хлѣбныхъ полей. И вдали отъ этой обработанной земли начинаешь чувствовать свою глухую затерянность, одиночество среди дикой природы. Какъ успокоительны миролюбивой душѣ аккуратно вспаханныя, засѣянныя, зрѣющія нивы! Даже безъ людей, когда вокругъ одни только колосья, — кажется, что и мирный пахарь, вызвавшій ихъ изъ земли, тутъ же невидимо присутствуетъ рядомъ. Вѣдь, поля — символъ порядка, общественности, собственности, добрыхъ нравовъ, уваженія къ ближнему. Безъ нихъ, среди травы, камня, лѣсовъ, каждый встрѣчный человѣкъ — жуткая загадка. Кто онъ? Отшельникъ? Разбойникъ? Охотникъ? Во что вѣруетъ, что любитъ, что ненавидитъ?

Иду и думаю: нѣтъ, не въ тѣхъ поляхъ, которыя золотятся внизу, а именно въ этомъ мрачномъ камнѣ и репейникѣ на безплодной горѣ суть и правда новой соціалистической вѣры.

Безчисленныя межи любовно обработанныхъ квадратовъ хлѣба — развѣ все это не кричитъ: мое, мое! Безразличны лишь ненужныя скалы, красныя гроздья волчьихъ ягодъ возлѣ дороги. Коммунистиченъ не бытъ хлѣбопашца, а только вотъ этотъ, на скалахъ: разбойникъ, ружье и прохожій. Среди полей жизнь человѣческая — собственность, какъ взрощенный взлелѣянный колосъ; на камняхъ и въ лѣсу — жалкое общее достояніе. Изъ первобытнаго коммунистическаго лѣса, съ коммунистическихъ скалъ вошелъ въ исторію европеецъ тысячелѣтія назадъ. И неужели же теперь замыкаетъ свой заколдованный кругъ, возвращается вспять?

— Эво, Забѣлъ! — показываетъ рукой проводникъ.

Монастырь пріютился въ узкой горной разсѣлинѣ, укрылъ свои стѣны въ складкахъ крутыхъ холмовъ, въ зеленой листвѣ окружающей рощи. Мы спускаемся по каменистой тропѣ, переходимъ черезъ оврагъ по дрожащему мостику, входимъ въ ворота.

Тихо, какъ-то особенно тихо. Живутъ здѣсь, или не живутъ? Большой монастырскій корпусъ вокругъ, тщательно подметенный дворъ, посреди небольшой каменный храмъ. И не видно никого. Застыло вверху знойное небо, ушелъ за стѣны шелестъ деревьевъ. И кажется, что остановилось время, одно только пространство оставлено Богомъ тихой обители.

Авангардъ нашъ, однако, быстро вноситъ въ монастырь форму времени, со скрипомъ взбираясь и спускаясь по лѣстницамъ и отыскивая игумена. Стѣны храма съ укоромъ бро-

сают обратно громкіе кощунственные голоса; стекла оконъ удивленно смотрятъ слѣпыми глазами. Черезъ нѣсколько минутъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ спускается къ намъ игуменъ — отецъ Меркурій и привѣтливо приглашаетъ сначала въ церковь, а затѣмъ наверхъ — откушать чаю.

Онъ, отецъ Меркурій, здѣсь недавно: два года. Передъ этимъ — 27 лѣтъ провелъ на Аѳонѣ, 29 лѣтъ уже не видѣлъ Россіи. Небольшая сутуловатая фигура подъ монашескимъ одѣяніемъ, но видно, сильная, упорная въ трудѣ и намѣреніяхъ. Такіе люди и строили православные монастыри. Основывали и молились угодники, а эти, божьи хозяева, съ крѣпкими мышцами и съ крѣпкими нервами, воздвигали стѣны, украшали, дѣлали обители сказкой линій и пятенъ среди лѣсовъ и степей.

— Неужели, батюшка, вы такъ и не видѣли большевиковъ?

— Не видѣлъ, нѣтъ.

— Но читали? Знаете, конечно, что произошло.

— Читалъ, читалъ. Но, право, не вѣрится. Какъ же это такъ? Православный народъ, христіане... И, вотъ, этакъ, вдругъ! Видно Богу отъ русскихъ людей что-нибудь понадобилось. Увидимъ подъ конецъ, чего Господь отъ насъ хочетъ.

Мы сидимъ въ уютной комнатѣ, предназначенной для монастырскихъ гостей. Длинный столъ, покрытыя коврами скамьи у стѣны. Въ ожиданіи чая бесѣдуемъ съ двумя русскими инвалидами, живущими тутъ, и съ русскимъ батюшкой, отцомъ Антоніемъ, пришедшимъ сюда въ гости изъ сосѣдняго села. Одинъ изъ инвалидовъ — генералъ, сейчасъ не то писецъ, не то дѣлопроизводитель при игуменѣ; другой — полковникъ, которому временно разрѣшено пребываніе здѣсь.

— Какъ вамъ живется въ монастырѣ? — спрашиваю генерала.

— Спасибо, хорошо. Тихо, мирно. Вотъ только читать нечего. Отрѣзаны. Когда сходишь въ Куманово, отъ знакомыхъ получишь газетку или книжку, тогда ничего. А если, вотъ, долго сидишь, не знаешь — что въ мірѣ дѣлается, жутко какъ-то становится. Будто, знаете, умеръ. Или во-снѣ...

Отецъ Меркурій входитъ, спрашиваетъ: не хотимъ ли съ дороги, кромѣ чая, чего-нибудь поѣсть. Мы благодаримъ, отказываемся. А я неосторожно начинаю съ нимъ бесѣду относительно монастырскаго храма.

— Хорошая, батюшка, кладка, — говорю, глядя сквозь окно на стѣну церкви. — Совсѣмъ такая, какъ въ Нагоричанахъ.

— Да, — скромно отвѣчаетъ игуменъ. — Построено прочно.

— Навѣрно, тоже при королѣ Милутинѣ? А? Въ XIV вѣкѣ. Или, самое позднее, въ пятнадцатомъ... Архитектоника, знаете, такая. И теска камня. Вообще...

— Двадцать лѣтъ этому храму, — глядя въ окно и дѣлая видъ, что я ничего не сказалъ, кротко произноситъ отецъ Меркурій. — Храму двадцать, а пристройки я уже самъ въ этомъ году сдѣлалъ. Къ зимѣ думаю кончить. Стѣну выведу.

При общемъ смѣхѣ я невнятно бормочу что-то, съ недоумѣніемъ пожимаю плечами. А въ сосѣдней галлереѣ въ это время звенитъ посуда, приближаются чьи-то шаги, и въ комнату съ подносомъ въ рукахъ входитъ братъ Сергій.

Небольшая каштановая бородка, уже довольно длинные, закрывшіе затылокъ, волосы. Нѣжный цвѣтъ лица съ розовымъ загаромъ. И глаза голубые, свѣтлые, дѣтскіе. Подходитъ къ столу со смущенной улыбкой, безъ тѣни юношеской рисовки, безъ романтической фальши въ движеніяхъ. Кладетъ подносъ, раздаетъ стаканы.

Нѣкоторые изъ насъ съ нимъ уже видѣлись. Мы, остальные, здороваемся. У него мягкій, ровный голосъ. Тоже простой. Безъ загадочности.

— Вы, кажется, кончили консерваторію? — спрашиваетъ предсѣдатель.

— Учился...

— По классу рояля?

— Да... Хотите еще чаю?

Ясно — не желаетъ говорить объ этомъ. Но кто-то пытается продолжать:

— Ну, а какъ вамъ... Спокойно живется здѣсь? Правда?

— На землѣ никогда спокойно не живется, — улыбается Сергій. И, собравъ пустые стаканы, уходитъ.

Что онъ сказалъ за все время? «Да... Нѣтъ... Учился. Спокойно не живется никогда»... Всего только. А мы ушли изъ Забѣла — и всю дорогу говорили о радости, унесенной изъ монастыря. «Алеша Карамазовъ»... «Есть еще прекрасныя русскія души»... «Бѣженецъ отъ міра»... Говорили съ гордостью, съ восторгомъ. А передо мною въ пути стояли просвѣтленные глаза, смотрѣли съ грунта дороги, изъ чащи хлѣбнаго поля, съ контуровъ далекихъ холмовъ.

Что привело юношу сюда? Личная драма? Нѣтъ. Глаза были бы иные, не дѣтскіе. Мятежность, исканіе? Не было бы милой улыбки, мудрой простоты въ игрѣ лица, въ тонѣ голоса. Это глубже, чѣмъ трагедія, разочарованіе, страхъ передъ міромъ: уходъ изъ-за просвѣтлѣнія, а не помраченія духа. Какой-то талантъ подойти близко къ Богу. Способность ощутить высшую радость бытія, преодолѣвъ радость земного существованія.

Онъ остался въ монастырѣ. Продолжаетъ свой подвигъ. Каждый день похожъ на другой. Каждый день въ храмѣ лампады и отраженіе ликовъ. Каждый день тѣ же стѣны, тотъ же крѣпкій, простой земной игуменъ. И не жаль, все-таки, шум-

наго блестящаго города, родного лица, дружескихъ словъ, женской улыбки...

Когда въ рощѣ монастыря поютъ соловьи, лунный кругъ смотритъ въ лицо, и цикады приносятъ лѣтнюю-знойную пѣснь, — не надо мелодіи ноктюрновъ и лунныхъ сонатъ. Когда въ зимнія ночи въ оврагѣ вѣтеръ бьетъ по клавишамъ камня и по струнамъ вѣтвей аккомпанементъ своей кантиленѣ, жалкими въ памяти встаютъ ораторіи, не нужно ничего отъ красоты искусственныхъ звуковъ.

Только музыка Бога вѣчна и прекрасна. А душа человѣческая — Его звонкая клавиша.

Съ нами въ Куманово идутъ — полковникъ, рѣшившій ради развлеченія проводить экскурсантовъ до станціи, и отецъ Антоній, которому пора возвращаться въ свое село, гдѣ онъ состоитъ настоятелемъ сербской церкви.

— А вы знаете, батюшка, — со смѣхомъ разсказываетъ по дорогѣ полковникъ, — мой старикъ чика Стева, о которомъ я говорилъ въ прошлый разъ, все-таки отслужилъ по себѣ панихиду.

— Въ самомъ дѣлѣ? Охъ, безобразникъ, безобразникъ! — вздыхаетъ отецъ Антоній.

— Да... Прихожу я передъ отъѣздомъ къ нему на квартиру, хочу переговорить о своемъ дѣлѣ и, вдругъ, вижу картину: лежитъ Стева на полу, жуетъ сыръ качкавалъ, въ головѣ у него свѣча горитъ, а друзья-старики, приглашенные, за столомъ сидятъ, поминки справляютъ. Хотѣлъ я, конечно, улизнуть отъ этой церемоніи, зайти въ слѣдующій разъ, но не тутъ-то было. Самъ покойникъ съ полу поднялся, рѣшительно потребовалъ, чтобы я тоже за столъ сѣлъ. И, хотя стыдно сознаться, но, скажу правду: накачали меня старики тогда здорово. За безболѣзненную смерть Стевы пришлось

пить, за вѣчную жизнь, за вѣчную память, за райское житіе, за воскресеніе изъ мертвыхъ...

Видя недоумѣніе на моемъ лицѣ, полковникъ объясняетъ, что въ этихъ краяхъ среди одинокихъ стариковъ и старухъ существуетъ обычай устраивать по себѣ заблаговременно нѣчто вродѣ панихиды, чтобы послѣ смерти не остаться безъ поминовенія. А отецъ Антоній, послѣ объясненій полковника, въ свою очередь, начинаетъ разсказывать о религіозныхъ особенностяхъ мѣстныхъ крестьянъ.

Въ сущности, здѣсь то же самое, что и въ другихъ селахъ Сербіи. Крестьяне не то что нерелигіозны, но у нихъ своеобразное, можно сказать, дѣловое отношеніе къ религіи. По утрамъ или на ночь они молятся, правда. Но относительно совмѣстной молитвы со священникомъ въ церкви — точка зрѣнія совершенно особая. Въ одной деревнѣ, напримѣръ, на вопросъ батюшки, почему населеніе не посѣщаетъ богослуженій, предсѣдатель общины откровенно отвѣтилъ: «А ты, отче, на что? Каждый долженъ дѣлать то дѣло, за которое получаетъ отъ правительства деньги. Почтарь возитъ почту, жандармъ смотритъ за порядкомъ, ты молишься Богу. Если всѣмъ ходить въ церковь, то всѣмъ нужно и почту возить и жандарма замѣнять. Развѣ это возможно?»

— Иногда, знаете, не понимаю даже, какъ быть, — сокрушенно говоритъ, продолжая свое повѣствованіе, отецъ Антоній. — Вотъ, напримѣръ, не угодно-ли, случай: приходитъ ко мнѣ въ церковь старушка, проситъ за здравіе Мирки молебенъ отслужить. А я по глазамъ вижу — что-то неладное. И начинаю разспрашивать:

— А гдѣ Мирко? Въ деревнѣ?

— Да, господине попо.

— Что жъ онъ... Въ постели лежитъ?

— Нѣтъ, стоитъ, господине попо.

— То-есть, какъ стоитъ? Что у него за болѣзнь?

— Задняя нога не движется, господине попо. Работать не можетъ.

Тутъ я только узналъ, что Мирко не человѣкъ, а просто на просто лошадь. И долго послѣ этого со старухой спорилъ. Убѣждаю ее, что за животное не полагается молебна служить, а она плачетъ: Мирко ей — вродѣ родного сына, главный кормилецъ. Говорю я, что у лошади все равно души нѣтъ, такъ что и молиться напрасно. А она на своемъ: какъ нѣтъ души, когда сама въ прошломъ году выбирала, 5.000 динаръ уплатила? Не знаю, можетъ быть, внутренно старуха и права, что у лошади есть душа. Но все, что я могъ сдѣлать, не грѣша канонически, это окропить Мирку. Вѣдь, дѣйствительно, нужно войти и въ положеніе крестьянъ: не то что до ветеринара, во многихъ деревняхъ до врача цѣлый день скакать нужно! Вотъ, въ Банатѣ, въ одномъ селѣ, когда я былъ тамъ одно время парохомъ... Въ конфликтъ со вновь назначеннымъ врачемъ вошелъ. Призываютъ меня къ больному, просятъ руки на него возложить, чтобы исцѣлился. Я говорю, что молебенъ отслужить могу, а руки класть для исцѣленія не буду, это спеціальность врача. Согласились они послѣ долгаго спора, отслужилъ я молебенъ, а на слѣдующій день — скандалъ. Докторъ приходитъ, бранится: практику у него отбиваю. Объясняю я, что молебенъ — одно, а врачеваніе — другое, такъ сказать, двѣ параллельныя линіи. А онъ знать ничего не хочетъ, кричитъ: «когда больной умретъ, тогда и бери его, а пока живъ, я надъ нимъ полный хозяинъ!»

Отецъ Антоній долго разсказываетъ о трудностяхъ своей пастырской дѣятельности. А я иду рядомъ, взглядываю по временамъ на грузную фигуру въ рясѣ съ размашистыми длинными руками... И постепенно теряю нить разговора.

Гдѣ только ни встрѣтишь теперь въ Югославіи скромнаго подвижника — русскаго батюшку? И въ равнинныхъ

аккуратныхъ селахъ Воеводины, и въ недосягаемыхъ трущобахъ Черногоріи, и здѣсь, въ Старой Сербіи, въ уединенныхъ деревняхъ, вдали отъ городовъ, отъ желѣзной дороги, отъ русскихъ колоній. Счастье ихъ, что хозяева страны дали имъ храмы, въ которыхъ продолжаютъ они служеніе Богу; утѣшаетъ ихъ въ горѣ изгнанія общая православная вѣра, родной звонъ колокола, огни свѣчей, тѣ же священныя слова дорогихъ сердцу возгласовъ.

Но въ одиночествѣ, вдали отъ своихъ, ярче встаютъ неотвязные образы. Каждый день тянется длинной дорогой. Къ каждой всенощной гудитъ колоколъ, не только призывая къ молитвѣ, но отзванивая сроки торжества на землѣ дьявола. И часто здѣсь, въ пустующемъ храмѣ, стоитъ онъ одинъ, нашъ скиталецъ-священникъ, черезъ гулкіе своды ведетъ сыновью бесѣду съ Всевышнимъ. Выходитъ въ воскресный день на амвонъ, тщетно протягиваетъ:

— Пріимите... ядите.

А въ церкви никого. Пусто.

ЧЕРТОВЪ ПЕРЕВАЛЪ

На слѣдующій день вечеромъ мы прибываемъ въ Скопле и шумной гурьбой идемъ на вокзалъ, откуда отправляются поѣзда на Охридъ.

Передъ нами рядъ игрушечныхъ рельсъ, три или четыре вагонеточныхъ колеи.

— Это дорога на Охридъ? — со страхомъ постукиваю я палкой по тоненькимъ рельсамъ. — Кто же по ней ѣздитъ?

— Публика, — строго говоритъ предсѣдатель. А одинъ изъ экскурсантовъ читаетъ на стѣнѣ станціоннаго зданія плакатъ, который все разъясняетъ:

«За жизнь и имущество пассажировъ администрація желѣзной дороги не отвѣчаетъ», — скромно и добросовѣстно гласитъ объявленіе.

— Господа, поѣздъ подходитъ! — раздается съ «путей» призывный кличъ Ананія Алексѣевича. — Захватимъ отдѣльный вагонъ! Ура!

Въ самомъ дѣлѣ... Какъ ни странно, но по игрушечнымъ рельсамъ къ намъ, дѣйствительно, съ шипѣніемъ и лязгомъ подкатываетъ низкорослый пузатый паровозъ, стараясь важно пыхтѣть и дѣлать видъ, что онъ настоящій. Изъ темныхъ маленькихъ вагончиковъ выскакиваютъ настоящіе люди съ настоящимъ багажемъ, а машинистъ, какъ я успѣлъ уже разглядѣть, тоже совсѣмъ настоящій и даже болѣе того: рус-

скій. Однако, планъ Ананія Алексѣевича — взять одинъ изъ вагоновъ приступомъ и въ немъ окопаться — сначала терпитъ неудачу. Жандармъ энергично гонитъ назадъ наши разъѣзды и объявляетъ, что въ вагонахъ сначала будетъ произведена дезинфекція. Что онъ подразумѣвалъ подъ дезинфекціей, мы такъ и не узнали; но, быть можетъ, та сонная баба, которая вслѣдъ за нимъ забралась въ темный вагонъ съ ведромъ вардарской воды и, шепча заклинанія, стала обливать деревянныя скамьи, можетъ быть, она и символизировала это магическое слово?

Наконецъ — мы внутри. Въ темнотѣ ничего не видно; слышно только, какъ стонетъ Левъ Михайловичъ, ударившись головой о потолокъ, и жалуется Алексѣй Григорьевичъ, не зная, куда ему дѣть длинныя ноги. Веселъ только одинъ гимназистъ Миша, которому вагонъ какъ разъ приходится по росту, и который, по молодости лѣтъ, очевидно, придерживается формулы «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». А я среди глубокаго мрака грустно опускаюсь на скамью, быстро вскакиваю, почувствовавъ подъ собой холодную дезинфекцію вардарской колдуньи, и сажусь снова, разостлавъ поверхъ скамьи пальто. Во мнѣ начинаетъ кипѣть раздраженіе, въ мысляхъ растетъ сознаніе совершенной безповоротной глупости. Зачѣмъ поѣхалъ? Кто принуждалъ? Охридское озеро, конечно, любопытно. Но сѣверный полюсъ еще любопытнѣе. А Эверестъ? Не обязанъ же я посѣщать всѣ интересныя мѣста на земномъ шарѣ! Вотъ Жюль Вернъ, напримѣръ... Ловкій парень. Сидѣлъ безвыѣздно дома, смотрѣлъ только въ атласъ, а герои его носились по земному шару, плавали, летали, сломя голову...

Да, именно, сломя голову. «За жизнь и имущество пассажировъ администрація дороги не отвѣчаетъ». Каково! Почему предсѣдатель раньше не предупредилъ?

— Эй, эй, послушайте! — кричитъ изъ темноты Ананій

Алексѣевичъ группѣ крестьянъ, входящей въ вагонъ. — Сюда не можно! Забранено!

Отъ крестьянъ намъ удается освободиться. Но отъ купцовъ, скоплянскаго студента и какой-то македонской барышни, ѣдущей въ Тетово, — нѣтъ. Барышня молча втащила корзину, зажгла огромную свѣчу и сѣла среди нашихъ экскурсантовъ, держа пылающій факелъ въ рукахъ.

— Зачѣмъ вамъ свѣча, мадемуазель? — грустно спрашиваетъ по-сербски сидящій напротивъ Левъ Михайловичъ, которому нѣсколько капель стеарина уже упало на костюмъ. — При этомъ огнѣ нельзя будетъ заснуть...

— И не надо, — съ рѣшительностью отвѣчаетъ барышня, подозрительно оглядывая нашу компанію. — Кто васъ знаетъ, кто вы такіе. Можетъ быть — нахалы?

Я только теперь, при свѣтѣ свѣчи, вижу убогую внутренность вагона. Клѣтушка, поставленная прямо на товарную платформу, съ крошечными окнами, безъ сѣтокъ и полокъ для багажа. Нѣтъ сомнѣнія, что даже въ ноевомъ ковчегѣ были если не полки, то хотя бы небольшіе крючки, на которые можно повѣсить плащъ. А тутъ — ничего. Какъ мы проѣдемъ въ этой обстановкѣ цѣлыя сутки, со скрюченными ногами, съ выпрямленными спинами, давя, толкая другъ друга во время хода поѣзда?

Мрачно выглядываю въ окно, чтобы вдохнуть немного свѣжаго воздуха. И вижу противъ себя взволнованное лицо русскаго бѣженца въ казачьей папахѣ.

— Земляки ѣдутъ? — радостно восклицаетъ онъ, торопливо оглядывая окна. — Русскіе, а?

— Русскіе, — отвѣчаю съ улыбкой.

— Шикарно! Вмѣстѣ, значитъ, поѣдемъ. Позвольте познакомиться: Катушкинъ. Прежде консисторскій чиновникъ, теперь — землемѣръ. А вы?

Препираясь съ пассажирами на площадкѣ, наступая имъ

на ноги, прося сначала прощенія, а затѣмъ крѣпко бранясь по-русски, Катушкинъ вваливается въ вагонъ, разсовываетъ подъ скамейки свои корзины и садится на свободное мѣсто противъ меня, занявъ своимъ громаднымъ туловищемъ все отдѣленіе снизу до верху, въ ширину и въ глубину.

— Это ваши ноги? — нащупывая сапогомъ мои колѣни, любезно спрашиваетъ онъ.

— Да.

— Кладите, въ такомъ случаѣ, вы свои сюда, а я протисну туда. Ну-ка?

— Охъ... Погодите. Ничего не выходитъ.

— Да, не выходитъ. Вѣрно. Тогда знаете что? Вы задвиньте туда, а я — сюда. Вотъ такъ... Есть?

— Ой!

На перронѣ раздается зловѣщій тонкій свистъ. Паровозъ дергаетъ разъ, другой, наваливаетъ на меня Катушкина, затѣмъ, наоборотъ, бросаетъ на Катушкина меня и начинаетъ развивать ходъ.

Мнѣ не вѣрится. Какъ онъ смѣетъ? Я думалъ, что по такой вагонеточной колеѣ да еще съ такими вагончиками онъ пойдетъ шагомъ, въ лучшемъ случаѣ легкой рысцой, сознавая свое скромное положеніе среди паровозовъ Европы. И вдругъ — галопъ, наглый галопъ! Стучатъ по стрѣлкамъ колесики, трещатъ стѣны; качаются, хватаясь за сидѣнія, черныя тѣни пассажировъ; а онъ мчится, проносится по жердочкамъ черезъ Вардаръ, бросаетъ назадъ освѣщенныя луной деревья, дома, отметаетъ телеграфные столбы.

— Онъ съ ума сошелъ! — вырывается у меня.

— Кто? — интересуется Катушкинъ.

— Машинистъ!

— Шибко взялъ, вѣрно. Но это, знаете, хорошо. Паровозы тутъ, говорятъ, такіе, что съ ними невозможно медленно ходить: сейчасъ же съ рельсъ слазятъ.

Начавъ съ паровозовъ, Катушкинъ продолжаетъ говорить обо всемъ. Говоритъ безъ умолку, громко, заполняя своимъ басомъ притихшій вагонъ.

Экскурсанты, прислонившись другъ къ другу, закинувъ головы, роняя ихъ на руки, — стараются уснуть. Сложивши себя ножницами, безмятежно дремлетъ Ананій Алексѣевичъ, который умѣетъ, кажется, спать даже стоя. И только одна боязливая барышня изъ Тетова бодрствуетъ: попрежнему держитъ въ рукѣ зажженную свѣчу, охраняетъ ея шаткимъ огнемъ свою дѣвичью честь.

Нужно заснуть, наконецъ. Катушкинъ, слава Богу, смолкъ. Положить голову на окно? Нѣтъ, не выйдетъ. Откину къ стѣнѣ... Бьется сзади доска, но слѣдуетъ плотнѣе прижаться... Гдѣ вы, былыя плацкарты? Купэ? Постельное бѣлье ненавистнаго самодержавія? Эти ноги, ахъ эти ноги... Куда протянуть? Петербургъ — Москва — Харьковъ — Севастополь... Одесса — Петербургъ... Петербургъ — Кіевъ... Звонокъ проводнику... «Что угодно?» «Приготовьте постель». «Уже изволили ужинать? Разрѣшите плацкарту и билетъ, чтобы контроль не тревожилъ»... И пружинный диванъ... И простыня и одѣяло... И какъ младенца укачиваетъ... Будто няня. Няня, гдѣ ты? Хоть бы на мгновеніе выпрямить ноги... Дать отдыхъ спинѣ... Преклонить голову... Няня!

— Эй, эй, абрикосы! Подь сюда!

Испуганно раскрываю глаза. Это кричитъ, высовывая голову въ окно, Катушкинъ. Уже свѣтло. Мы стоимъ на станціи Тетово, въ живописной зеленой котловинѣ. Вдали, на сѣверѣ, подъ голубою туманной вуалью стоятъ у неба вершины Шаръ-Планины, хранящей до сихъ поръ въ складкахъ разсѣлинъ остатки весенняго снѣга.

— Хотите? — ласково тычетъ въ лицо пакетикъ съ аб-

рикосами Катушкинъ. — Кажется, дрянь, зеленые, но противъ твердаго желудка отлично. У васъ какъ?

— У меня?.. Спасибо, ничего. Нѣтъ, нѣтъ, не буду. Боюсь.

Катушкинъ не ѣстъ, а глотаетъ. Оголенныя косточки одна за другою выскакиваютъ изо рта, со свистомъ несутся въ окно. Однако, въ промежуткахъ между абрикосами, когда мы уже тронулись съ мѣста, Катушкинъ успѣваетъ сообщить, что съ нами ѣдетъ въ отдѣльномъ вагонѣ патруль на случай нападенія качаковъ, и что сейчасъ, вслѣдъ за Тетово, начнется крутой подъемъ на высоту около полутора тысячи метровъ.

— Для любителя одно удовольствіе, — причмокиваетъ онъ. — Все по обрывамъ и по обрывамъ... Черти нѣмцы! Умѣютъ, все-таки, дороги строить. Заняли Охридъ, согнали военноплѣнныхъ, — наши, русскіе, тоже были, — и въ три какихъ-нибудь мѣсяца дорогу до Скопле сварганили.

— А вы ѣздили тутъ раньше? — тревожно спрашиваю я.

— Никогда. Но сегодня утромъ на станціи съ машинистомъ познакомился. Симпатяга, Николаемъ Петровичемъ звать. Тоже съ Терека. Говоритъ: ни одного туннеля, а два перевала по полторы версты высотой. Чудеса!

— Бываютъ крушенія?

Я это спрашиваю небрежно, какъ будто-бы для того, чтобы что-нибудь сказать. А Катушкинъ, негодный, оживляется.

— Ого! — радостно восклицаетъ онъ. — Еще какія! Недавно, напримѣръ, говоритъ, на поворотѣ надъ пропастью у него самого паровозъ съ рельсъ сошелъ. Самъ-то онъ спрыгнулъ съ помощникомъ на скалу, и вагоны чудомъ остановились. Зато паровозъ оторвался, слетѣлъ. Семьдесятъ метровъ летѣлъ, пока не зацѣпился за деревья...

— И что же?

— Ну, что же... Виситъ, должно быть, до сихъ поръ. Будете ѣхать черезъ Буковикъ послѣ Гостивара, посмотрите. А на случай крушенія здѣсь, возлѣ вагоновъ, имѣйте въ виду, приспособленія есть: желѣзныя палки. Вотъ, высуньте голову. Сюда, сюда... Видите — торчатъ? Такъ вотъ, когда...

У Катушкина не языкъ, а несчастье. Не окончилъ онъ фразы, какъ внезапный толчекъ, вдругъ, отбрасываетъ меня отъ окна, вагонъ жалобно охаетъ, и мы останавливаемся.

— Что случилось?

Среди экскурсантовъ переполохъ. Всѣ выглядываютъ въ окна, недоумѣваютъ. А Катушкинъ радостно бросается къ двери, кидая мнѣ:

— Навѣрно, крушеніе! Или качаки!

И исчезаетъ.

Такъ и есть: паровозъ сошелъ съ рельсъ. Постепенно изъ всѣхъ вагоновъ начинаютъ высыпать пассажиры; недалеко отъ насъ сгрудился вооруженный патруль; по крутой насыпи, проходящей среди кукурузныхъ полей, вяло бродятъ кондуктора, и среди нихъ двѣ оживленныя фигуры: нашъ гимназистъ Миша и Катушкинъ.

— Айда, публика! — зычнымъ голосомъ начинаетъ распоряжаться Катушкинъ. — Хайдемо на помочь, да подыгнемъ машину! Эй ты, великанъ — чего зря стоишь? Иди, иди! Братушка... Зови его, черта... Въ чалмѣ! Мадамъ, молимъ, залазьте въ вагонъ, къ чему напрасно толочься!

Возлѣ паровоза, присѣвши на корточки, совѣщается комиссія изъ трехъ лицъ: машинистъ Николай Петровичъ, Катушкинъ и Миша. Всѣ трое внимательно разглядываютъ переднія колеса, вонзившіяся въ насыпь, обмѣниваются мнѣніями.

— Задній ходъ хорошо дать, — совѣтуетъ Миша. — Поль-аршина отъѣхать, колесо взберется — и готово.

— Безъ домкрата не обойтись, — чешетъ високъ машинистъ, съ досадой оглядываясь на виднѣющуюся вдали станцію.

А Катушкинъ протестуетъ:

— Домкратъ? Еще что! Мы его, Николай Петровичъ, палками за милую душу поднимемъ. Четыре человѣка съ той стороны, четыре съ этой, — а вы, дѣйствительно, въ это время того... задній ходъ. Чего тебѣ? — оборачивается онъ, видя надъ собою почтительную фигуру кондуктора.

— Господине инженере, дозволте да я вамъ кажемъ...

— Не мѣшай, не мѣшай, братъ. Видишь, заняты? Такъ я соберу ихъ, Николай Петровичъ. Ладно? Одинъ у меня здоровякъ — безъ посторонней помощи самъ весь паровозъ цѣликомъ перевернетъ.

Машинистъ, однако, непреклоненъ. Проходитъ часъ, пока со станціи доставляютъ домкраты. Еще около часа — возня съ поднятіемъ. И когда, наконецъ, все готово, и пассажиры занимаютъ мѣста, а оберъ-кондукторъ жалобно - протяжно свиститъ, Катушкинъ со словъ машиниста успокаиваетъ меня относительно опозданія:

— Не бѣда... Только два часа. На перевалѣ нагонимъ при спускѣ!

Послѣ станціи Тетово Вардаръ уходитъ отъ полотна всторону. Мы съ нашимъ игрушечнымъ поѣздомъ забираемся въ глушь, пересѣкаемъ овраги, пѣнящіеся горные ручьи. А паровозишка, къ которому у меня послѣ крушенія окончательно исчезло довѣріе, со скрежетомъ колесъ лѣзетъ въ гору, сопитъ, реветъ, и каждую минуту кажется, что вотъ-вотъ надорвется хрупкая желѣзная грудь отъ непосильной одышки.

На виду у какой-то равнодушной деревни мы начинаемъ

нашъ ужасный восходъ. Напоивъ на полустанкѣ свое старое животное ключевою водой, машинистъ даетъ полный ходъ и бѣшено устремляется по зигзагамъ, волоча за собою вагоны, точно банду пьяныхъ гулякъ. Среди пассажировъ стихаютъ разговоры. Всѣ сосредоточенно смотрятъ въ окна, молчатъ. Становится молчаливъ и Катушкинъ.

— Нехорошо... — произноситъ, вдругъ, онъ какимъ-то несвойственнымъ ему, задумчивымъ голосомъ. — Вы были, кажется, правы...

— Конечно, — ворчу я, съ отвращеніемъ взглядывая сквозь окно на деревушку, которая проваливается въ послѣдній кругъ дантова ада. — Это уже не удовольствіе, а глупая игра какая-то на жизнь и на смерть...

— Ну, что вы! Я думаю, что это жизни не угрожаетъ, — испуганно произноситъ Катушкинъ, прикладывая руку къ животу и точно прислушиваясь. — Лишь бы, вотъ, до перевала доѣхать...

— Лишь бы! А косточки собирать не хотите?

— Косточки? Косточекъ я не глоталъ. Да вы, собственно, про что... Про обрывъ?

— Ну да.

— А я про абрикосы. Вѣрно: не слѣдовало ѣсть, разъ вагоны такіе дурацкіе, а станціи неблагоустроены.

Ура! Перевалъ! Унылая скалистая мѣстность, ничего кругомъ, кромѣ скромнаго станціоннаго зданія. Паровозъ, глухо ворча, утоляетъ жажду изъ грязнаго рукава; публика лѣниво выползаетъ наружу. А Катушкинъ, какъ тигръ, соскакиваетъ съ вагонной площадки, исчезаетъ въ небольшой жилой пристройкѣ у станціи.

Сѣро, голо вокругъ, а какъ хорошо мнѣ! Съ наслажденіемъ смотрю на рельсы, которыя идутъ здѣсь совершенно горизонтально, не скатываясь ни къ сѣверу, ни къ югу. И кажется, будто только что благополучно перенесъ тяжелую

операцію, что теперь только слегка ноетъ рана, и осталась въ организмѣ томная усталость.

Одинъ изъ нашихъ экскурсантовъ извлекаетъ изъ вагона свертокъ съ общей провизіей — сыръ, хлѣбъ, яйца — и мы, расположившись на ближайшихъ камняхъ, жадно ѣдимъ.

Однако, что тамъ за крики?

Предсѣдатель, съ яйцомъ во рту, идетъ узнавать, въ чемъ дѣло. А возлѣ станціи шумъ увеличивается. Намъ съ камней видно, какъ изъ станціонной пристройки опрометью вылетаетъ Катушкинъ, за нимъ — старуха-сербка съ метлой. И вдогонку Катушкину, лицо котораго сіяетъ и въ то же время выражаетъ смущеніе, несутся грозные крики:

— Ку-ку мене! Срамота! Стока една! Безобразникъ!

Не буду описывать нашего спуска съ перевала, такъ какъ знаю, что чужое страданіе, если оно тянется долго, надоѣдаетъ даже друзьямъ. Скажу только, что почти весь спускъ я провелъ, такъ же какъ и подъемъ, на площадкѣ и на всякій случай держалъ руку на тормазѣ.

Противъ меня, на сосѣдней площадкѣ, стоялъ сербъ-кондукторъ, который по свистку машиниста обязанъ былъ тормазить, когда паровозъ, раскатившись, не могъ самъ сдерживать напора вагоновъ. И съ кондукторомъ мнѣ хотѣлось войти въ дружескія отношенія.

— Кукурузъ добро? — кричу я, перегибаясь впередъ, чтобы вѣтеръ не отнесъ звуковъ голоса.

Онъ не понялъ, навѣрно, такъ какъ на склонахъ росъ, къ сожалѣнію, только дубъ, и иногда встрѣчалась ежевика. Но за-то къ ужасу своему я замѣтилъ, что кондукторъ сильно навеселѣ.

— Русъ, братушка? — безпричинно, вдругъ, захохоталъ онъ, удалымъ движеніемъ руки ударяя по тормазу, который быстро началъ раскручиваться. — Харашо! Я по-русски говоритъ! Я самъ въ плѣну былъ!

— Тормази! Бремзе! Ради Бога!

— Тормази? Харашо! Я все понимаетъ! У мене пріятель русъ былъ! Какой человѣкъ! О-о! (Рука кондуктора закручиваетъ тормазъ). Иванъ Федрычъ съ Москвы, знаешь? (Тормазъ закручивается сильнѣе). Сапожникъ! У плѣну заедно были. Что онъ имѣлъ — все мнѣ наполовину давалъ! Ей-Богъ! Табакъ — половину табакъ. Хлѣбъ — половину хлѣбъ. А когда имѣли вино, братушка... Э-э! (Тормазъ вздрагиваетъ въ рукѣ, начинаетъ раскручиваться). Какъ Ваня выпивалъ! Една бутлыка! (Тормазъ раскручивается быстрѣе). Другая бутлыка! (Тормазъ быстрѣе). Третья бутлыка! (Тормазъ быстрѣе). Четверта бутлыка! Десеть бутлыкъ! Фюйтъ! (Тормазъ получаетъ оглушительный ударъ кулакомъ, раскручивается окончательно). А напротивъ Вани никто не могъ! Споръ былъ — Ваня одинъ, а противъ него три: маджаръ, швабъ и хорватъ. Сколько они піютъ всѣ — столько Ваня одинъ!

Въ небрежной позѣ Васко де Гамы стою я на кичевскомъ вокзалѣ послѣ перенесенныхъ на спускѣ волненій и удивляюсь огромному количеству народа на перронѣ. Изъ вагона, корзину за корзиной, чемоданъ за чемоданомъ выволакиваетъ свои вещи Катушкинъ. Онъ идетъ среди толпы, нагруженный, но, увидѣвъ меня, растроганно роняетъ чемоданы на камень платформы, начинаетъ обниматься.

— Прощайте, миленькій!

Цѣлуетъ онъ прямо въ губы, колетъ усами. Три раза, по христіански.

— Дай вамъ Богъ... — сердечно жму ему руку.

— И вамъ всего, всего! Если будете въ Кичевѣ, милости прошу ко мнѣ. Безъ затѣй.

У Катушкина здѣсь, конечно, нѣтъ еще ни комнаты, ничего. Но зато онъ полюбилъ меня искренно.

— Если на обратномъ пути не удастся, пріѣзжайте на будущее лѣто. Ей-Богу! Не сидѣть же, коптиться въ Бѣлградѣ! Въ своей квартиркѣ помѣщу, охотиться вмѣстѣ будемъ, рыбу удить...

Онъ, на всякій случай, окидываетъ бѣглымъ взглядомъ горизонтъ: есть ли вблизи лѣсъ, и протекаетъ ли необходимая для рыбы рѣчка. Но изъ-за окружающихъ спинъ и головъ ничего не видно. И мы снова цѣлуемся.

— Тьма народу! Отдамъ вещи на храненіе, а самъ разспрошу: можетъ быть, случайно и мое начальство здѣсь... Прощайте!

Вотъ, оказывается, почему на станціи такое скопленіе: свадьба! Женился какой-то кичевскій купецъ, и городъ собрался провожать ѣдущихъ въ Охридъ новобрачныхъ. Въ томъ, что состоялась именно свадьба, я окончательно убѣждаюсь, когда вижу подходящую по полотну процессію гражданъ и впереди нея — грифъ контрабаса.

— Свирачи! Молимъ!

Цыганскій оркестръ грянулъ. Какъ громъ среди бѣла дня. Судя по ритму, который съ нѣкоторымъ приближеніемъ напоминаетъ четыре четверти, это, навѣрно, маршъ. Садически набрасывается на струны и щекочетъ ихъ смычкомъ капельмейстеръ-скрипачъ, безплодно стараясь привести скрипку въ состояніе отвѣтной страсти; всхлипывая и срываясь на верхнихъ нотахъ, стонетъ о чемъ-то трубачъ, поднявъ трубу къ справедливому небу; мечется, суетится, боясь опоздать въ своихъ угодливыхъ и неискреннихъ варіаціяхъ, флейта. И контрабасъ, безхарактерный, угрюмый, гудитъ низкими бронхитными звуками, мрачно борясь самъ съ собой въ выборѣ ритма между маршемъ и вальсомъ.

Что это за мелодія — не знаю. Возможно, что когда-то,

въ далекіе прошлые годы, ее завезъ сюда какой-нибудь любитель классической музыки большихъ ресторановъ; возможно, что цыганъ-прадѣдъ нынѣшняго скрипача-капельмейстера, проходя мимо квартиры пріѣзжаго культуртрегера, услышалъ, какъ тотъ напѣвалъ или наигрывалъ... И завѣщалъ мелодію сыну. Умеръ сынъ, обратившійся въ дѣда; умеръ внукъ, ставшій музыкантомъ-отцомъ. Но мелодія, прекрасная старая мелодія, жива. Прежніе звуки только замѣнены въ ней болѣе удобными новыми, да отъ старости выпали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣльные такты...

Свадебная процессія остановилась возлѣ перрона. Нарядныя провинціальныя барышни въ платьяхъ цвѣта зеленаго лука, помидоръ, перца, салата, абрикосовъ, арбуза — сгрудились на фонѣ нашихъ вагоновъ, начали тутъ же, на путяхъ, національный танецъ «коло».

И, вдругъ, я вижу: Катушкинъ!

Всѣ мы, экскурсанты, изумлены. Подойдя къ кругу танцующихъ подъ руку съ какимъ-то сербомъ, очевидно, новымъ сослуживцемъ, а то, можетъ быть, и шефомъ, Катушкинъ весело растопырилъ руки, оторвалъ какую-то даму отъ ся кавалера, втиснулся со своимъ спутникомъ внутрь и засѣменилъ по полотну грузными неуклюжими ногами. Онъ подергивалъ туловищемъ, стараясь придать фигурѣ молодцеватый видъ, лихо выдвигалъ впередъ то правое плечо, то лѣвое, качалъ головою въ тактъ... И на лицѣ постепенно расплывалась добродушная довольная улыбка, а въ глазахъ, любовно скользившихъ по сосредоточеннымъ фигурамъ партнеровъ, свѣтилась искренняя отеческая радость за благоденствіе новыхъ согражданъ, ниспосланныхъ Богомъ.

ОЗЕРО БУРЬ

Какая прелесть Охридъ! Нѣсколько дней пробыли тамъ и не могли наглядѣться. До сихъ поръ въ глазахъ очарованіе пустыннаго озера, каскады зеленыхъ холмовъ, застывшихъ надъ синью воды, мрачный контуръ албанскихъ горъ съ яркими снѣжными впадинами.

По утрамъ изъ разсвѣтной пепельной мглы поднимается къ нёбу гранями скалъ величавая чаша, — и до вечерней зари кисть неутомимаго воздуха творитъ надъ нею фантастическій вымыселъ. Каждый день до полудня — мирная гладь съ муаромъ нѣжныхъ теченій, дыханіе далекихъ колеблющихся береговъ, игра осколками отраженнаго солнца. И каждый день послѣ полудня — внезапная буря, взметенныя тучи вверху, мутная злоба внизу. И бѣшеная пѣна на губахъ волнъ.

Не бываетъ никогда ни одного паруса. Нельзя — изъ-за бурь.

У берега — неуклюжія туземныя лодки, съ поплавками по обѣимъ сторонамъ въ видѣ вздутыхъ боковъ. Притаились на волнахъ тутъ же, невдалекѣ. И только одна царица Охридскаго озера — моторная баржа «Королевичъ Марко» — владѣетъ этой водной пучиной безъ мѣры въ ширину (30 килом.), безъ конца въ длину (55 килом.), не боится окриковъ вѣтра, громовыхъ тучъ, перекатовъ воды.

Качается, накреняется, вертится, дрожитъ, трещитъ, стонетъ — и все-таки идетъ... Впередъ.

Нужно ли говорить, что баржа эта русская? И капитанъ русскій? И всѣ три матроса — русскіе? А одинъ даже графъ?

По живописной горѣ, увѣнчанной развалинами римской крѣпости, спускается къ озеру городъ. Деревянныя турецкія лачуги, будто плетеныя изъ узкихъ почернѣвшихъ досокъ, висятъ другъ надъ другомъ, глядятъ въ сосѣднія крыши балкончиками на косыхъ прогнившихъ подпоркахъ. Надъ крутыми улицами — наверху тесьма голубого неба; а по бокамъ, въ два и три этажа, черныя окна какъ дыры, и черныя дыры какъ окна, рѣшетки, перила, бѣлье, ковры, панталоны, виноградныя лозы, халаты, цвѣты, кастрюли, метлы, мочала, тряпки, одѣяла... И слышно — шуршатъ внутри: люди, люди и люди. О, глупое соціальное животное человѣкъ... Вѣдь, на десятки верстъ вокругъ пусто!

Даже въ озеро забрались послѣдніе домики. Полощатся въ водѣ позеленѣвшія ступеньки, дрожатъ отъ ласковой волны готовые рухнуть мостки для причала. И бѣдныя дѣти! За желѣзными рѣшетками оконъ видны безкровныя личики — ихъ некуда выпустить. Дворъ изъ четырехъ каменныхъ плитъ, отъ забора до забора распластывается для сушки одна простыня.

Какая прелесть Охридъ! Нѣсколько дней прожили тамъ и не могли наглядѣться. Но, не дай Богъ, застрять здѣсь, пробыть два, три года.

Красота и Жизнь — извѣчные взаимные интриганы.

— Клопы!

Это жуткое слово произнесъ въ 10 час. 25 минутъ вечера въ день прибытія въ охридскую гостиницу Николай Захаровичъ. Онъ стоялъ надъ своею кроватью, отбросивъ вcто-

рону одѣяло и осторожно приподнимая подушку за самый кончикъ, точно боясь, что она взорвется.

— Три, — вздрагивая, продолжалъ онъ. — Пять... Восемь. Еще два!

Мы должны спать вчетверомъ въ комнатѣ: баронъ, профессоръ, Николай Захаровичъ и я. До сихъ поръ почему-то не вспоминали о постеляхъ — сначала мылись, скреблись, затѣмъ внизу, въ гостиницѣ, ужинали. Но теперь такъ хочется лечь! И, полураздѣтые, бѣлые, стоимъ у кроватей въ четырехъ углахъ, всѣ со свѣчами.

— У васъ какъ, баронъ? — спрашиваю, не рѣшаясь поднять одѣяло.

— Есть. Достаточно.

— Опять спать не будемъ!

Я въ отчаяніи. Проклятая слабохарактерность не позволяетъ рѣшиться на обнаженіе постели. Но, съ другой стороны, какая польза оттягивать? Боже, благослови! Сосчитаю до трехъ, дерну...

— Николай! — испуганно восклицаетъ профессоръ. — Ты посмотри, какой экземпляръ!

— А ну?

— Въ жизни не видѣлъ. Двойной. Въ видѣ запонки... Погоди, гдѣ пенснэ?

— Это?

— Ой, не трогай! Ради Бога... Противно!

— Такъ это запонка и есть, Володя.

— Запонка? Не можетъ быть!

Профессоръ удивленно ощупываетъ воротникъ рубахи, наклоняется.

— Въ самомъ дѣлѣ... Моя. Но зато вотъ тутъ, кажется, движется. Движется, Николай?

— Движется.

— Спокойной ночи, господа, — рѣшительно произно-

ситъ баронъ, окончательно разоблачаясь и безстрашно растягиваясь на простынѣ. — Не забудьте потушить лампу на стѣнѣ... Накоптитъ.

Лампу! Онъ думаетъ тушить лампу!

— Неужели не боитесь? — съ жуткимъ любопытствомъ останавливаюсь я возлѣ барона. — Вѣдь, все равно не заснете.

— Засну.

— Но, вѣдь, они сію же минуту набросятся.

— И пусть набрасываются. Я привыкъ за войну. Въ Галиціи иногда кровати чуть сами не двигались, чернымъ-черно... А, вотъ, три дня продежуришь на морозѣ, заберешься въ халупу — постель раемъ покажется.

Баронъ вздохнулъ, закрылъ глаза, сладко потянулся.

— Ну, до утра! Лаку ночь!

Мы съ Николаемъ Захаровичемъ принимаемся за чистку ложа, какъ только умѣемъ. Но профессоръ неожиданно вспоминаетъ про порошекъ, предусмотрительно купленный въ Бѣлградѣ, и становится замѣтно бодрѣе.

— Какъ я могъ забыть? — радостно роется онъ въ саквояжѣ. — Продавщица сказала, что дѣйствуетъ «фино и абсолутно»... Вотъ мы и испробуемъ, какъ это фино. Только гдѣ пакетикъ?

— Можетъ быть, въ Бѣлградѣ вмѣсто какао съ молокомъ выпилъ, — мрачно говоритъ Николай Захаровичъ, начиная крадучись взбираться на кровать. — Съ тобой легко можетъ случиться.

— Оставь... Ну-ка? Телеграмма... Калачеву. Ахъ, Господи, цѣлый мѣсяцъ таскаю. Носки... Заказное письмо въ Парижъ... Огурецъ... Яблоко... Вотъ онъ!

Профессоръ поправляетъ пенснэ, открываетъ мѣшечекъ, аккуратно сыплетъ коричневый порошекъ на края простыни въ видѣ бордюра.

— Погодите, — злорадно бормочетъ онъ, — я вамъ покажу. Тутъ загражденіе... Тутъ... Тутъ... Если вся моя система съ руками и ногами будетъ замкнута въ многоугольникѣ, никто и не доберется...

— Доберется, — замѣчаетъ съ постели Николай Захаровичъ. — Принюхались, канальи, къ такимъ вещамъ.

Профессоръ ложится, тяжело дыша и покашливая отъ ѣдкаго запаха. Ложусь и я. Нѣкоторое время зловѣще молчимъ. У меня такое выжидательное состояніе, какое, навѣрно, бываетъ у свободныхъ американскихъ гражданъ, когда ихъ сажаютъ на электрическій стулъ. Мышцы напряжены. Нервы тоже. Чувствуешь, что неизбѣжное должно случиться. Знаешь, что выхода нѣтъ, что борьба невозможна. И отвратительная рабская покорность, съ презрѣніемъ къ себѣ, съ заглушеннымъ протестомъ къ міру, начинаетъ охватывать душу. Ну, что же! Пусть. Развѣ вся наша жизнь не тѣ же уколы, не то же отвратительное прикосновеніе и ползаніе мелочей? Весь міръ кусаетъ насъ — систематически, надоѣдливо, злобно. И нужно его или пріять, понять и простить, или уйти. Навсегда. Туда, гдѣ нѣтъ ни воздыханій, ни укусовъ, ни отвѣтныхъ почесываній...

— Это недобросовѣстно, — возмущенно поднимается, вдругъ, на постели профессоръ.

— Что, Володя?

— Онъ перелѣзъ! Черезъ загражденіе!

— Я же тебѣ говорилъ. Какой изъ себя? Молодой, должно быть?

— Ого!.. И другой! Нѣтъ, ты посмотри, что дѣлается: они танцуютъ! Кувыркаются! Я не буду спать, Николай... Сбоку, цѣлая цѣпь!..

Порошекъ, дѣйствительно, оказался неважнымъ. Быть можетъ, онъ, въ концѣ-концовъ, и надорвалъ организмъ этихъ негодяевъ, навсегда испортилъ имъ легкія, сдѣлавъ ка-

лѣками. Но какое дѣло профессору до того, что съ ними произойдетъ послѣ? А сейчасъ это ужасно. Точно коты послѣ валеріановыхъ капель, они забѣгали взадъ и впередъ въ вакхически-радостномъ возбужденіи, стали стекаться группами, вести хороводы, созывать конференціи, митинговать, засѣдать...

И какой кворумъ! Какой пленумъ въ надеждѣ поживиться чужимъ добромъ!

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней по пріѣздѣ въ Охридъ руководители нашей экскурсіи назначили поѣздку въ монастырь св. Наума на албанской границѣ. Въ поѣздкѣ приняла участіе почти вся охридская русская колонія. Къ восьми часамъ утра на такъ называемую пристань, гдѣ гордо покачивается на ровной водѣ моторная баржа, стали стекаться экскурсанты и охридскія русскія семьи. Пришла одной изъ первыхъ русская женщина-врачъ, дѣловито неся въ рукахъ огромную кастрюлю съ винегретомъ; явилась съ родителями институтка Ася, уже покорившая сердце одного изъ экскурсантовъ. Привела одна дама и двухъ малолѣтнихъ славныхъ дѣвочекъ, которыя должны были радоваться тому, что ихъ взяли, но которыя почему-то испугались и начали горько плакать, увидѣвъ нашего предсѣдателя.

Среди всей этой оживленной толпы русскихъ, я чувствую себя отвратительно. Четыре дня не брился, на подбородкѣ выросло что-то вродѣ шиповника; приличнаго костюма изъ Бѣлграда не захватилъ, одна пижама только; и вдобавокъ — на головѣ дурацкая черная албанская шапочка. Обидно. Хорошо еще, если публика читала мои статьи въ газетѣ и знаетъ, что я — умный. Ну, а кто не читалъ? Какъ держаться съ такими?

Я стою на пристани всторонѣ отъ всѣхъ, предаваясь

горькому чувству. И, вдругъ, со страхомъ вижу, что ко мнѣ приближается одна изъ незнакомыхъ охридскихъ дамъ.

— Простите... Вы мсье...

Она называетъ фамилію.

— Д..да.

— Какъ я рада! Букетова... Ахъ, если бы вы знали, какое удовольствіе доставляютъ мнѣ ваши фельетоны! Не повѣрите!

— Хм... Хо! Отчего же...

Я чуть-чуть веселѣю, пріобадриваюсь: тщеславенъ! Чтобы рубашка падала подъ поясомъ элегантнѣе, стараюсь втянуть въ себя животъ. И продвигаю по лицу интересную загадочную улыбку: Толстой, вѣдь, тоже чертъ знаетъ какъ одѣвался. А восхищались.

— Такъ пріятно, знаете, хоть немного поговорить со знаменитостью, — вздыхаетъ Букетова, съ грустью окидывая взглядомъ небо, озеро и кончикъ своего носа, чтобы опредѣлить, нужно ли пудриться. — А живя здѣсь, вы понимаете, такъ трудно дождаться пріѣзда замѣчательныхъ личностей!

— Да, пожалуй... — скромно соглашаюсь я. — Охридъ, вѣдь, всторонѣ. Ну, и намъ не приходится, того... ѣздить.

— Какъ вы удивительно это сказали: всторонѣ. Дѣйствительно — всторонѣ! А я, вы знаете, представляла васъ совсѣмъ другимъ! Совершенно другимъ!

Я блѣднѣю. Втягиваю себя еще болѣе внутрь. Граціозно наклоняю корпусъ впередъ.

— Какимъ же? Разрѣшите узнать?

— Я думала вы высокій. Худой. Тонкое узкое лицо, обрамленное волнистыми сѣдыми волосами, пенснэ, римскій носъ и маленькая бородка. Буланже. И затѣмъ вы совсѣмъ молодой! Я думала вамъ лѣтъ на тридцать больше! По крайней мѣрѣ!

— Да? Хе-хе... А что: несвязно пишу, или какъ?

— Что вы! Несвязно! Удивительно, какъ у васъ въ головѣ сейчасъ же возникаютъ яркіе образы! Нѣтъ, не несвязно, а наоборотъ: разумно. Удивительно разумно. Чувствуется, что пишетъ совершенно зрѣлый человѣкъ, опытный, знающій... И я бы прибавила, изящный. Такой... суанье!

Куда мнѣ дѣться съ пижамными панталонами и албанской шапочкой? Невыносимо! А она продолжаетъ:

— Конечно, мы, русскіе, живемъ всѣ въ мирѣ, не ссоримся, и это понятно: у насъ, вѣдь, нѣтъ предсѣдателя! Вообще общество очень милое, интеллигентное. Но дѣло въ томъ, что мы другъ друга всѣ хорошо уже знаемъ. Насквозь знаемъ! Не нужно, понимаете, даже говорить — соберемся иногда вмѣстѣ, сидимъ, молчимъ, и всѣ догадываются уже, въ чемъ дѣло. А развѣ можно долго жить безъ свѣжихъ мыслей? Безъ струй? Запросовъ у насъ нѣтъ — вотъ что ужасно: никакихъ запросовъ, представляете?

— Это, дѣйствительно, того... непріятно, — сочувственно киваю я. — Безъ запросовъ! А, можетъ быть, все-таки, иногда есть, а?

— Никакихъ! Абсольманъ рьенъ. Вотъ раза два экскурсію на Наумъ устроимъ — и только. А развѣ Наумъ можетъ компенсировать? Нѣтъ, нѣтъ, вы обязательно должны что-нибудь разсказать. Высказать мнѣніе... Вы не думаете прочесть у насъ лекціи? Доклада какого-нибудь? Какъ, по-вашему, скоро падутъ большевики? А во Франціи — какъ? У меня тетя тамъ, между прочимъ, но Эрріо такъ странно ведетъ себя! Было бы отлично, если бы большевики напали на Польшу, а Франція на Германію, все-таки кое-что выяснилось бы, а то даже удивительно какъ-то: всѣ другъ друга боятся, никто ничего не начинаетъ, и только конференціи, однѣ конференціи. Кромѣ Охрида, вездѣ, кажется, были. А вы развѣ вѣрите въ конференціи? Нѣтъ, нѣтъ! Какъ я рада, что позна-

комилась! Вѣдь, вотъ поговоришь съ вами, узнаешь компетентное мнѣніе, и сразу становится легче на душѣ. Яснѣе!

Посадка на баржу началась. Взобрались на бортъ дамы, дѣти, экскурсанты; разставивъ безпомощно руки и судорожно хватаясь за канатъ, прошелъ на носъ по узенькой доскѣ, перекинутой черезъ трюмъ, предсѣдатель. И наши офицеры-матросы, въ широкихъ синихъ курткахъ и брюкахъ, забѣгали съ дѣловымъ видомъ, возясь съ канатами, спускаясь въ машинное отдѣленіе.

— Иванъ Николаевичъ, готово!

— Гзззз... Гзззз... — отвѣтилъ снизу стихами Маяковскаго моторъ. — Пахъ-пахъ!

— Графъ, отдайте конецъ!

— Есть!

— Прошу публику пройти на корму! Носъ слишкомъ погруженъ! Софья Михайловна, пожалуйте назадъ... Шурочка, не кидайте косточки въ слуховую трубу, развѣ вамъ мало озера? Иванъ Николаевичъ, задній ходъ!

— Тра-та-та-та-тррр... Бухъ! Та-та-та-та. Трахъ-ахъ! Рррр...

Нервно вздрагивая и раскачиваясь, баржа отчаливаетъ. Завершивъ на глазахъ у благоговѣйныхъ жителей крутой поворотъ, мы гордо выходимъ въ открытое озеро.

Хлѣбосольная женщина-врачъ уже раскрыла кастрюлю и угощаетъ желающихъ винегретомъ. Сдѣлавъ себѣ изъ бумаги мѣшечекъ, предсѣдатель ѣстъ изъ него винегретъ дамской шпилькой и разспрашиваетъ матроса, глядя вдаль:

— А Наумъ виденъ отсюда?

— Да. Вонъ, тамъ... Бѣлѣетъ.

— Ага. А тотъ весь берегъ — албанскій?

— Нѣтъ. За Наумомъ сейчасъ же, гдѣ желтое, албанскій. Но вотъ тутъ, направо, опять уже нашъ.

— То-есть, какъ нашъ?

— То-есть, сербскій, конечно.

— Ага. А это что? Правѣе Наума. Деревня? А?

— Это албанскій городъ. Подградецъ.

— Городъ? Ахъ ты... картофель въ воду! Такъ вы говорите — Подградецъ? Русскіе живутъ тамъ?

— Есть кое-кто. Наши винокуренный заводъ въ Подградцѣ открыли... До этого во всей Албаніи не было ни одного. И хорошо работали. Но потомъ перессорились, дѣло развалилось... Сейчасъ одинъ только русскій со своей женой остался.

— Ага. Жалко. А въ Албаніи вы бывали? Внутри?

— Бывалъ.

— Интересно? Эге, да тутъ, въ мѣшкѣ, дыра, потому и льется... Дикія мѣста все, а?

— Да какъ вамъ сказать... Конечно. Албанцы, собственно говоря, живутъ преимущественно Америкой. Уѣзжаютъ туда, сколачиваютъ небольшія состоянія и возвращаются, или деньги высылаютъ. Я познакомился съ однимъ: двадцать лѣтъ пробылъ въ Америкѣ, совсѣмъ янки по виду. Недавно оттуда пріѣхалъ, построилъ въ Тиранѣ шикарный домъ, а самъ теперь спитъ на полу и ѣстъ на полу. Обычаи соблюдаетъ.

— Скажите пожалуйста! Вотъ дуракъ. А къ русскимъ хорошо относятся?

— О, да. Я нѣсколько дней въ повозкѣ черезъ перевалъ ѣхалъ — никто не тронулъ, наоборотъ: по-турецки или по-французски всегда говорятъ «русъ-якши, бонъ». Былъ, напримѣръ, такой случай. Во время поѣздки ночью вижу — за холмомъ зарево. Спрашиваю возницу: кеске-се? Онъ кое-какія французскія слова зналъ... Но вмѣсто отвѣта, вижу, тычетъ пальцемъ, дѣлаетъ видъ, будто что-то прокалываетъ. «Ла герръ?» — спрашиваю. «Нонъ, нонъ». «Энсанди?» «Нонъ!» И, наконецъ, видно, вспомнилъ: «Албанезъ манже!» Что это за албанезъ манже, я никакъ не могъ понять, пока

не перевалилъ холмъ. Оказывается — внизу костровъ двадцать, сидятъ вокругъ албанцы и на огромныхъ вертелахъ жарятъ барановъ. Увидѣли меня, остановили, а когда узнали, что русъ, заставили ужинать вмѣстѣ.

— Нда, — задумчиво произноситъ предсѣдатель, выбрасывая за бортъ пустой мѣшечекъ и обтирая подъ пиджакомъ объ жилетъ руки. — Вездѣ хорошо относятся, а житья нѣтъ. И когда это кончится: русъ — якши, русъ — бонъ, русъ — добро, русъ — гутъ, русъ — гудъ? Охъ, Господи!

ГРОЗА

У самаго южнаго края Охридскаго озера на скалистомъ массивѣ стоитъ монастырь св. Наума. Храмъ изъ камня, точно продолженіе скалъ, вокругъ — тяжелыя стѣны монастырской ограды, и по обѣ стороны склонившійся къ подножью лѣсъ, ущелье Чернаго Дрима, суровыя горы за нимъ.

Безпощадная иронія исторіи не оставила безъ своей гримасы и это священное мѣсто. Какъ оказывается, особеннаго благополучія монастырь Наума достигъ въ эпоху владычества турокъ. Грабя православное населеніе, турки смиренно являлись сюда, просили у христіанскаго Бога помощи и отдавали Ему часть награбленнаго достоянія христіанъ. Въ этомъ не было, конечно, ни кощунственной насмѣшки, ни низкаго желанья задобрить чужого Бога. Просто врожденная восточная честность подсказывала грабителямъ, что ту долю, которую христіане должны были удѣлять изъ своего имущества на Божій домъ, нужно обязательно отдать по назначенію; и тогда остальнымъ награбленнымъ можно распоряжаться уже съ чистой совѣстью, съ чувствомъ исполненнаго священнаго долга.

Это, какъ будто, необычная логика... Да. Но развѣ европейцы хотя бы въ такой турецкой пропорціи воздаютъ «божіи — Богу»? Судя по пріобрѣтенію краденой церковной утвари изъ совѣтской Россіи, — увы!

Игуменъ приглашаетъ насъ отобѣдать у него въ монастырской трапезной. Обѣдъ будетъ въ двѣнадцать часовъ, а теперь десять. Разбившись на группы, мы спускаемся къ пляжу. Здѣсь ровная чистенькая дорога, обсаженная деревьями, пологій, уютный берегъ. Какъ будто, европейскій заглохшій курортъ, а не граница съ дикой Албаніей.

Обсудивъ технику предстоящаго купанья, публика начинаетъ расходиться въ разныя стороны. Я спускаюсь на мелкій гравій, у самой воды, смотрю, какъ движутся у края прозрачные языки волнъ, сообщающіе берегу невинныя албанскія сплетни. Сзади экскурсанты хрустятъ пескомъ и камнями.

— Вы любите волны? — слышится голосъ Букетовой.

— Да, — мягко отвѣчаетъ профессоръ-математикъ. — Я въ университетѣ два года спеціальный курсъ о волнообразномъ колебаніи читалъ.

— Вѣдь, волны — жизнь. Неправда-ли? Все въ мірѣ — волны. И нѣтъ возможности найти общій законъ для нихъ — буря, лепетъ, злоба, радость... Все такъ разнообразно!

— Собственно волны бываютъ или поперечныя или продольныя, — деликатно поясняетъ профессоръ. — Но, конечно, вы правы. Интерференція, различіе амплитудъ, фазъ. Все это осложняетъ картину...

А недалеко отъ меня, на камняхъ, одинъ изъ экскурсантовъ ведетъ съ дамой грустную бесѣду о смыслѣ жизни. О, неисправимый русскій интеллигентъ! Опять! Сколько умныхъ мыслей ты высказалъ уже о жизни, и какъ мало умной жизни оказалось въ твоихъ мысляхъ!

Мы лѣниво лежимъ на пескѣ возлѣ устья Чернаго Дрима. Солнце царитъ. Воздухъ смирился. И только его знойная дрожь мутитъ, колеблетъ далекій берегъ.

На насъ ничего нѣтъ, кромѣ шляпъ. Впрочемъ, у про-

фессора на носу впридачу пенснэ. Долгое время молчимъ. Лѣнь говорить, лѣнь думать, даже въ воду идти лѣнь... Со стономъ удовлетворенія профессоръ переворачивается со спины на грудь, поправляетъ пенснэ, блаженно смотритъ въ даль озера.

— Николай...

— Ну?

— Это Албанія тамъ?

— Да.

— А здѣсь?

— Сербія.

Молчаніе. Волны плещутъ. Какая-то рыба взметнулась въ воздухъ, грузно шлепнулась, оставила кольца.

— Николай...

— А?

— А Албанія развѣ не сербская теперь?

— Нѣтъ.

— А чья?

— Ничья. Своя.

— Суверенная?

— Не иначе.

Молчаніе. Какъ пышетъ жаромъ песокъ! И какъ ослѣпительны скалы!

— А Тарнополь сейчасъ чей, Николай? Чехословацкій?

— Польскій, навѣрно.

— Польскій... А Черновицы?

— Румынскія.

— Обожгло, кажется... Горитъ. Какъ трудна стала географія! Ты можешь назвать теперешнія границы въ Европѣ, Николай?

— А ну ихъ къ черту!

Послѣ купанья обязательно нужно выстирать косоворотку, которую я уже четвертый день ношу, не надѣвая подъ нее

ничего. Время, конечно, терпитъ. Солнце горячее — высохнетъ быстро. Нѣсколько разъ мы втроемъ вылѣзаемъ на берегъ, ложимся, идемъ снова въ озеро, опять ложимся.

— Какъ вода? — слышится бодрый голосъ сзади. Къ намъ подходятъ наши офицеры — матросы съ баржи. На ходу раздѣваются, шумно бросаются въ воду. И потомъ располагаются на пескѣ, рядомъ.

— Вы какого полка?

— Александрійскій гусаръ.

— Галлиполіецъ?

— Да...

Онъ разсказываетъ затѣмъ. Грустно, но просто, безъ жалобы. И подробно — вѣдь, такъ рѣдко видитъ своихъ! До послѣдняго времени служилъ въ пограничной стражѣ. Нашихъ было много по всей границѣ. Отъ Гевгели до Битоля — ингерманландцы, въ районѣ Ресани — новгородскіе драгуны, у Охрида — александрійцы — «безсмертные», у Струги — одесскіе уланы... Какъ жилось? Тяжело. Ихъ «чета» была расположена здѣсь, въ горахъ. Раздѣлялись на 9 карауловъ, на разстояніи 3 километровъ другъ отъ друга. Ночевали въ полуземлянкахъ, сооруженныхъ собственными руками изъ бревенъ и камня, пищу получали на лодкѣ изъ Струги, зимой бывали отрѣзаны. Изрѣдка случались, конечно, перестрѣлки. Но большей частью — тихо. Тоска. Лѣтомъ грозы и ливни, зимой навалившійся на землянку снѣгъ, занесенныя тропы. И ничего ни откуда. Что на свѣтѣ? Что въ Россіи? Кто что дѣлаетъ? Скоро ли возвращеніе?

Когда нѣтъ мыла, бѣлье хорошо стирать, протирая его чистымъ прибрежнымъ пескомъ. Я продѣлалъ такъ раза два, всполоснулъ и разложилъ рубашку на солнцѣ. Черезъ десять минутъ будетъ готово. Но что это?..

— Куда вы? Полковникъ!

— Бѣгу... На баржу... Буря сію минуту!

Полковникъ-матросъ схватываетъ съ песка поясъ, мчится на пристань. Тамъ, на албанской сторонѣ, дѣйствительно, что-то неладно: дымятъ ущелья. Изъ-за ближайшей горы показалась одутловатая туча, посмотрѣла на озеро, сверкнула молніей, полѣзла къ солнцу. И черезъ нѣсколько секундъ помутившееся небо пробурчало вверху:

— Гр... гр... грppo...

— Скорѣе, Володя! — торопливо одѣвается Николай Захаровичъ. — Шквалъ надвигается. Видишь?

— Погоди... Гдѣ мой носокъ? Потерялъ носокъ, Николай!

Профессоръ безпомощно вертится на мѣстѣ, смотритъ по сторонамъ, шаритъ глазами.

— Какой носокъ?

— Второй!

— Да оба же у тебя на ногахъ!

— Оба? Въ самомъ дѣлѣ!.. Оба. Но какъ мы теперь вернемся въ Охридъ? Неужели ночевать придется?..

Они уже одѣлись, зашнуровали ботинки. А я сижу, широко раскрывъ глаза, и смотрю съ ужасомъ на рубаху.

— Не высохнетъ!

Да и гдѣ высохнуть? Солнце покрылось мутной вуалью. Еще минута — мохнатое животное, ползущее по небу, совсѣмъ потушитъ огонь. А вблизи уже качнулись вершины тополей возлѣ дороги... Взвилась пыль... Бѣлый столбъ...

— Господа! Подождите меня!

— Чего же не одѣваетесь? Живенько!

— Рубашка мокрая! Не могу!

Хочется плакать. Зачѣмъ съ нами поѣхали дамы? Всегда осложняютъ путешествія!

Вѣтеръ ударилъ по уху свистящей пощечиной. Толк-

нулъ туловище, дернулъ одну ногу, другую, и, сорвавъ съ головы албанскую шапочку, понесся съ нею къ Галичицѣ. Обыкновенно, когда въ многолюдныхъ городахъ мнѣ приходится по улицамъ гоняться за шляпой, я всегда снисходительно улыбаюсь, будто выигралъ небольшой кушъ въ лотерею. Но буду я еще улыбаться на берегу Охридскаго озера! Съ бранью и криками бѣгу по песку, бросаю вдогонку въ шапку камнями, стараюсь забѣжать впередъ. И когда, злобно пристукнувъ ее каблукомъ, беру въ руки, держу крѣпко, точно хищную птицу, и возвращаюсь назадъ — рубашки нѣтъ.

Среди тревожныхъ волнъ и вспѣненныхъ барашковъ замѣчаю, наконецъ, у берега ея уродливо вздутую спину, безпомощно разбросанныя руки утопленника. Подхожу къ водѣ, вылавливаю, горестно смотрю вдаль и снова ударъ:

Впереди, по озеру, треща моторомъ, проносится наша баржа. Ее уводятъ сюда, въ камыши, гдѣ не угрожаетъ опасность разбиться. Но вмѣстѣ съ нею рушится послѣдняя надежда:

Увезли пальто!

Послѣ обѣда капитанъ заявляетъ, что если буря въ продолженіе двухъ часовъ не пройдетъ, намъ придется заночевать: баржу опасно выпускать въ такую погоду. Признаковъ уменьшенія бури, однако, нѣтъ. Въ окно трапезной, гдѣ мы сидимъ по окончаніи обѣда, видно озеро. И что дѣлается! Внизу, подъ стѣнами, скалы точно схватились въ рукопашную со взбѣшенной водой. Грохотъ камня, фонтаны, пѣна, брызги, за ними — въ безпорядкѣ гребни, зеленая мрачная даль, вся въ дрожащихъ цвѣтахъ, бѣлыхъ, пушистыхъ.

А внутри трапезной — жужжаніе голосовъ, дѣтскіе выкрики, звонкій смѣхъ. Всѣ о чемъ-то говорятъ, разбились на группы. Генералъ — о кругосвѣтномъ плаваньи, о Цейлонѣ. Преподаватель Левъ Михайловичъ — объ общественныхъ

идеалахъ въ исторіи. Художники спорятъ: одинъ ли мастеръ расписывалъ храмъ, или ихъ было три? А предсѣдатель ведетъ съ одной изъ охридянокъ мистическую бесѣду о спиритизмѣ.

Я давно замѣчалъ, что нашъ предсѣдатель питаетъ къ спиритизму особую слабость. Человѣкъ онъ высокообразованный, профессоръ, писатель; ему, слава Богу, отлично извѣстно, какъ отвѣтственна связь міровъ посюсторонняго и потусторонняго. А, вотъ, увидитъ дрянной трехногій столъ съ покоробившейся крышкой и теряетъ самообладаніе. Почему у нихъ, у спиритовъ, обязательно столъ? Мнѣ всегда вчужѣ обидно за Наполеона, Александра Македонскаго, Помпея. Прославиться, прогремѣть, завоевать чуть ли не полъміра... И потомъ забраться въ территорію жалкаго столика, вертѣться на одной ногѣ, постукивать. Стоило ли для этого жить? А въ особенности — умирать?

— А вы кѣмъ были? — допытывается у охридянки предсѣдатель.

— Куртизанкой. Во времена Нерона.

— Въ самомъ дѣлѣ? Хорошо помните детали?

— О, да. Часто вспоминается, напримѣръ, пиръ... одинъ. Я, вся въ бѣломъ... Въ вѣнкѣ... Въ рукѣ бокалъ... А сбоку возлежитъ Сенека.

— Влюбленный, или такъ?

— Неравнодушный... Немного. Въ этотъ вечеръ, какъ разъ познакомилась впервые съ Нерономъ. Нѣсколько разъ подходилъ, шутилъ, разговаривалъ...

— Сами тогда скончались? Или насильственно?

— О, не вспоминайте. Конечно, насильственно.

— Да, что ужъ подѣлаешь... Такія времена были. Распяли, должно быть?

— Нѣтъ. Хуже. Звѣрямъ бросили.

— Эхъ-хе, — вздыхаетъ предсѣдатель. — Много есть,

другъ Горацiо, и такъ далѣе... А знакомыхъ изъ римскаго перiода встрѣчаете теперь, въ этой жизни?

— Одного только мелькомъ видѣла. Давно, въ Петербургѣ... На Невскомъ прошелъ мимо и скрылся. Въ формѣ почтово - телеграфнаго чиновника. Раньше, помню, звали Маркъ Публiй Порцiй. А какая сейчасъ фамилiя — неизвѣстно.

Еще не высохшая рубашка заставляетъ меня держаться всторонѣ отъ дамъ. Смотрю сначала въ окно на бурю, затѣмъ разсматриваю «Страшный судъ» на стѣнѣ. Какая македонская наивность въ символикѣ! Лежитъ господинъ на кровати, умираетъ, какъ видно. Вокругъ пустыя бутылки, сласти, фрукты, соблазнительныя женщины... Все, что было раньше, при жизни. А теперь дѣло дрянь: драконъ выпустилъ когти, норовитъ вырвать глазъ; крокодилъ схватилъ зубами одѣяло, подобрался къ ногѣ; черти стоятъ поодаль, щелкаютъ челюстями, ожидая момента выхода души изъ тѣла...

Какого вѣка картина? Византiйская? Ренессансъ? Написано яркими красками... Какъ будто, даже напечатано. Ба! Неужели? «Сытинъ. Москва. Дозволено духовной цензурой».

Сытинскiй страшный судъ приводитъ въ радостное прiятное настроенiе. Отхожу, умиленный, отъ грѣшника къ играющимъ въ углу дѣтямъ, хочу приласкать малышей, позабавить.

— Тебя какъ зовутъ?

— Володя...

Онъ смотритъ на меня снизу пытливо, раскрывъ любознательный ротъ.

— Хочешь, покажу тебѣ фокусъ?

— Хоцю!

— Ну, такъ вотъ... Принеси мнѣ со стола ножикъ, и я тебѣ отрѣжу ухо.

— Н... нѣтъ!

Лицо его сразу вытягивается. Нижняя губа отвисаетъ.

— Какъ нѣтъ? Тащи. Сначала отрѣжу, а потомъ приставлю. И больно не будетъ.

— Н...нѣтъ... Не хоцю...

— Ну вотъ еще: не хоцю! Я тебѣ гарантирую, что ухо приростетъ, когда скажу «три». Не бойся.

— Н...нѣ...

Онъ смотритъ по сторонамъ, гдѣ мама. Глаза усиленно моргаютъ. Подъ носомъ что-то сверкнуло влагой.

— Ну, не хочешь принести, я тогда самъ. Подожди-ка минутку... Сейчасъ.

— Ааааа!

Отвернувшись всторону отъ взглядовъ сердитой мамаши, у которой въ колѣняхъ бьется ревущая голова, я виновато сажусь за столъ и грущу: какъ, въ общемъ, трудно завоевывать дѣтскія души! Я-то, правда, никогда не имѣлъ съ ними дѣла. Въ Россіи даже недолюбливалъ: мѣшали работать. Но теперь, въ бѣженствѣ, когда кругомъ вся Европа мѣшаетъ, что можетъ прибавить своимъ крикомъ малышъ?

Черезъ полъ-часа онъ снова одинъ. Сидитъ въ углу, мирно раскладываетъ обрывки бумаги.

— Володенька!

Поворотъ головы. Страшный испугъ:

— Аааа!..

— Хочешь прозрачный камешекъ? На, возьми!

— Аааа!..

— Ну, иди, я разскажу тебѣ сказку... Про чертика.

— Ааааа!

— Ду—ракъ!

Чтобы отомстить Володѣ и заставить его пожалѣть о пренебреженіи ко мнѣ, я собираю вокругъ себя другихъ дѣтей и объявляю, что буду разсказывать македонскія сказки.

— Только чтобы было очень страшно, хорошо? — проситъ Шурочка.

— Про большевиковъ, — солидно добавляетъ Вася.

— Я разскажу вамъ легенду о томъ, почему на Охридскомъ озерѣ каждый день бываетъ буря, — медленно начинаю я, напряженно стараясь въ эту минуту создать для Македонiи народный эпосъ. — Дѣло, видите ли, въ томъ, что... въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ... Между небомъ и землей...

— Въ Константинополѣ? — подсказываетъ Миша.

— Нѣтъ, не въ Константинополѣ, а здѣсь, возлѣ озера, на землѣ, жилъ старикъ въ одномъ селѣ. И кромѣ того, три дѣвицы подъ окномъ пряли поздно вечеркомъ.

— Ну? — заинтересовывается Шурочка. — Дальше?

— Ну, и вотъ, — бодрѣе продолжаю я, придумавъ, наконецъ, тему, — ну, и вотъ, пока этотъ старикъ жилъ, и три дѣвицы пряли, около озера на вершинѣ горы Галичицы стоялъ огромный преогромный прозрачный замокъ, въ которомъ обитала прекрасная фея. Красота этой феи была удивительная: лилейная шейка, коралловыя губки, жемчужные зубки, атласная кожа, шелковистые волосы... И богата она была такъ, что ни словами сказать, ни перомъ описать, а опредѣлить можно только въ отдѣленiи статистики: и кукуруза у нея была, и пшеница, и рожь, и овесъ, и черешни, и груши, и яблоки...

— И апельсины?

— Нѣтъ, апельсинъ не было. Не перебивай. Фея славилась, однако, вокругъ не только какъ богатая и красивая невѣста. Она была также очень хорошая, трудолюбивая хозяйка. Всѣ окрестные жители знали: если съ горы поднимаются облака, и тучи застилаютъ небо, значитъ, фея готовитъ во дворцѣ обѣдъ. Протянется по небу радуга, значитъ, фея стираетъ бѣлье, скоро будетъ развѣшивать простыни. Бѣгутъ съ

Галичицы весенніе мутные ручьи, это фея моетъ во дворцѣ полы...

Прослышали, наконецъ, про прекрасную фею, про ея красоту, про богатство, про хозяйственныя качества четыре витязя на югѣ, сѣверѣ, востокѣ и западѣ. Звали ихъ — Махмудъ, Милошъ, Стоянъ и Ахметъ. Осѣдлали витязи коней, опоясались мечами и отправились.

— Будь моею, о, фея! — сказалъ подъ сѣвернымъ окномъ дворца красавецъ Милошъ. — Я тебя буду лелеять и холить, буду заботиться, любить, защищать. Ты согласна выйти за меня, о, прекрасная?

— Согласна, — отвѣчала фея.

— Фея, фея, — говорилъ подъ восточнымъ окномъ страстный Стоянъ. — Я безъ тебя не могу жить! Днемъ и ночью, и послѣ обѣда, я всегда вижу тебя во снѣ! Будь моею, о, фея! Будь моею женою, прелестная!

— Отчего же... — сказала фея.

— У меня въ гаремѣ много фей, — восклицалъ подъ южнымъ окномъ горячій Махмудъ. — Но такой феи, какъ ты, не найти днемъ съ огнемъ, съ фонаремъ! Ты будешь моею, неправда ли, о, звѣзда востока и запада и меридіана?

— Буду!

И въ отвѣтъ на свои любовныя рѣчи Ахметъ тоже получилъ изъ западнаго окна отвѣтъ:

— Да.

Что было дѣлать четыремъ женихамъ-витязямъ? Слѣзли они съ коней, потолковали, какъ слѣдуетъ, и рѣшили сразиться. Сначала попарно, потомъ трое противъ одного, затѣмъ одинъ противъ трехъ, наконецъ — одинъ на одинъ. Долго дрались они — десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, пятьдесятъ лѣтъ... Непрерывно шли бои подъ дворцомъ, а прекрасная фея си-

дѣла у окна, проводя безсонныя ночи, ожидая исхода. Восходило, заходило солнце. Весна смѣняла зиму, лѣто весну. Годъ одинъ — годъ другой. Опухли отъ безсонницы глáза феи, слезы струились, катились въ равнину, образовавъ Охридское озеро. И, наконецъ, побѣдилъ всѣхъ храбрый Милошъ, вошелъ во дворецъ, сталъ вѣрнымъ защитникомъ-мужемъ.

— Все? — разочарованно спросила Шурочка. — А почему вѣтеръ дуетъ?

— А вотъ, когда фея успокоилась, наконецъ, ей захотѣлось отоспаться за всѣ безсонныя ночи. Спитъ она теперь глубоко, непрерывно, спитъ круглыя сутки. Но каждый день тревожатъ страшные сны. Загремитъ гдѣ-нибудь въ горахъ громъ, а ей кажется, что опять сраженіе началось. Вылетаетъ изъ дворца, дрожащая, пугливая, съ криками вѣтра, въ тучахъ-одеждахъ. И мятется надъ озеромъ, пока совсѣмъ не пробудится. И улыбается, вдругъ... И возвращается...

— Господа! Черезъ полъ-часа отъѣзжаемъ! — слышится громкій голосъ капитана баржи.

А Шурочка смотритъ въ окно и восклицаетъ:

— Совсѣмъ ясное небо, смотрите! Солнце!

Около пяти часовъ вечера баржа отчаливаетъ отъ пристани святого Наума. Среди новыхъ пассажировъ — игуменъ, который ѣдетъ въ Охридъ, и плѣнный албанецъ, конвоируемый двумя жандармами. Точнѣе говоря, это не плѣнный. Натворивъ что-то у себя на родинѣ, онъ просто перешелъ безъ документовъ границу, былъ арестованъ и теперь препровождается въ городъ. Видъ у албанца гордый, мрачный. Надъ горбато-изогнутымъ носомъ — зеленые пронзительные гла-

за; губы сжаты, на загорѣломъ красивомъ лицѣ, какъ будто, складки презрѣнія.

Бояться ему, конечно, нечего. Но къ чему гордиться? Эти горные народы удивительно похожи другъ на друга: всегда подчеркнутое чувство собственнаго достоинства, даже когда собираются грабить. И какое вліяніе природы на походку, осанку! Равнинные жители передвигаются чуть-чуть вразвалку, покачиваясь. А они, горцы, точно пружинные. Каждый шагъ — нѣчто исторически важное. И выраженіе лица — будто не земля терпитъ человѣка, а человѣкъ землю.

Святой Наумъ далеко. Сливается постепенно монастырь съ сѣрымъ берегомъ. Наверху небо прояснилось, но албанскія горы затянуты мглою, и надъ Галичицей ходятъ туманы, строя дворцы, создавая чудовищъ. Солнце склонилось. Заслоненное тучей, расплавляетъ края, поднимаетъ вверхъ огненный вѣеръ, пытается освободиться отъ мрачной фіолетовой маски. И на охридской сторонѣ посинѣли лѣса, почернѣлъ камень скалъ.

Что это такое? Я встревоженъ: было такъ тихо, спокойно. И, вдругъ, пахнуло вѣтеркомъ. Холоднымъ, порывистымъ.

— Свѣжѣетъ! — радостно проговорилъ, растянувшись на канатахъ, фотографъ. — Хорошо было бы немного потрепаться, а? Вы любите качку?

— Такъ себѣ...

Отвѣчаю небрежно, презрительно, съ выраженіемъ лица какъ у арестанта-албанца. Но встревоженный взглядъ впивается въ вершины Галичицы. Тамъ, какъ будто, что-то готовится подлое. Забинтовались густымъ слоемъ ваты отдаленныя скалы; сюда ближе, къ Охриду, изъ-за горы тяжело выползла мохнатая морда, перевалилась одна лапа, другая, ог-

ромный бѣлый медвѣдь, распластался вверху, раздавивъ деревья и камень. А за нимъ — другой, третій... Безконечное стадо.

— Шляпа! Ой!

Предсѣдатель схватываетъ ее налету, плотно водворяетъ на голову. А вѣтеръ — какъ бѣшеный. Одна, двѣ минуты — и сразу: вой, свистъ, пѣна въ водѣ.

— Шурочка, гдѣ ты? Шура!

— Иванъ Николаевичъ! Возьмите Володю!

— Ай! Аа-аа!..

— Господа! — кричитъ въ мощный рупоръ, составленный изъ двухъ ладоней, капитанъ. — Рекомендую сойти въ трюмъ!

— Маруся, спусти ноги. Я подхвачу! — слышится снизу, изъ трюма.

— Не хочу... Здѣсь свободнѣе.

— Маруся... Я тебѣ говорю...

— Оставь, пожалуйста!

Я никогда не предполагалъ, что на такомъ сравнительно небольшомъ озерѣ вѣтеръ можетъ организовывать такія огромныя волны. Вокругъ нѣтъ воды — уже снѣжныя горы. Заходящій солнечный дискъ кровавитъ бѣлую пѣну, дѣлитъ волны на склоны — лиловые, розовые. Все вокругъ — въ хаосѣ звуковъ и красокъ: синій гулъ на горахъ, голубой свистъ въ прорывахъ на небѣ, багровое солнце, зеленые рокоты...

Чертъ возьми, куда лѣзетъ баржа! Какъ обезумѣвшая... Вверхъ, вверхъ, вверхъ... Довольно! Внизъ? Внизъ?

— Бу-бухъ!

Ударъ, точно бревномъ о бревно. Фонтанъ отъ носа къ кормѣ, черезъ все: руки, головы, ноги. Визгъ мотора. И опять вверхъ, вверхъ, вверхъ... Опять внизъ, внизъ... Каждый разъ громовые удары:

— Бухъ...

И сердце гдѣ-то подъ мокрымъ пальто въ отвѣтъ — скромное, сжавшееся:

— Тукъ-тукъ! Тукъ-тукъ!

Постепенно всѣ мы, даже самые упрямые, забираемся въ трюмъ. Здѣсь, внутри, какъ сельди во время улова. Дѣтскій плачъ, шипящіе звуки промокшихъ дамъ, мрачное гудѣніе мужей. Конвоиры-жандармы закурили вмѣстѣ съ албанцемъ, о чемъ-то мирно бесѣдуютъ. Не свести ли съ арестантомъ знакомство на случай, если моторъ забастуетъ и баржу отнесетъ къ албанскимъ берегамъ? Протекція — великая вещь, даже во время кораблекрушенія. Познакомиться слѣдовало бы, если бы только не то, что онъ самъ оттуда бѣжалъ. Отчего бѣжалъ? А, вдругъ, я окажусь другомъ политической партіи, которая побѣждена? А если это — кровавая месть, и за мной начнетъ, вдругъ, охотиться цѣлый албанскій родъ?

Богъ съ нимъ. Погибать, такъ погибать. Все равно. Моторъ даетъ перебои. Мы не выберемся, ясно. До Охрида столько же осталось, сколько проѣхали. А буря усиливается. Вотъ:

— Ба-бахъ! Уууу... Шшш...

Да, глупо тонуть въ чужомъ негостепріимномъ озерѣ. Идіотство. То ли дѣло въ своемъ тихомъ пруду, въ имѣніи, возлѣ родного дома, около рощицы, гдѣ весною поютъ соловьи. Вытащатъ багромъ, осторожненько положатъ на берегъ. Наверху солнышко... Вокругъ птички... Хорошо! А тутъ?

— Ба-бахъ! Ги-ги-ги-го!

Жизнь, смерть, Европа... XX вѣкъ... Какой смыслъ? Родился въ 1882 году... Былъ серьезнымъ мальчикомъ, хотѣлъ сдѣлаться великимъ ученымъ, открыть новый законъ приро-

ды, чтобы въ учебникахъ стояло. И никакого закона! Всѣ законы открыты, открылъ только беззаконія. Какъ надоѣло! Противно удушеніе, конечно: вода, вода, вода... хочешь вздохнуть — и нѣтъ его... воздуха! Вспомнится жизнь... Сразу... Кормилица... Гимназія... Кантъ — Лапласъ... Бойль — Маріоттъ... Сходки въ университетѣ. «Товарищи! Въ Испаніи совершена гнусная казнь. Мы не можемъ молчать... Товарищи!» Сколько идіотовъ! Боже, сколько идіотовъ...

— Вылѣзайте, подходимъ!

— Охридъ? — радостно вскакиваю я. — Да что вы?

ВЪ ГОСТЯХЪ У КАТУШКИНА

Поѣздка по Македоніи закончилась. Но развѣ не грѣхъ, побывавъ на югѣ Сербіи, миновать Косово Поле?

Вернувшись изъ Охрида въ Скопле, мы рѣшаемъ проѣхать по желѣзнодорожной вѣткѣ на Приштину, слѣзть на одной изъ маленькихъ станцій и по Косову Полю пройти пѣшкомъ въ грачаницкій монастырь, въ которомъ князь Лазарь принималъ благословеніе передъ косовской битвой. Дорога на Приштину чудесна. Сейчасъ же послѣ Скопле — холмы и, затѣмъ, среди лѣсистыхъ зеленыхъ горъ, романтическое качаникское ущелье, съ бурливой рѣкой.

Поѣздъ проскакиваетъ рядъ душныхъ туннелей. Проходятъ живописныя станціи съ пестрыми восточными толпами. Красныя фески, цвѣтные пояса, черные чаршафы... И перемѣшано все: старый патріархальный мусульманинъ, цвѣтисто-узорный въ костюмѣ, и рядомъ дѣвица въ маркизетовомъ платьицѣ, съ декольте, съ ложной таліей возлѣ колѣнъ А на свободномъ пути, рядомъ со стоящимъ вагономъ, мальчишка-нищій односложнымъ выкрикомъ проситъ о милостынѣ, падаетъ на колѣни, въ знакъ полной своей несостоятельности цѣлуетъ рельсы.

Глухая тихая станція — и мы бредемъ въ монастырь. Тутъ давно, въ 1389-мъ, мусульманскій міръ опрокинулъ мечтательное заоблачное православіе. Съ одной стороны султанъ

Мурадъ, напоръ практичнаго, приспособленнаго къ землѣ, Корана; съ другой — сербскіе князья Лазарь, Вукъ Бранковичъ, славяне, спаянные вѣрой въ вѣчную жизнь на небесахъ, никогда не умѣющіе сговориться для кратковременной совмѣстной жизни на земномъ шарѣ. Въ послѣднюю минуту отказались боснійцы; не дождался исхода битвы Бранковичъ, ушелъ съ войскомъ. Лазарь одинъ — разбитъ, попалъ въ плѣнъ, убитъ... Картина нетускнѣющая для всѣхъ насъ, отъ Дуная до Тихаго океана. И послѣ несчастья — кристаллизація національнаго чувства. Пораженіе физическое, побѣда возрожденнаго духа. Опять славянское, слишкомъ славянское: черезъ страданье къ просвѣтлѣнію, черезъ смерть къ возрожденію... Воплощеніе въ жизнь «per aspera ad astra», что на Западѣ — только блестящая фраза, а у насъ — бытъ.

— Катушкинъ!

Я не вѣрю глазамъ: дѣйствительно, онъ! Сидитъ на бугоркѣ подъ развѣсистымъ тѣнистымъ орѣхомъ, чиститъ перочиннымъ ножемъ огурецъ, аппетитно заѣдаетъ огромной краюхой хлѣба. А сбоку — отдыхающій, склонившійся на бокъ, кипрегель, свертокъ бѣлой бумаги.

— Иванъ Степановичъ?

— Ба! Кого я вижу!

Мы всѣ здороваемся съ Катушкинымъ радостно, дружески, какъ съ хорошимъ старымъ знакомымъ. Онъ разсказываетъ: пріѣхалъ въ Кичево, представился, протанцевалъ коло, а на слѣдующій день, вдругъ, бумага: уволить всѣхъ геометровъ, назначенныхъ старымъ правительствомъ.

— А какъ же вы здѣсь?

— Очень просто. Забралъ чемоданы, примусъ и айда обратно — въ Скопле. Скандалъ устраивать. Они говорятъ: «мы, знаете, непричемъ, сами понимаете, новая власть. Были радикалы, теперь демократы». А я имъ: «извините-съ! Разъ я во внутреннюю политику Королевства не вмѣшива-

юсь, такъ и вы по отношенію ко мнѣ извольте нейтралитетъ держать. Что я, отъ перемѣны правительства спеціальность перемѣнилъ? Изъ геометра въ механика превратился?» Распекъ ихъ, нужно сказать, основательно, ну, они и уступили. Въ Кичево не вернули, правда, перевели сюда. Но я даже радъ: районъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше; и горъ меньше, и культуры больше... А вы куда? По монастырямъ продолжаете? Огурчика хотите? Соли, къ сожалѣнію, нѣтъ. Въ лавкѣ, черти, соды по ошибкѣ вмѣсто нея дали, сейчасъ только замѣтилъ.

Кое-кто изъ экскурсантовъ предлагаетъ подъ орѣхомъ сдѣлать привалъ. Но предсѣдатель и археологъ Сергѣй Николаевичъ не соглашаются: опоздаемъ вернуться къ вечернему поѣзду. Меня такая страсть къ древностямъ у предсѣдателя и, въ особенности, у Сергѣя Николаевича даже угнетаетъ немного. Чѣмъ, напримѣръ, этотъ вѣковой орѣхъ хуже фресокъ четырнадцатаго столѣтія? Еще двѣ-три экскурсіи въ монастыри по такой жарѣ — и во мнѣ, честное слово, начнетъ расти комсомолецъ.

Я рѣшаю остаться съ Катушкинымъ. Тѣнь отъ орѣха такъ манитъ! И, кромѣ того, я искренно полюбилъ этого милаго Ивана Степановича. У него, судя по скромному огурцу, обѣденный перерывъ; доставъ изъ сумки запасной помидоръ и отломивъ большой кусокъ хлѣба, онъ уговариваетъ меня какъ слѣдуетъ пообѣдать. И мы сидимъ въ тѣни вдвоемъ, жуемъ, ласково поглядываемъ другъ на друга. Онъ разсказываетъ, что вчера нашелъ въ городѣ чудесную комнату, что при домѣ у него великолѣпнѣйшій садъ, что старушка хозяйка — необыкновенно добрая женщина, что онъ за два дня успѣлъ познакомиться со всей чрезвычайно милой русской колоніей...

— Оставайтесь, а?

— Гдѣ?

— У меня. Честное слово! Къ чему вамъ экскурсія? Погостите. Поживете. У хозяйки наймете вторую комнату, если стѣсняетесь. По вечерамъ чай будемъ пить. Разговаривать.

Катушкинъ смотритъ умоляюще. Видно, это отъ чистаго сердца. И я начинаю прикидывать: три дня, четыре, недѣля...

— Хорошо... Спасибо. Согласенъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ура!

Онъ лежитъ на травѣ, похрапываетъ. Знойный воздухъ Косова Поля ходитъ вокругъ орѣха, дрожитъ, не осмѣливается войти въ тѣнь. Горизонтъ въ мутной мглѣ. Шаръ Планина — какъ далекая туча, вершина Люботина — призрачный мечъ. Гдѣ-то тамъ, на равнинѣ, застыли стада — точки и пятна. Сжатый хлѣбъ стоитъ вокругъ рядами, точно полки на смотру. Подходятъ сзади, вплотную къ пригорку, еще неснятыя полосы, И лѣнивый вѣтеръ звенитъ въ перезрѣлыхъ колосьяхъ, усталой рукой клонитъ ихъ въ послѣднихъ арпеджіо.

Косово Поле. Когда-то ужасъ, кровь, униженіе. И теперь — миръ, свобода, побѣда жатвы надъ пережитыми грозами.

Не это ли славянское поле сейчасъ переходимъ мы?

Запыленные, усталые, мы бредемъ съ Катушкинымъ по проселочной дорогѣ, ведущей въ городъ. Вечеръ близокъ. Отуманенное знойнымъ воздухомъ, солнце склонилось къ холмамъ. Тамъ, налѣво, въ оврагахъ, уже нашли пріютъ прохладныя тѣни. Хоть бы скорѣе отдохнуть отъ нестерпимыхъ лучей! А тутъ, какъ на зло, встрѣчныя телѣги, лошади, — и ложное золото пыли.

Уже приблизились первые косые домишки — плетеный заборъ, глупыя физіономіи подсолнечниковъ, желтымъ растопыреннымъ взглядомъ провожающихъ солнце. И затѣмъ

унылый рядъ бѣлыхъ короткихъ стѣнъ, колья, стѣны опять, калитки съ женщинами, окна съ геранью, съ перцемъ, съ солеными огурцами...

Самое грустное въ мірѣ — эти городки съ пятью тысячами ртовъ, съ десятью тысячами ногъ. Не природа — и не извращеніе, не божественная тишина — не грохотъ ада. Ни то ни се, не Богъ, не чертъ, не рай, не Вавилонъ, что-то среднее, унылое, полустанокъ для экспресса безъ конечной станціи, каботажное плаванье для летучихъ голландцевъ. День прошелъ — подсолнухъ, герань, свиньи на улицахъ... Годъ прошелъ — подсолнухъ, свиньи, герань... Десять лѣтъ — герань, свиньи, подсолнухъ... И время отъ времени, наконецъ, катафалкъ: нынѣ отпущаеши... Пройдена герань, пройденъ подсолнухъ.

— Нашъ дьяконъ здорово здѣсь зарабатываетъ, — говоритъ Катушкинъ, завистливо вздыхая.

— А что?

— Мрутъ хорошо. И похороны любятъ. На-дняхъ, напримѣръ, пришлось мнѣ присутствовать, такъ, дѣйствительно, молодчина: какъ провозгласилъ, это, «сотвори вѣ-ѣ-ѣчную» — такъ всѣхъ присутствующихъ сразу и прошибъ. На что я покойника совсѣмъ не зналъ, наканунѣ только пріѣхалъ. И то слезу смахнулъ. А воображаете, что дѣлается съ родственниками? Тысячъ десять въ мѣсяцъ, счастливчикъ, имѣетъ, не меньше...

Мы проходимъ большое бѣлое зданіе кафаны съ терассой, окаймленной четырехгранными колоннами. У дороги столики, стулья и публика, освободившаяся отъ вечернихъ занятій.

— Вотъ, и моя обитель, — гордо произноситъ Катушкинъ, толкая ногой калитку и пропуская меня впередъ. — Дворъ-то у насъ, какъ видите, не важный, хозяйка стиркой

лужи разводить, но комната, зато, шикъ. Не сюда, не сюда, здѣсь хлѣвъ... Вотъ! Добро вече, господа! Пріятно!

— Добро вече...

Ихъ шесть человѣкъ въ маленькой кухнѣ. Сидятъ у стола, ужинаютъ. Несмотря на открытое окно, воздухъ трудный — запахъ чеснока, арбуза, ракіи и физически переутомленнаго человѣческаго тѣла. Какъ я замѣтилъ, глаза старухи при моемъ появленіи блеснули тревожнымъ огнемъ; слово «добро» она сказала довольно привѣтливо; но слово «вече» уже не такъ: увидѣла.

— Нравится, а?

Я не терплю, когда бѣженцы наводятъ критику на комнату или обстановку своихъ знакомыхъ. Вѣдь, кажется, и такъ нелегко живется. И такъ нужно напрягаться воображеніемъ, чтобы находить въ своей жизни уютныя стороны. А злобствующіе критики — въ особенности дамы — добиваютъ: «Вы думаете, это жировое пятно на стѣнѣ? Извините, сырость!» Или: «Дорого, очень дорого... Кто вамъ рекомендовалъ этотъ склепъ?»

Катушкинъ, спрашивая «нравится - ли», побѣдно обводитъ рукой все, что собралось въ небольшомъ пространствѣ вокругъ: черную желѣзную кровать съ яркими розами на глухой спинкѣ, продавленное мягкое кресло, изъ сидѣнья котораго ощетинившейся собакой торчитъ сѣрая шерсть, умывальникъ, столъ, портреты, картины на стѣнахъ. И я, конечно, отвѣчаю: «мило». Меня только тревожитъ одно: а гдѣ та вторая комната, въ которой Катушкинъ обѣщалъ устроить меня со всѣми удобствами?

— Ну, располагайтесь, располагайтесь, — говоритъ онъ, снимая съ себя гимнастерку и надѣвая ночную рубаху. — Будьте какъ дома. Башмаки скиньте, если жмутъ. Штанишки... А я сейчасъ примусъ зажгу, чай приготовлю.

— Можетъ быть, пойдемъ въ кафану?

— Ну вотъ еще, въ кафану! Деньги тратить. Развѣ у нихъ чай? Вѣникъ. Я люблю, знаете, не спѣша, стаканчиковъ шесть, восемь, по нашему. Сидишь, пьешь, мечтаешь... Потому, навѣрно, у русскаго человѣка и міровоззрѣніе такое широкое, что чаю пьетъ много. Есть когда вопросы всякіе обсудить.

— У васъ и гитара? Играете?

— Немного. Куда задѣвалась туфля? Аккомпанирую себѣ, когда пою. Въ Россіи, въ молодости, на многихъ инструментахъ игралъ, въ Майкопѣ даже альта въ квартетахъ замѣнялъ. Ну, а теперь, въ бѣженствѣ, только пою... Когда очень приспичитъ.

Катушкинъ въ ночной рубахѣ и кальсонахъ, босикомъ, идетъ къ столику, на которомъ тусклой мѣдью пузырится примусъ, поднимаетъ бутылку съ керосиномъ, смотритъ на свѣтъ, качаетъ головой и начинаетъ колдовать вокругъ закоптѣлой горѣлки.

— Иванъ Степановичъ!

— Ну?

— А какъ же насчетъ этого... второй комнаты?

— Какой второй? Ахъ, да! Хо-хо...

Онъ, наклонившись, со смѣхомъ слѣдитъ за тухнущимъ синимъ огонькомъ, затѣмъ хватается за поршень.

— Я васъ обманулъ, миленькій. Обманулъ. Не сердитесь... Но иначе развѣ пошли бы? Знаю я столичныхъ жителей — привередливый народъ! Ну? Что же не горитъ? Опять капризы!

Примусъ зловѣще шипитъ. Будто изнемогая въ застарѣломъ катаррѣ, онъ тяжело дышитъ, испуская прерывистый свистъ, отвѣчаетъ на каждое приближеніе спички нервными вспышками. А раздраженный Катушкинъ брызжетъ, наконецъ, керосиномъ на горѣлку, поджигаетъ опять.

— Что вы дѣлаете?

Взрывъ огня, точно выстрѣлъ, шипѣніе громче, чѣмъ раньше, и, о радость, — два причудливыхъ языка: одинъ — изломанный, длинный, другой — прямой, но короткій.

— Бѣда съ нимъ, подлецомъ, — удовлетворенно бурчитъ Катушкинъ, ставя на столъ стаканы и пересыпая чай. — Уже второй годъ, какъ истеричная баба: сегодня «да», завтра «нѣтъ»... И безъ всякой причины. Иногда такъ отъ рукъ отобьется, что плюнешь, перейдешь на спиртовку. А черезъ недѣлю случайно возьмешь, попробуешь.. Горитъ, каналья, какъ новорожденный. Видно не только люди, и вещи отдыха требуютъ. А гдѣ сахаръ? Батюшки!

Онъ смотритъ въ пустую коробку изъ-подъ консервовъ, почему-то густо краснѣетъ.

— Кончился?

— Не понимаю!.. Вчера еще былъ!

— Давайте, Иванъ Степановичъ, такъ: вашъ чай, а мой сахаръ. Хорошо? Скажите только, гдѣ купить...

— Ни за что!

— Но, вѣдь... Иванъ Степановичъ...

— Не допущу! Гость — и вдругъ покупать! Ни въ какомъ случаѣ!

— Но... вѣдь, вы же жалованья, того... не получили.

— Завтра получу! Обязаны! Кассиръ не выдастъ, скандалъ устрою! Двадцать кусковъ, не меньше, оставалось... Гдѣ они?

— Въ такомъ случаѣ, возьмите въ долгъ денегъ... До завтра.

— Деньги? Нѣтъ ужъ. Извините. Пригласилъ — и занимать? Что я, ловкачъ какой-нибудь? Будемъ съ конфектами пить! У меня монпасье гдѣ-то... Сливы тоже. Вамъ крѣпкій? Простите, безъ блюдца. А мѣшайте карандашемъ. Впрочемъ... дуракъ: мѣшать! Что мѣшать-то? Хе-хе!

«По обычаю петербургскому,
По обычаю чисто русскому,
Мы не можемъ жить безъ шампанскаго
И безъ пѣнья безъ цыганскаго».

У Катушкина прекрасный баритонъ. Онъ поетъ съ такой выразительностью, что я даже пораженъ: не ожидалъ отъ его простодушной природы. И нѣжности въ лирическомъ репертуарѣ тоже масса. Дребедень, по существу, это все: «сказавъ прости, удалились вы», или — «хризантемы въ саду». А какъ выходитъ!

— Спойте что-нибудь серьезное, а?

Онъ блаженно полулежитъ на кровати съ гитарой на колѣняхъ. Я противъ него — кейфую, курю въ креслѣ, время отъ времени поправляя подъ собой выскочившую пружинную спираль.

— А что хотите?

— Эпиталаму. Знаете?

— Конечно, знаю. Но только... невозможно это.

— Почему?

— Съ квартиры прогонятъ. Давайте лучше какой-нибудь тихій дуэтъ... У васъ басъ, навѣрно?

— Какой басъ. Просто — profundo.

— Ну, и подтягивайте. Что бы такое, напримѣръ? Погодите...

Онъ мягко перебираетъ струны, тасуетъ звуки, подбирая тональность.

— Ну...

Наивный прозрачный аккомпаниментъ моцартовскаго квартета, взятаго Чайковскимъ. Катушкинъ начинаетъ:

— «Мой миленькій дружокъ...»

— «Любезный пастушокъ...» — подхватываю я.

— Тахъ-тахъ! — раздается стукъ въ дверь.

— «О комъ я воздыхаю», — продолжаетъ Катушкинъ.

— «Отъ страсти умираю», — подтягиваю я.

— Тахъ-трахъ! — вздрагиваетъ дверь.

Катушкинъ приподнимается. Струны гаснутъ въ брошенномъ переборѣ. Кто-то стучится?

— Бросьте папиросу, — шепчетъ онъ, направляясь къ двери. — Увидитъ, будетъ ругаться. Что ей надо?

Хозяйка стоитъ въ комнатѣ, озирается, озлобленными ноздрями втягиваетъ въ себя дымный воздухъ.

— Ви сте опет пушили?

— Мы пушили? — застѣнчиво вретъ Катушкинъ, — и не думали, господжо! Никто не курилъ, ей-Богу.

— Лажете! Эво — шта е то? Ништа?

Она показываетъ на синеватые клубы дыма, не успѣвшаго выйти въ слишкомъ низкое окно. Катушкинъ внимательно смотритъ туда, куда протягивается сухая рука. И дѣлаетъ удивленные глаза.

— То ваздухъ, господжо, я мыслимъ.

— Ваздухъ? Вы мыслите, ово е ваздухъ? Може то у васъ, у Русіи, оваки ваздухъ! А у моей кучи то не може бити! Не сме бити!

— Ваздухъ единаковъ вездѣ, — обидчиво произноситъ Катушкинъ, переставъ улыбаться. — И кромѣ того, ты не ори, дура, я тебѣ не мальчишка.

— Мои слики, мои слики, — съ горестью въ голосѣ шепчетъ хозяйка, снимая со стѣны портреты какихъ-то выстроившихся въ шеренгу идіотовъ, и вытирая ихъ рукавомъ. — Ови руси сасвимъ су покварили. Потпу́но то ни е могуче! — рѣзко поворачивается, вдругъ, она къ намъ, вперяя въ меня пронзительныя стекляшки, окруженныя сѣтью морщинъ. — Доста! То се више не може трпити! А ко е то? — мечетъ она головой въ меня.

— Мой гость!

Катушкинъ гордо поднимаетъ голову.

— Гость? Не дозволявамъ да имате гости! Чуете?

— Ну-ну! Посмотримъ!

— Молимъ васъ, на поле! — рѣшительно подходитъ она ко мнѣ. — Я васъ не познамъ. Чистите кучу! Молимъ!

Съ перекошеннымъ лицомъ я стою на мѣстѣ, переводя растерянный взглядъ съ Катушкина на хозяйку, съ хозяйки на Катушкина... И вижу, какъ онъ — точно растетъ. Вытягивается во весь ростъ, въ нижнемъ бѣльѣ похожій на грозную спиритическую фигуру, смягченную длинными казацкими усами. Стоитъ блѣдный, дрожащій.

— Старуха!

Та сила голоса, которую онъ боялся дать для «эпиталамы», теперь дана.

— Старуха! Не смѣй!

— Шта?

Хозяйка изгибается въ запятую. Платокъ спадаетъ съ жидковолосой головы.

— Гостей моихъ оскорблять? — гремитъ Катушкинъ. — Изъ комнаты гнать? Да я тебѣ весь домъ разможжу! Въ щепки расколошмачу! Такой русскій воздухъ покажу, задохнешься!

— Лоповъ! Иди у Русію! На поле!

— И пойду! Вспоминать буду, думаешь? Сентиментальничать? Два шиша! Съ подшишемъ! Брате мой, — торжественно обращается ко мнѣ Катушкинъ. — Хайдемо! Ни одной минуты въ этомъ гнѣздѣ! Ни секунды! Лучше на улицѣ... Въ кафанѣ. Заплатите ей немедленно за три дня двадцать динаръ... И къ дьяволу! Я одѣваюсь!

Темный вечеръ прикрылъ засыпающій городъ. Звѣзды свѣтятъ близко и дружно — снизу не затмеваютъ огни. Въ тишинѣ каждый звукъ — барельефъ, каждый голосъ — кон-

туръ рѣзцомъ. И на мерцающемъ небѣ силуэты бѣлыхъ коробочекъ, треугольники крышъ. Неподвижно, безшумно, мертвенно. Ненужный день погребенъ.

— Вы постойте тутъ, на улицѣ, съ вещами, а я сбѣгаю къ генералу Порогову... Навѣрно, дастъ переночевать.

— А въ гостиницу? Честное слово, въ гостиницу лучше, Иванъ Степановичъ.

— Ни за что! Въ гости пригласилъ — и въ гостиницу? За кого вы меня принимаете?

САПОЖНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Квартирка генерала во дворѣ. Она стоитъ особнякомъ, выходя боковой стороной въ большой фруктовый садъ. Нагруженные чемоданами, корзинами и узлами, мы минуемъ рядъ темныхъ оконъ, за которыми уже сонно и тихо, чуть не натыкаемся на оглобли какой-то подводы, обходимъ колодецъ съ силуэтомъ чернаго колеса.

— Ваше превосходительство, мы здѣсь!

Катушкинъ кричитъ въ открытое окно, задернутое занавѣской. На бѣлой матеріи начинаютъ суетиться китайскія тѣни. Проходитъ минута, и сбоку въ дверяхъ скрежещетъ ключъ.

Генералъ держитъ въ рукѣ керосиновую лампу, съ тревожной привѣтливостью смотритъ на чемоданы и корзины Катушкина. Онъ — сѣденькій, маленькій, со щуплой бородкой. А сзади, на верхней ступенькѣ передней, такая же миніатюрная, какъ онъ, старушка въ гладкой прическѣ съ проборомъ.

— Разрѣшите туда, въ уголъ?

— Да, да... Мусинька, что у насъ тамъ — керосинъ? Можно всторону... И лоханку...

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь, я самъ. Вотъ такъ. Ну и проклятая баба, надѣлала хлопотъ! Кулекъ? Давайте. Гитару только бы не раздавить... Кипрегель... Все уже?

Ухъ! Позвольте представить вамъ: мой гость... Господинъ...

— Ильинскій, — быстро вставляю я.

— Ильинскій? Да, Ильинскій, — соображаетъ Катушкинъ. — Сослуживецъ... по Россіи.

— Мнѣ очень неловко безпокоить... На ночь... — поцѣловавъ руку старушки, начинаю путаться я. — Но все это такъ внезапно. Неожиданно.

— Что вы, какое безпокойство! Да и неожиданности тоже мало. Я вчера уже знала, что придете.

— Ну, вотъ! — машетъ на жену ґенералъ. — Идемте, господа.

— То-есть какъ вчера? — любезно удивляется Катушкинъ. — Развѣ хозяйка вамъ жаловалась?

— Нѣтъ, по картамъ выходило. Съ поздней дороги два господина въ домъ. И какая-то радость. Пожалуйте! Петенька, посвѣти.

Въ первой комнатѣ сапожная мастерская. Въ одномъ углу кровать, сооруженная изъ двухъ ящиковъ, въ другомъ низенькіе табуреты, широкая деревянная колода въ видѣ стола, швейная машина, металлическій шестъ, съ желѣзной подметкой вверху, молотки, куски кожи, обрѣзки. Производство, какъ видно, небольшое. Но все-таки, какъ въ заправской мастерской, пахнетъ кожей и скипидаромъ.

— Пройдемте въ столовую, господа. Чайку выпейте.

Тамъ, за небольшимъ круглымъ столомъ, двѣ женскихъ фигуры. Молоденькая генеральская дочь съ капризными губами и какая-то пожилая гостья съ излишней пытливостью въ глазахъ. Мы знакомимся. И сначала разговоръ, конечно, о ней, о хозяйкѣ. Почему, что, какъ... Примѣры изъ жизни другихъ русскихъ... Различные случаи...

— Да развѣ ужъ такъ много вещей? — съ самодовольной улыбкой оправдывается Катушкинъ послѣ упрека хозяевъ въ буржуазности. — Если разсмотрѣть какъ слѣдуетъ,

то ничего, въ сущности, нѣтъ. Въ одной корзинѣ пустые консисторскіе бланки... Изъ Екатеринодара во время эвакуаціи на всякій случай захватилъ. Въ другой — парики, которые заказывалъ, когда игралъ въ любительскихъ спектакляхъ. Книгъ много всякихъ, журналовъ. «Нива» за три года.

— Нива? — радостно вскидываетъ глаза генералъ.

— Господи, Господи... — съ нѣжной грустью качаетъ головой генеральша. — Нива!

— Если хотите, могу показать. Одну секундочку.

Катушкинъ приноситъ нѣсколько синенькихъ тетрадей, торжественно передаетъ генеральшѣ. Вокругъ — радостное возбужденіе. Генералъ приподнимается, напряженно смотритъ черезъ очки. Дочь встаетъ съ мѣста, становится за стуломъ отца.

— Мусинька, дай одинъ!

— И мнѣ, Марья Константиновна!

— Папочка, посмотримъ картинки!

— «Тернистый путь»... — наслаждаясь, медленно отворачиваетъ обложку генералъ. — Романъ П. П. Гнѣдича въ IV частяхъ... Продолженіе... Такъ, такъ... «Клавдія Александровна крохотной ручкой отодвинула тяжелую портьеру»...

— Папочка, сначала картинки! Папочка!

— Погоди... «Бѣлая ночь ласково улыбалась въ окно. Клавдія Александровна...»

— Папочка! Потомъ будешь читать! Переверни!

— Люся, не приставай. Да, писали тогда. Писали. Эхъхе! П. П. Гнѣдичъ, продолженіе... Въ IV частяхъ... Лариса, не дергай, что это такое? Успѣешь.

— Петенька! Петенька!

Генеральша дрожитъ. Лицо искривляется. Глаза наполняются слезами.

— Что такое?

— Парадъ... На Марсовомъ... Марсовомъ... полѣ...

— Парадъ? Гдѣ?

— И ты... навѣрно... тамъ... Внутри... Боже...

— Ну, Мусинька! Не надо. Мусинька!

У генерала дергается челюсть. Онъ вытягиваетъ изъ рукъ плачущей жены номеръ, смотритъ влажными глазами на снимокъ. А Люся, подхвативъ тетрадку отца, садится на стулъ, торопливо перелистываетъ. Что она помнитъ о Петербургѣ? Институтъ, можетъ быть? Улицы? Но и у нея нервно разметавшіяся кудряшки на лбу, внезапный румянецъ на щекахъ, прерывистый голосъ:

— «Бѣлая ночь на Островахъ». «Рыбаки вытаскиваютъ сѣти». «Осетръ вѣсомъ въ 3 пуда 25 фунтовъ...»

— Это уголъ Морской? — не теряя достоинства, снисходительно спрашиваетъ меня незнакомая сосѣдка.

— Разрѣшите? Да. Видите — Адмиралтейство. А слѣва — домъ Вавельберга.

— Значитъ, здѣсь справа Тонетъ и Трейманъ. Да, да. Мои поставщики. А слѣва — англійскій магазинъ, Александръ. Антонъ обыкновенно бывалъ недоволенъ, когда туда ѣздила. Долго ждать приходилось.

— Простите... Кто?

— Мой кучеръ. Антонъ.

— Ага.

— Вы, навѣрно, видѣли нашъ выѣздъ. Совершенно бѣлыя лошади, чистокровныя, и Антонъ — въ малиновомъ. Я обыкновенно выѣзжала отъ двухъ до пяти.

— Да... Навѣрно, видѣлъ. Въ это время, правда, обыкновенно писалъ... Но... Въ малиновомъ, вы говорите?

— Въ малиновомъ. Хотя наши дома на Фонтанкѣ, за Чернышевымъ, но жили мы сами въ Литейной. На Сергіевской. 23 номеръ знаете, должно быть. Весь второй этажъ — нашъ.

Уже скоро полночь. Я лежу на двухъ катушкинскихъ

корзинахъ возлѣ открытаго окна въ садъ. Генералъ въ углу, подъ лампой, кончаетъ починку ботинокъ, которые ему нужно сдать утромъ заказчику.

А Катушкинъ еще сидитъ въ столовой, внимательно слѣдитъ за картами, на которыхъ ему гадаетъ генеральша.

— Хлопотъ, хлопотъ, безъ конца, — слышится участливый старческій голосъ. — Какой-то пожилой господинъ имѣетъ что-то противъ васъ, интригуетъ. И, какъ будто, въ связи съ этимъ перемѣна жизни.

— Опять? — раздается громкій испугъ.

Да, перемѣна... И дорога. Утренняя. Сначала извѣстіе, какъ будто непріятное, но послѣ — хорошо. Дорогой кончается.

— Охъ-хо... Неважно, если дорогой кончается. Ну, а деньги будутъ, не видно?

— Деньги есть. И довольно большія. Но не оттуда, откуда ожидаете. Неожиданныя. Бубны и девятка пикъ.

— Неожиданныя! Кто же это пришлетъ неожиданныя? Странно! Я, вотъ, ожиданныхъ уже три недѣли добиваюсь, въ Кичевѣ ждалъ, здѣсь теперь жду. И вдругъ... Завтра скандалить пойду, честное слово. Главное, знаете, въ финансовомъ отдѣлѣ здѣсь завѣдующій глухой. Я ему втолковываю, а онъ ни въ зубъ. Кричу на ухо, что получить хочу, голодаю, — никакого впечатлѣнія. Помощникъ увѣряетъ, что пока бумаги не разыщутъ, все-равно и на ухо кричать безполезно, не стоитъ напрягаться.

— Вы давно изъ Бѣлграда? — спрашиваетъ меня генералъ, наклонившись надъ небольшимъ кускомъ кожи и срѣзая полукруглымъ ножемъ тонкіе слои по краямъ.

— Недѣли двѣ.

— Правда, что союзники даютъ двухсоттысячную армію и разрѣшаютъ формированіе?

— Не думаю... Едва ли.

— А мнѣ писали изъ Парачина. Одинъ полковникъ, очень освѣдомленный.

Генералъ поднимаетъ башмакъ, осматриваетъ возлѣ лампы, насаживаетъ на металлическій стержень, начинаетъ постукивать молоточкомъ.

— И Германія даетъ деньги, — продолжаетъ онъ въ перерывахъ. — Какъ только получитъ отъ Америки заемъ... Ахъ ты, Господи, криво! Они, вѣдь, съ большевиками въ дружбѣ для видимости... Противъ французовъ... Ну-ка? Еще немного... Теперь же, когда Франція уступила, они рѣшили это... Порвать... Не даромъ регистрація нашихъ офицеровъ производится. Не спроста. Можетъ быть, весной въ Россіи всѣ будемъ.

У генерала при послѣднихъ словахъ — морщинки счастливой улыбки. Онъ откладываетъ всторону сплющенный молоточекъ, снимаетъ съ висящей на стѣнѣ доски одинъ изъ мелкихъ инструментовъ, начинаетъ задѣлывать кожу. И говоритъ. Осенью хуже начинать военныя дѣйствія... Лучше, когда хватитъ морозъ... Главныя силы нужно — на Кіевъ... Одинъ отрядъ обязательно — къ Одессѣ, для обезпеченія тыла...

Керосиновая лампа всхлипываетъ. Дразнитъ кого-то въ стеклѣ желтый языкъ. И въ углу, на обрубкахъ деревянныхъ ногъ, корчится тѣнь отъ склонившейся надъ колодой фигуры.

— Главное, вѣдь, ядро. А потомъ — снѣжный комъ... Населеніе... Войска... Партизаны...

Не то шепотъ, не то бормотаніе. Не для меня уже, для себя. Будто радостныя руки, во мракѣ нащупавшія лицо желаннаго будущаго. Рисунокъ мысли на воздушной синевѣ вѣры въ небо.

— Петенька, кончай родной!

Они уже спятъ. Генералъ на своихъ ящикахъ, Катушкинъ на полу. А эти ужасныя корзины подо мной не позво-

ляютъ шевельнуться, на каждое движеніе отвѣчаютъ хоромъ сухихъ негодующихъ криковъ. Кромѣ того, что дѣлать спинѣ съ узломъ отъ крѣпко стянутыхъ накрестъ веревокъ?

Окно въ садъ открыто. Я сижу въ темнотѣ, уныло опустивъ голову на подоконникъ, смотрю на деревья, въ которыхъ запутались звѣзды. Ночь душна. Гдѣ-то мерцаютъ зарницы. Небо у горизонта поднимаетъ сонныя вѣки, пробужденнымъ взглядомъ обѣщаетъ грозу. И знойнымъ гимномъ цикады заполнили воздухъ, зовущія, ожидающія, торжественно-радостныя.

— Сядемъ на скамейку... Я устала.

Узнаю голосъ генеральской дочери.

— А они спятъ?

— Видишь: темно.

Молчаніе. Хрустъ песка, шуршаніе ногъ. Въ небѣ съ золотой нити сорвался метеоръ.

— Я что-нибудь придумаю. Увидишь. Недѣлю, двѣ, и уѣдемъ. Владиміръ Андреевичъ устроитъ.

— Вотъ такъ бы... Уснуть... Въ бѣломъ домикѣ... Разскажи дальше... Про бѣлый. Цвѣты будутъ? Да?

— Будутъ... Весь садъ. И отъ воротъ — по дорожкѣ. На лѣстницѣ — каменныя вазы... Огромныя.

— Съ розами?

— Вьющимися. И колонны. Обвитыя. Мелкими. Красными.

— Розовыми.

— Розовыми... Онъ возвращается съ работы. Къ вечеру. Сходитъ съ экипажа, быстро идетъ... А она на лѣстницѣ. Ждетъ.

— Нѣтъ, уже на дорожкѣ...

— На дорожкѣ, да. Онъ цѣлуетъ ручку, беретъ за талію, идутъ... Смотрятъ въ глаза...

— Она вся въ бѣломъ... Въ скромномъ... И на шеѣ жемчужная нить. Вошли?

— Вошли. Дверь закрылась. Онъ ее схватываетъ, прижимаетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, сначала чай! Сначала пьютъ чай... Столъ нарядный. Все — фарфоровое, хрусталь. И пти фуры... Фрукты... Много. Она изъ серебрянаго чайника наливаетъ...

— И когда выпили, онъ садится. На диванъ, рядомъ...

— Да?

— Цѣлуетъ ручку... Одну... Другую...

— Да?

— Въ лобикъ... Въ щечку...

— Да?..

— Въ шейку... Въ губки...

— Да?..

Цикады неистовствуютъ. Дрожатъ звѣзды отъ звенящаго тремоло. Ночь разметалась въ жаркой безсонницѣ. И небо все ярче и ярче въ предгрозномъ трепетѣ.

РУССКАЯ ЛАВКА

Уходя рано утромъ на работу въ поле, Катушкинъ беретъ съ меня слово, что я не сбѣгу, а, наоборотъ, постараюсь найти ему комнату. Генералъ Петръ Александровичъ для облегченія этой задачи со своей стороны обѣщаетъ проводить меня въ лавку къ генералу Шутилину, который знакомъ со всѣмъ городомъ. И, въ перерывѣ между пріемомъ заказчиковъ, мы выходимъ на улицу.

— У васъ все-таки много кліентовъ, — говорю я, стараясь не спѣшить, такъ какъ Петръ Александровичъ идетъ медленно, опираясь на палку. — За одинъ часъ три человѣка...

— Ну, что это! Латки все. Конечно, при оборотномъ капиталѣ другое дѣло. А такъ — ни подмастерьевъ, ни запаса кожи... Эхъ-хе!

Мы сворачиваемъ съ главной улицы въ пыльный кривой переулокъ, останавливаемся возлѣ стараго прокоптѣлаго домишки. Въ тускломъ единственномъ окнѣ — нѣсколько банокъ съ леденцами на днѣ, съ маринованнымъ перцемъ, съ бѣлымъ порошкомъ — не то сахаръ, не то соль. А передъ дверьми — два деревянныхъ ящика. Въ одномъ — полъ-десятка грустныхъ осунувшихся лимоновъ, въ другомъ — мятыя сливы. И надъ входомъ большая вывѣска масляной кра-

ской. Видъ московскаго Кремля съ Замоскворѣчья и крупными буквами надпись:

«Код брата руса».

Шутилинъ сидитъ за прилавкомъ, за отсутствіемъ покупателей разложилъ передъ собою свѣжій номеръ газеты, читаетъ, что-то надписываетъ карандашемъ. Сзади него на полкахъ — табакъ, мыло, спички, свѣчи, шеколадъ, миніатюрные графинчики, изъ которыхъ, какъ изъ рюмокъ, въ Сербіи пьютъ ракію. А подъ газетой на прилавкѣ — подъ одной стороной, гдѣ передовая, — сыръ качковалъ, подъ другой, гдѣ объявленія, ломти бураго вяленаго мяса.

— Ваше превосходительство? — любезно отставляетъ онъ карандашъ. — Молимъ! Очень радъ.

Здоровается онъ важно, съ достоинствомъ. Знакомится еще торжественнѣе. Узнавъ, въ чемъ дѣло, обѣщаетъ помочь, но проситъ меня посидѣть у него, подождать, пока по дорогѣ на работу сюда зайдетъ художникъ Каненко, у сосѣдки котораго, кажется, есть свободная комната.

— Разрѣшите угостить ракіей, ваше превосходительство? Вчера получилъ — особенная, безъ сивухи.

— Нѣтъ, ваше превосходительство. Не привыкъ по утрамъ. Рано.

— А по одной? Безъ сивухи, ваше превосходительство. Ароматъ сливы.

— Нѣтъ, нѣтъ, къ чему! Вы ракіей торгуете, ваше превосходительство, а я, вдругъ — безплатно. Не хорошо это: подрывать торговлю.

— Плюньте вы на торговлю! Какая торговля? Реклама одна. Вамъ... разрѣшите?

Онъ наливаетъ три маленькихъ графинчика, чокается.

— Журавель третьяго драгунскаго Новороссійскаго сегодня, знаете, почему-то вспомнилъ, когда одѣвался. «Весь доходъ въ акцизъ россійскій вноситъ полкъ Новоссій-

скій...» Къ чему бы это, а? За ваше! А вотъ насчетъ одиннадцатаго уланскаго чугуевскаго все-таки не согласенъ, ваше превосходительство. Я передъ уходомъ вчера не спорилъ, но убѣжденъ. Не тринадцать серебряныхъ трубъ, а семнадцать.

— Тринадцать, батенька, тринадцать. Ваше здоровье!

— Семнадцать, ваше превосходительство. Забыли.

— Ну, вотъ, еще скажете: забылъ. Гдѣ мнѣ забыть, когда я всѣ отличія и награды какъ «Отче нашъ» зналъ? У пятаго уланскаго литовскаго — двѣнадцать?

— Двѣнадцать.

— У пятаго гусарскаго александрійскаго — двадцать двѣ?

— Есть.

— У пятнадцатаго гусарскаго украинскаго — одиннадцать?

— Одиннадцать. Все правильно. И у чугуевцевъ — семнадцать. Тринадцать, если хотите, у семнадцатаго гусарскаго, у черниговскаго, Великаго Князя Михаила Александровича. Мѣсто стоянки Орелъ, мундиръ бутылочный, рейтузы темно-синіе. А у чугуевцевъ семнадцать. И штандартъ — георгіевскій.

Генералъ Петръ Александровичъ пожимаетъ плечами, грустно улыбается, собирается снова возражать. Но въ лавку, вдругъ, врывается черномазый вихрастый мальчишка лѣтъ десяти, протягиваетъ Шутилину динаръ:

— Цигареты, молимъ!

— Какія такія сигареты?

— Вардаръ!

Шутилинъ подозрительно смотритъ на мальчугана, раздумываетъ.

— А тебѣ для кого? Можетъ быть, самъ будешь пушить?

— Не! За тату.

— Врешь. По глазамъ вижу, что врешь. Гдѣ досталъ динаръ? Укралъ, а?

— Молимъ! Вардаръ...

— Не получишь вардара. Пусть кто-нибудь изъ взрослыхъ придетъ. Тогда дамъ. Иди, иди!

— За што? Эво — динаръ...

— За то! Не нужно мнѣ твоего динара. Ступай! Этакіе поганцы: отъ земли не видно, а уже куритъ! Ты, вотъ, лучше скажи, кто изъ васъ камнемъ стекло въ окнѣ выбилъ, а? Смотрите вы у меня: если увижу, кто кидаетъ, уши надеру канальѣ. Ухо, вотъ это самое... Оторву. Ну, ну, поплачь еще! Симулянтъ!

Пользуясь тѣмъ, что оба генерала занялись какой-то частной бесѣдой, я выхожу на улицу, уныло оглядываюсь и вижу: наискось отъ лавки, по ту сторону, почтово-телеграфное отдѣленіе.

— Пошлю въ Бѣлградъ телеграмму, чтобы спѣшно вызвали! — рождается въ головѣ радостный планъ. — Пусть сообщатъ, что пожаръ былъ, несчастье... Все равно. А Катушкину можно сказать, что на всякій случай просто отправилъ телеграмму съ указаніемъ адреса.

Значительно пріободрившись и повеселѣвъ послѣ посѣщенія почтово-телеграфной конторы, я возвращаюсь въ лавку и сажусь въ уголкѣ. Покупателей попрежнему нѣтъ. Только одинъ какой-то сербъ ведетъ долгій принципіальный разговоръ съ Шутилинымъ о поставкѣ фруктъ изъ деревни.

— Разрѣшите просмотрѣть газеты?

— Сдѣлайте одолженіе.

Я беру изъ лежащей на столикѣ пачки старый номеръ, отъ нечего дѣлать разворачиваю. И не понимаю сначала, въ чемъ дѣло.

На поляхъ и внутри, въ текстѣ, красной линіей обведены нѣкоторыя мѣста. И короткія приписки карандашемъ.

Отчеркнута телеграмма: «Парижъ. (Радіо). Макдональдъ заявилъ корреспонденту пражской газеты «Народны Листы», что слѣдующая конференція состоится въ Женевѣ для разрѣшенія вопроса о безопасности всѣхъ народовъ».

И сбоку приписка генерала:

«Ты мнѣ еще поговори! Выскочка!»

Отчеркнуто: «Старый партіецъ В. Лебедевъ преданъ суду революціоннаго трибунала за растрату собраннаго продналога въ Тамбовской губ. Приговоръ неизвѣстенъ».

Приписка:

«Разстрѣлять вмѣстѣ съ судьями».

А затѣмъ, въ разныхъ мѣстахъ, противъ короткихъ информаціонныхъ замѣтокъ о Россіи и Европѣ, небольшія резолюціи: «Нужно относиться осторожно». «Необходимо разслѣдовать, такъ ли это». «Дайте мнѣ его, я доберусь до причины». И черезъ всю замѣтку о Д. Мережковскомъ, который собирается выпустить изъ печати романъ «Тутанкамонъ на Критѣ», жирными буквами: «А это еще что за гусь? Личность, во всякомъ случаѣ, неизвѣстная».

— Здравствуйте, Павелъ Андреевичъ. Какъ живете? А, и вы тутъ. Здравствуйте. Вотъ что... Мнѣ нуженъ для Мурочки апельсинъ. Есть у васъ хорошій, сочный?

— А вотъ посмотрите, Марія Ильинишна. Теперь не сезонъ. Всего три штуки осталось.

— Ахъ, я знаю, что не сезонъ! Слава Богу, у Елисѣева цѣлыми десятками покупала. То-есть не я, а экономка. Но это сморщенные, Павелъ Андреевичъ! Ужасные!

— Какіе есть, Марья Ильинишна. А что съ Мурочкой? Нездорова?

— Да. Жаръ. Кашель. Вы понимаете, что значитъ бо

лѣть ребенку въ нашихъ условіяхъ! А онъ не пустой внутри, Павелъ Андреевичъ? Какъ вамъ кажется?

— Не думаю. Впрочемъ, одинъ разрѣжу, если хотите, на пробу.

Шутилинъ беретъ съ прилавка ножъ, разсѣкаетъ апельсинъ, съ любопытствомъ разсматриваетъ обѣ половинки. А дама, — та самая, съ которой я вчера познакомился, — вынимаетъ изъ сумочки золотой лорнетъ, подноситъ къ глазамъ.

— Ну-ка? Ахъ, Боже мой! Однѣ кости да кожа. Мумія! Можетъ быть другой, Павелъ Андреевичъ? Какъ вы думаете: не лучше — этотъ?

— Попробуемъ этотъ.

Такъ какъ Каненко сегодня не зашелъ, то Шутилинъ, не дожидаясь обѣденнаго перерыва, около одиннадцати часовъ запираетъ лавку, кладетъ ключъ въ карманъ и отправляется со мною къ кафанѣ. Идетъ онъ бодрой упругой походкой, покручивая усы, и по дорогѣ, по поводу спора съ Петромъ Александровичемъ, подробно разсказываетъ, въ какихъ кавалерійскихъ полкахъ какія фуражки: у каргопольскаго верхъ бѣлый, околышъ — бутылочный, у уланскаго литовскаго верхъ темно-синій, околышъ — алый; у третьяго уланскаго смоленскаго верхъ темно-синій, околышъ — бѣлый, а у пятнадцатаго гусарскаго украинскаго околышъ синій, а верхъ — цвѣта бедра испуганной нимфы...

Художника мы застали за работой. Возлѣ кафаны, въ небольшомъ дворикѣ, который замыкается съ двухъ сторонъ чужими постройками, онъ расписываетъ глухія стѣны этихъ построекъ огромными панно, чтобы превратить, по заказу хозяина кафаны, унылый дворъ съ двумя чахлыми акаціями въ уютный садъ — «башту». На одной стѣнѣ уже красуется знойная пустыня съ пальмами, сфинксомъ, пирамидами на

горизонтѣ; на другой — рай, древо познанія съ яблоками, змій, соблазняющій Еву.

Каненко пишетъ большими кистями прямо изъ ведеръ, причемъ ведра только два: съ зеленой краской и съ красной. Возлѣ него, тутъ же, на стулѣ, сидитъ генеральская дочь Люся, слѣдитъ за работой, дѣлаетъ видъ, что помогаетъ, но по существу, конечно, мѣшаетъ. Я слышу, подходя, о чемъ она говоритъ.

— Аликъ!

— Я.

— Аликъ... А у тебя чудесный носъ! Знаешь?

Каненко смущенно знакомится, прерываетъ работу, говоритъ, что у его сосѣдки, дѣйствительно, сдается комната. Но подробности разскажетъ въ перерывѣ, во время обѣда. Мы съ Шутилинымъ садимся на терассѣ кафаны, заказываемъ традиціонную «чорбу», причемъ на второе Шутилинъ совѣтуетъ взять «ражничи» съ баклажаннымъ соусомъ, который здѣсь удивительно пикантно готовятъ съ краснымъ и чернымъ перцемъ одновременно.

Постепенно приходятъ обѣдающіе. Заполняются столики. А со стороны сада, вдругъ, раздаются крики, горячій споръ, и на терассу поднимается весь красный, возбужденный Каненко.

— Что такое, Алексѣй Викторовичъ?

— Я брошу! Это чертъ знаетъ что! Ради экономіи согласился... писать только зеленой и красной... А теперь уже въ сюжетъ вмѣшивается! Требуетъ, чтобы по пустынѣ для оживленія медвѣдь ходилъ! На фонѣ пирамидъ! Со сфинксомъ!

ЖУТКІЙ ГОСТЬ

Наконецъ-то для Катушкина, а значитъ временно и для меня, есть пристанище. Сосѣдка художника сдала комнату, и комнату, сказать правду, уютную. Одно неудобство — нельзя пользоваться шкапомъ, комодомъ и вѣшалкой: все занято хозяйскими вещами. Воспрещено, кромѣ того, умываться внутри — нужно ходить къ колодцу, чтобы не брызгать на полъ. И, наконецъ, попасть въ комнату можно только черезъ другую, жилую, гдѣ возлѣ двери стоитъ кровать.

Въ ожиданіи вечера, пока спадетъ жара, я сижу у окна, печально гляжу на пустынную улицу.

Какъ странно: и свѣтло, и жарко, и солнце свѣтитъ, а какъ будто — въ гробу. Или, быть можетъ, это миражъ — и ничего нѣтъ? Ни улицы, ни раскаленной извести замкнувшихся ящиковъ, ни загара румяной черепицы подъ небомъ? Среди вывороченныхъ камней мостовой пытается расти трава — какъ поэтъ въ условіяхъ демократической жизни. И никого вокругъ. Только напротивъ, у рыжихъ воротъ, въ мирномъ сосѣдствѣ пятнистый котъ и дворняжка съ утомленнымъ опущеннымъ ухомъ.

— Простите, это вы изволили пріѣхать изъ Бѣлграда? Къ господину Катушкину?

Передо мною внизу, у окна, странная фигура въ шубѣ съ поднятымъ воротникомъ. Блѣдное старое лицо съ заост-

ренной русой бородкой, пытливые чуть испуганные глаза, мягкая виноватая улыбка, какъ у подчиненнаго. Получивъ подтвержденіе, незнакомецъ проситъ принять по важному дѣлу и черезъ нѣсколько минутъ сидитъ противъ меня, вытираетъ лобъ сѣрымъ платкомъ.

— Вамъ, навѣрно, жарко въ шубѣ? Такой день... Душный...

— Да, да, ничего... не безпокойтесь. Я положу на стульчикъ... Сюда. Въ прошломъ году, когда жилъ въ Митровицѣ, украли ее, знаете... Слава Богу, полиція нашла. Вотъ теперь и не разстаюсь. Единственное, что осталось... Отъ всего.

Онъ осторожно вытягиваетъ руки, откидываетъ шубу на спинку, любовно разглаживаетъ.

— Вы курите?

— Премного благодаренъ... «Сава»?

— Да, къ сожалѣнію. Приходится самыя дешевыя...

— Хе-хе! Да что ужъ. Конечно, приходится. А не то было бы, ежели войну, напримѣръ, выиграли бы. Константинополь бы взяли. Вотъ покурили бы! Только, все же, я думаю, простите, вы это для видимости... Хе-хе!

— Что для видимости?

— А «Саву»... Чтобы въ глаза не бросалось. Мнѣ генералъ Шутилинъ уже изволилъ все разсказать. Обнаружить...

— То-есть... что? Не понимаю.

Незнакомецъ придвигаетъ стулъ, кладетъ мнѣ на колѣно руку, таинственно понижаетъ голосъ:

— Регистрируете?

На лицѣ у него страшная сложность: лукавство, радость, тревога, надежда, пытливое ожиданіе, страхъ разочарованія.

— Помилуйте! Кого?

Онъ вздыхаетъ. Снимаетъ съ колѣна руку. Въ глазахъ радость тухнетъ.

— Скрываете! Значитъ — въ секретѣ пока. Ну, что-жъ!

Подождемъ. Только, я вамъ скажу, напрасно вы людей мучаете. Какой можетъ быть секретъ изъ того, что человѣку на родину хочется? Не запишете сейчасъ, все равно послѣ снова пріѣдете. Извольте карандашикъ... Не трудно, вѣдь: Федоръ Никитичъ Степановъ. Второй гильдіи, своя торговля въ Ростовѣ, на Большой Садовой. И два дома... На Таганрогскомъ одинъ. Бумажку можно и эту, послѣ съ нея въ книгу впишете. А что секретничаете, ваше дѣло, конечно. Можетъ быть, такъ и надо, намъ отсюда не видно.

— Федоръ... Никитичъ, — говорю я, сочувственно беря собесѣдника за руку. — Даю вамъ честное слово, что никакой регистраціи у меня нѣтъ. Я просто — по частному дѣлу. Въ гости. Записать мнѣ не трудно, но какой толкъ? И куда? Вы вѣдь знаете, навѣрно, что у насъ существуютъ различныя организаціи...

— Вотъ то-то и есть! — нервно выпрямляется Федоръ Никитичъ. — Организацій много, а я никуда не вписанъ! О чемъ же я хлопочу? Объ этомъ! Къ колоніи въ прошломъ году приписался, а въ нынѣшнемъ — правленіе вдругъ упразднили, ссуды никто не получаетъ. И я — какъ въ воздухѣ: вишу! По газетамъ читаю — всѣ уже, каждый на своемъ мѣстѣ — инженеры съ инженерами, офицеры съ офицерами, профессора, педагоги, чиновники внутреннихъ дѣлъ... Придется двинуться — всѣ вмѣстѣ дружно поѣдутъ. А я? Такъ мнѣ здѣсь и оставаться прикажете? Одному?

Проходитъ около часа, пока я ввожу Степанова въ курсъ всѣхъ бѣженскихъ дѣлъ. Какъ оказывается, онъ многое знаетъ, почти обо всемъ слышалъ отъ членовъ мѣстной колоніи. Но по природной своей подозрительности — никому не вѣритъ, хочетъ точно все знать изъ первоисточника, изъ столицы. И когда мы кончаемъ бесѣду, и я, какъ будто нарочно, встаю — онъ вмѣсто того, чтобы прощаться, вытаскиваетъ, вдругъ, изъ глубины шубы толстую рукопись.

— Еще минуточку разрѣшите... Его превосходительство говорилъ, что вы иногда пописываете въ газетахъ... Можетъ быть, возможно было бы это напечатать? А?

Онъ протягиваетъ рукопись. И лицо теперь совсѣмъ другое. Счастливое, радостное. Съ такимъ видомъ мать передаетъ ребенка на руки нянькѣ. И, какъ у матери, обычная переоцѣнка: ожиданіе радости съ моей стороны.

— Что это?

— Стишки... Исторія Государства Россійскаго въ риѳму. Въ прошломъ году, знаете, пока не имѣлъ службы, писалъ... До Императора Николая Павловича довелъ, до Персидской войны, Гюлистанскимъ миромъ закончилъ. Ну, а теперь что же осталось? Сто лѣтъ... Зимою, ежели будутъ печатать, по вечерамъ допишу. У меня учебникъ есть. Составилъ Елпатьевскій, извѣстный профессоръ.

Не знаю, правъ я или нѣтъ, обойдясь, въ концѣ концовъ, со Степановымъ достаточно грубо. Но кто осудитъ меня, если ознакомится хоть бы съ первыми строками:

«Въ верховьяхъ Западной Двины
Когда-то жили Кривичи,
А между Припятью и ею
Сосѣди ихъ — Дреговичи».

ПРОѢЗДОМЪ ВЪ ПАРИЖЪ

Падаютъ сумерки. Точно чьи-то рѣсницы, невидимо-тонкія, нѣжно-задумчивыя — прикоснулись къ землѣ, затуманили небо. Каждый вечеръ случайныя облака переживаютъ вверху кратковременность радости, недолговѣчность успѣха. Сначала торжественность пурпура, яркіе хитоны и тоги, красочный крикъ самомнѣнія, восторгъ передъ достиженіемъ прекраснаго. А исчезла за холмомъ лысина мудраго солнца, погасъ хитрый послѣдній скосившійся лучъ — и тоска разочарованія повсюду. Ненужныя пятна на небѣ, пыль на куполѣ храма. И въ горделивыхъ окнахъ на противоположной горѣ вмѣсто грознаго пламени — квадратная темная пустая бездарность.

Всесильныя сумерки. Всепобѣждающія сумерки. Соединеніе дней и ночей, бытья съ небытьемъ, страданія съ радостью — срединная грусть, итоги человѣческой жизни. Какъ будто, есть что-то, какъ будто нѣтъ. И ни въ чемъ прочной увѣренности.

Понимаю я, почему въ эти часы во всемъ мірѣ въ глухихъ городахъ со всѣхъ подоконниковъ тянутся на улицу локти и головы. Ежедневно милліоны бюстовъ обрамляются стѣнами на фонѣ безсмыслицы. Темнѣютъ въ желтыхъ овалахъ замочныя скважины глазъ, потерявшія ключъ. И не вѣрьте улыбкѣ и перекликанію и веселому смѣху. Въ чер-

ныхъ окнахъ замѣтно: кто-то умеръ. Кто-то сторожитъ. Кто-то умретъ...

— Мица, почемъ сегодня капуста?

— Славка, разскажи, что случилось въ кафанѣ?

Уже темно, а Катушкина нѣтъ. На столѣ, за которымъ, не дождавшись, я уже пью чай — письмо для него. Сверху штемпель министерства — очевидно, служебное. Что случилось? Къ семи обѣщалъ быть... Не пойти ли къ Шутилину?

За окномъ городъ спитъ. Небо въ тучахъ. Вѣтерокъ, набѣжавшій недавно, перешелъ къ свистящей злобной настойчивости. Гдѣ-то съ разныхъ концовъ хрипло стали кричать пѣтухи. У домишки напротивъ глупо хлопаетъ ставня, на ворчливыхъ петляхъ калитка борется съ воздухомъ.

— Иванъ Степановичъ, вы?

— Уфъ! Наконецъ-то. Возьмите кипрегель.

Онъ стоитъ внизу, у окна. Устало дышитъ.

— Это, значитъ, наша квартира? А?

— Да. Гдѣ вы пропадали?

— Селякъ одинъ незнакомый къ себѣ затащилъ. На поминки по женѣ, кутью ѣсть... А гдѣ входъ? Тамъ?

— Да, въ ворота. И налѣво.

— Вы откроете? Будьте добренькій!

Катушкинъ шумно входитъ въ комнату, оглядывается, остается доволенъ. И громкимъ голосомъ повѣствуетъ о томъ, что на поминкахъ ѣлъ, сколько выпилъ.

— Письмо? Мнѣ?

— Да, вамъ. Служебное.

— Да что вы? Заплатятъ?

За окномъ — яркая вспышка. Протяжный грохотъ. И, вдругъ, грозный возгласъ Катушкина:

— Опять?

Страшный ударъ. Уже не за окномъ, а внутри. Катушкинъ опускаетъ могучій кулакъ на столъ, выпрямляется. И въ лицѣ ходитъ буря.

— Ради Бога... Что такое?

— Рракаліи! Я имъ!..

— Что случилось? Не заплатятъ?

Опять вспышка за окномъ, опять въ небѣ грохотъ. И щелчки крупныхъ капель по подоконнику. Катушкинъ изнеможенно садится, швыряетъ въ уголъ письмо, подпираетъ подбородокъ руками.

— Ну, что съ вами? Иванъ Степановичъ!

— Вы подумайте только... — раздается дѣтскій жалобный голосъ. — Ну, развѣ это возможно? Опять со службы уволили!

Уже скоро полдень. Жара. Въ ожиданіи обѣда мы сидимъ въ кафанѣ за столикомъ передъ пустыми приборами. Катушкинъ хмуро молчитъ, генералъ Шутилинъ читаетъ газету, художникъ Каненко на клочкѣ бумажки что-то высчитываетъ.

— Этакіе кретины, — произноситъ Шутилинъ, съ презрительной миной складывая газету и пряча въ карманъ. — Пока ихъ всѣхъ, какъ щенятъ, не ткнешь мордой въ большевизмъ, ничего не поймутъ. Ну, какъ вы, капитанъ? — обращается онъ къ Ивану Степановичу. — Будете здѣсь пробовать счастья, или уѣдете?

— На какія средства уѣдешь-то! — вздыхаетъ Катушкинъ. — А вамъ, кстати, ваше превосходительство, въ лавкѣ помощникъ не нуженъ? Я могу, честное слово. Съ радостью.

— Эхъ-хе... Гдѣ тамъ помощникъ! Я самъ, дорогой мой,

не знаю, къ чему себя въ лавкѣ приспособить, а вы помощника. Вы что умѣете-то? Какое ремесло, занятіе?

— Какое? Всякое!

— А все-таки... У меня есть знакомства. Я бы, пожалуй, переговорилъ съ сербами.

— Буду очень благодаренъ, ваше превосходительство... радостно конфузится Катушкинъ. — Спеціальности особенной, конечно, у меня нѣтъ, ваше превосходительство. Я — консисторскій чиновникъ. Но потому мнѣ и легче: что ни попадется — все равно. Скажу правду — за бѣженское время у меня такая философія образовалась, что не человѣкъ долженъ имѣть свою спеціальность, а наоборотъ, всякая спеціальность должна имѣть своего человѣка.

— Ну, а техническое дѣло, напримѣръ? — строго удивляется Шутилинъ. — Вѣдь, вы же, чертъ побери, не полѣзете подъ автомобиль починять машину, если ничего въ ней не смыслите?

— Какъ сказать, ваше превосходительство. Если буду очень голоденъ, полѣзу. Я, вотъ, въ позапрошломъ году, такимъ образомъ, на шапирографѣ въ Скопле печатать началъ. Шесть мѣсяцевъ служилъ...

— Хорошо, а если я васъ порекомендую, а вы, вдругъ, меня подведете? Что тогда?

— Не подведу, ваше превосходительство, будьте покойны.

— Садовникомъ, напримѣръ, вы можете быть?

— Садовникомъ? Отчего же! Если самостоятельно, безъ надзора со стороны хозяевъ... Да не сразу, а, напримѣръ, черезъ сутки... Могу.

— Хо-хо! Ну, попробуемъ. Ладно. Я Джурджевича спрошу. Онъ большой руссофилъ. Только, что у насъ за городъ. Сами видите: дрянь. Никому ничего здѣсь не нужно...

Всѣ лишніе. То ли дѣло Америка. Или Парижъ. Тамъ всякому занятіе найдется. Всякій, какое-нибудь скромное, а все-таки мѣсто получитъ. И какія спеціальности, доложу вамъ! Товарищъ мой по полку — полковникъ Кутицинъ, напримѣръ, на какую должность попалъ: въ зоологическомъ саду присматриваетъ за боа констрикторомъ... Гдѣ вы въ Сербіи найдете боа констриктора? А въ Гамбургѣ, на этомъ звѣрѣ отдѣльный русскій человѣкъ кормится. Вы, вотъ, смѣетесь, а я вамъ, господа, скажу: — если бы мнѣ такого констриктора да динаръ тысячу въ мѣсяцъ — поѣхалъ бы. Честное слово! Я животныхъ очень люблю. А что онъ боа — это его дѣло. Моя лавка не змѣя, а посмотрите, какъ меня душитъ!

Каненко, занятый въ началѣ обѣда вычисленіемъ гонорара, который онъ долженъ былъ получить съ хозяина кафаны за роспись стѣнъ, пессимистически отнесся къ надеждамъ Катушкина.

— Ничего здѣсь не найдете, могу васъ увѣрить, — уныло произнесъ онъ, принимаясь за второе. — Я цѣлый годъ бьюсь, нигдѣ никакой службы. Слава Богу, портреты догадался писать, кое-что заработалъ... А будь у меня свободныхъ динаръ пятьсотъ, шестьсотъ, ей-Богу бы все бросилъ, въ Бѣлградъ уѣхалъ бы.

— Ну, вамъ съ портретами хорошо! — вздохнулъ Катушкинъ. — Будь я художникомъ, я бы имъ показалъ. Всѣхъ разрисовалъ бы, подлецовъ.

— Ну да... Попробовали бы. Я не только предлагалъ, убѣждалъ. Иной разъ къ насилію чуть не прибѣгалъ. И все-таки не желаютъ. За весь годъ только два заказа и было приличныхъ: у срезскаго начальника и у предсѣдника. А остальные — всегда со скандалами. Съ недоразумѣніями.

— А что? Не похожи?

— Если бы! Наоборотъ: слишкомъ похожи. Одна купчиха въ окно недавно полотно выбросила. Не понравилось.

«Мнѣ, — кричитъ, — такой «слики» не нужно! Я такого урода мужа каждый день вижу! Онъ долженъ быть молодой. Красивый! Безъ лысины! А это что? Обезьяна!»

— Охъ-хо-хо... — насупился Катушкинъ, забарабанивъ по столу пальцами. — Тутъ, какъ видно, дѣйствительно, того... Пропадешь. Не заняться ли хиромантіей, чертъ возьми?

— А вы умѣете?

— Въ молодости зналъ. Погодите: что я еще въ молодости зналъ? Лобзикомъ выпиливалъ. Ну, это не пройдетъ: деньги нужны. Въ шахматы игралъ... На пузырѣ... Фокусы показывалъ... Да! Фокусы. Не показать ли имъ фокусы, въ концѣ концовъ?

Лицо Катушкина прояснилось. Онъ съ надеждой оглядѣлъ всѣхъ насъ по очереди.

— Фокусы? — подозрительно уставился на Ивана Степановича Шутилинъ. — Какіе такіе фокусы?

— Да разные... Многое забылъ, но кое-что до сихъ поръ помню. Исчезновеніе серебряной монеты, напримѣръ. Сжиганіе платка... Яйца, какъ курица, нести могу. Палка сама у меня въ воздухѣ держится.

Не найдя въ насъ особаго сочувствія, Катушкинъ утихъ. Я съ тревогой смотрѣлъ на него и не зналъ: какъ теперь быть? Денегъ взаймы онъ согласился взять всего пятьдесятъ динаръ, причемъ заявилъ, что съ завтрашняго дня обѣдать не будетъ, если не подыщетъ занятія. Что же касается Шутилина, то едва ли его протекція быстро поможетъ.

— Господа! — вздрогнулъ, вдругъ, Катушкинъ, смотря въ открытую дверь кафаны. — Что это? Піанино въ углу?

— Піанино, — кивнулъ Каненко.

— Такъ, вѣдь, концертъ можно устроить!

Катушкинъ отъ волненія всталъ. Каненко насторожился.

— Какой концертъ? — пробормоталъ, недоумѣвая, Шутилинъ. — Чей?

— Мой, конечно. Я же пою! Объявимъ гастроль... Попросимъ колонію принять участіе... Навѣрно, есть піанистъ. Пѣвица какая-нибудь. Есть у васъ пѣвица, ваше превосходительство?

— Марья Ильинишна поетъ... — задумчиво произнесъ генералъ. — Только какъ поетъ, неизвѣстно.

— Все равно! А піанистъ?

— Хо-хо! На піаниста какъ разъ и повезло. Вотъ вамъ — Алексѣй Викторовичъ: въ консерваторіи учился, наизусть жаритъ, что хотите. Виртуозъ.

— Что вы, Павелъ Андреевичъ! — краснѣетъ Каненко.

— Какъ что? Вѣрно! А вы сами-то чѣмъ поете, капитанъ: басомъ? Или теноромъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Баритономъ.

— Прекрасный баритонъ, — вставляю я.

— Ну что же. Если прекрасный — тѣмъ лучше. Пожалуй, концертъ устроить, господа, это дѣйствительно... Идея. Къ намъ за весь годъ одинъ только разъ какой-то чехъ-скрипачъ зимой пріѣзжалъ, да и то неудачно. По дорогѣ съ вокзала упалъ въ темнотѣ, вывихнулъ руку и уѣхалъ. А потребность у населенія, я думаю, есть. Въ особенности — по праздникамъ.

Мы долго совѣщаемся послѣ обѣда о деталяхъ. Каненко и Катушкинъ оба нервно возбуждены. Катушкинъ радостно ходитъ по террасѣ кафаны, трогаетъ шею, издаетъ звуки: «міа, міа» для пробы голоса. Каненко подсчитываетъ, сколько человѣкъ можетъ помѣститься въ кафанѣ, какой будетъ сборъ. А насчетъ репертуара разговоръ недолгій: Каненко помнитъ нѣсколько вещей Рахманинова, Скрябина, Ка-

тушкинъ — аріи изъ оперъ... И я набрасываю для перевода на сербскій языкъ текстъ афиши, которую Каненко самъ напишетъ и самъ разрисуетъ:

«ПРОѢЗДОМЪ ВЪ ПАРИЖЪ

черезъ Приштину и Митровицу
Извѣстный артистъ театровъ Россійскаго Временнаго Правительства и др.
драматическій баритонъ

ИВАНЪ КАТУШКИНЪ

дастъ одну только
гастроль
одну! одну!
При благосклонномъ участіи піаниста-солиста
Алексѣя Каненко
и др.

Репертуаръ: Евгеній Онѣгинъ, Пиковая Дама, Неронъ, Демонъ, Фаустъ, Карменъ и др. Цыганскія пѣсни, неаполитанскія, французскія, испанскія и др. Рахманиновъ, Скрябинъ, Дебюсси, Ребиковъ, Прокофьевъ и др.

Подро́бности въ программахъ».

Какая обида! Такъ хотѣлось остаться, посмотрѣть, какъ осуществится любопытная затѣя Катушкина...

И, вдругъ, на слѣдующій день телеграмма:

«Выѣзжай немедленно. Квартира сгорѣла до тла. Сами едва спаслись. Здоровы. Необходимо присутствіе».

Для чего было имъ такъ торопиться? Ну, что бы еще подождать денька два, три? А теперь положеніе идіотское. Вся колонія уже знаетъ о несчастьѣ, ходитъ смотрѣть на меня, высказываетъ соболѣзнованіе. И даже самъ Катушкинъ не уговариваетъ.

— Понимаю васъ, дорогой мой, понимаю, — сочувственно вздыхая, говоритъ онъ. — Разъ пожаръ, что подѣлаешь!

Взявъ слово съ Ивана Степановича, что онъ мнѣ все подробно опишетъ, я съ грустью уѣзжаю въ Бѣлградъ. Первое время на душѣ нехорошо, стыдно за допущенную безобразную ложь.

Но, вотъ, наконецъ, письмо. И я успокаиваюсь. Катушкинъ восторженно пишетъ:

«Дорогой мой! Ура! Если бы вы знали, какой успѣхъ! Скажу истинную правду — весь мѣстный бо-мондъ былъ. И аптекарь, и купецъ Іокичъ, и почтарь, и отецъ парохъ, и самъ срезскій начальникъ. Программу всю выполнили. Какъ Каненко Скрябина игралъ — уму непостижимо! За двѣ лопнувшія струны, правда, пришлось кафанщику заплатить, но успѣхъ колоссальный. Іокичъ цѣловаться съ Каненкой пришелъ, увѣрялъ, что никогда отъ одного человѣка не ожидалъ услышать столько звуковъ въ такое короткое время. А я тоже фуроръ произвелъ полный. Сначала, правда, когда выступилъ съ «Увы, сомнѣнья нѣтъ», публика еще не разобрала, хорошо пою или плохо. Оглушилъ, очевидно. И каватину Валентина тоже не оцѣнили. Но, вотъ, «Не плачь, дитя» задѣло здорово. Жена аптекаря заплакала даже, грудныя дѣти у кого-то въ заднихъ рядахъ тоже заревѣли. А какъ добрался я до Карменъ, да двинулъ во всю силу Торреадора, который смѣлѣе впередъ... Что было! Вещь оказалась многимъ знакомой, неожиданно образовался въ залѣ вмѣсто моего соло — хоръ, всѣ стали подпѣвать, почтарь поднялся съ мѣста, дирижировать началъ. И вызывали — безъ конца: крики, шумъ, стукъ... Одного пьянаго срезскій начальникъ приказалъ вывести: требовать началъ, каналья, чтобы Каненко ему тоже аккомпанировалъ. «Вольгу, Вольгу, мать родную» хотѣлъ исполнить.

А послѣ меня и Каненки еще Анна Федоровна пѣла. Не помните? Жена полковника, такая щуплая, болѣзненная. Сама-то она прекраснѣйшая личность, добрѣйшей души человѣкъ, но голосокъ, сказать правду, не важный. Тоненькій, а главное неувѣренный, боязливый, все время опасаться приходится, что не туда заѣдетъ, куда назначено авторомъ. Пѣла она «ахъ, истомилась, устала я», но глупая у нея, знаете, привычка: какъ только гдѣ голосъ сорвется или сфальшивитъ, сейчасъ же останавливается, съ удивленіемъ глядитъ на публику. Я бы на ея мѣстѣ это нарочно скрылъ, поторопился бы слѣдующую ноту поэнергичнѣе взять, а она недовольно машетъ рукой, громко произноситъ «эхъ!» и заставляетъ Каненку аккомпанировать сначала. Бились они этакъ вдвоемъ на глазахъ у публики довольно долго, на третій разъ чуть до самаго конца не добрались... Но, слава Богу, одинъ слушатель выручилъ: всталъ и объявилъ, что мѣстное купечество, высоко цѣня русское искусство, проситъ всѣхъ артистовъ принять отъ нихъ угощеніе въ сосѣдней комнатѣ. Для Анны Федоровны это, конечно, оказалось хорошимъ выходомъ изъ «Пиковой Дамы». А для меня лично, скажу прямо, настоящей удачей. Сборъ при входѣ былъ не особенный: 420 динаръ. Но за ужиномъ срезскій начальникъ, дай Богъ ему здоровья, вѣчно буду его помнить, особую комбинацію съ купцами придумалъ. У него, сами понимаете, какія деньги могутъ быть? Вотъ, онъ потихоньку и говоритъ: «я тебѣ, братъ русъ, соберу среди нихъ тысячи двѣ динаръ, только ты меня пока не выдавай, я самъ имъ завтра раскрою... Ты пой намъ за столомъ, а я послѣ каждаго номера буду класть на тарелку по сотенной бумажкѣ и предлагать купцамъ дѣлать то же. Имъ не бѣда разориться, а мнѣ ты мои деньги послѣ ужина верни, я человѣкъ небогатый». И что бы вы думали? Собралъ! Каненко отъ меня 300 динаръ на слѣдующій день получилъ, Анна Федоровна за «Пиковую Да-

му» 50, кафанщикъ за піанино — 100, и все-таки 1.800 чистыхъ осталось.

Теперь я въ городѣ — герой. Всѣ меня знаютъ. Но мы съ Алексѣемъ Викторовичемъ рѣшили не оставаться здѣсь, а думаемъ ѣхать въ турнэ по всей Македоніи. Такъ и быть, пусть несчастные жители воспользуются случаемъ ознакомиться съ великимъ русскимъ искусствомъ, пока мы съ Каненкой не вернулись въ Россію. Правильно?

Любящій Васъ

И. Катушкинъ».

ОГЛАВЛЕНІЕ

РАЗСКАЗЫ

ВСТРѢЧИ

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Тихая заводь. Романъ. 2-е изд. С.-П.Б. 1914 г.

Сѣятели вѣчнаго. Романъ. 2-е изд. С.-П.Б. 1915 г.

Въ странѣ чудесъ. Третье изд. С.-П.Б. 1915 г.

Золото Рейна. С.-П.Б. 1915 г.

Самостiйные украинцы. Очерки. С.-П.Б. 1915 г.

Спириты. Разсказы. 2-е изд. С.-П.Б. 1916 г.

Лунная дорога. Разсказы. Петроградъ. 1916 г.

Раздѣнься, человѣкъ. Ром. Петроградъ. 1917 г.

Диктаторъ мiра. Ром. будущаго. Бѣлградъ. 1925 г.

Души живыя. Романъ. Бѣлградъ. 1925 г.

За тридевять земель. Романъ. Бѣлградъ. 1926 г.

Imprimerie PASCAL, 13, rue Pascal Paris (V)